Bestseller

БРИЛЛИАНТЫ ВЕЧНЫ

Б. Холлидей
Й. Флеминг
М. Эберхарт

Бриллианты вечны

Ян Ланкастер Флеминг

Йен Флеминг. Бриллианты вечны
Глава 1. «Алмазная трубка» открывается
Глава 2. Достоинство драгоценного камня
Глава 3. Горячий лед
Глава 4. Что здесь происходит?
Глава 5. Опавшие листья
Глава 6. В пути
Глава 7. Шеди Трик
Глава 8. Глаз, который никогда не спит
Глава 9. Горькое шампанское
Глава 10. «Студиллак» в Саратоге
Глава 11. Шай Смайл
Глава 12. Конец дела
Глава 13. Грязелечебница
Глава 14. Мы не прощаем ошибок
Глава 15. Улица мира
Глава 16. «Тиара»
Глава 17. Благодарю за прогулку
Глава 18. Под прикрытием ночи
Глава 19. Спектрвилл
Глава 20. Пламя из трубы
Глава 21. Ничто так не сближает, как близость

Глава 23. Любовь и соус «Вернез»
Глава 23. Работа отходит на второй план
Глава 24. Смерть так неумолима
Глава 25. «Алмазная трубка» закрывается

Йен Флеминг
Бриллианты вечны

007

Два нуля перед номером означали разрешение убивать во время выполнения заданий Секретной службы и были знаком высокой чести и доверия, заработанным большим трудом.

Джеймса Бонда удовлетворяли лишь опасные задания, которые ему и поручались.

Глава 1
«Алмазная трубка» открывается

Из небольшого отверстия, выставив вперед клешни, с сухим шорохом выполз большой скорпион.

Снаружи был маленький участок плоской земли, и скорпион остановился на нем, поднявшись на четыре пары ног.

Он был готов к немедленному отступлению: все нервы и мускулы его были напряжены, и он ловил колебания воздуха, от которых зависели его дальнейшие движения.

Лунный свет, льющийся через заросли кустарника, отбрасывал сапфирные отблески на твердое отполированное тело, тускло отражался на влажном белом жале, выдававшемся наружу из последнего сегмента хвоста.

Жало медленно вернулось в свою оболочку, и нервы в ядовитых железах расслабились. Скорпион решился. Жадность победила страх.

В двенадцати дюймах, у подножья песчаного бархана, маленькая бабочка старалась добраться до лучшего пастбища, которое находилось в

зарослях кустарника, но бросок скорпиона вниз по склону был настолько стремителен, что у нее не было времени расправить крылья. Бабочка замахала лапками, в то время как острые клешни обхватили ее тело и сверху в нее вонзилось жало. Через мгновенье она была мертва.

Убив бабочку, скорпион некоторое время был неподвижен. За это время он изучил свою жертву и снова проверил землю и воздух: нет ли опасных колебаний. Убедившись в том, что ему ничто не угрожает, он разжал клешни и вонзил челюсти в тело бабочки. Затем в течение часа он пожирал свою жертву.

Большой колючий кустарник, под которым скорпион убил бабочку, был заметен в степи, расстилающейся на протяжении сорока миль на юге Кисидугу в юго-западной части французской Гвинеи.

Кустарник рос недалеко от места, где проходили границы трех африканских государств, а именно — во французской Гвинее, всего в десяти милях от самой северной точки Либерии и в пяти милях восточнее границы Сьерра-Леоне. За этой границей, вокруг Сафаду, располагались большие алмазные копи. Они принадлежали африканскому интернациональному обществу и находились

под британской опекой.

Часом ранее, сидя в своей норе среди корней большого колючего кустарника, скорпион был потревожен колебанием воздуха. Сначала это были легкие взмахи крыльев бабочки — знакомые колебания, затем последовала серия непонятных глухих звуков, завершившихся сильным ударом, завалившим часть норы скорпиона. За этим последовали мягкие, ритмичные колебания земли, которые были настолько регулярны и однообразны, что вскоре перестали тревожить скорпиона. После паузы слабые шорохи бабочки возобновились, и это оказалось для нес роковым, потому что заслонило все остальные посторонние звуки и скорпион выполз на льющийся лунный свет.

Теперь, когда он насыщался телом бабочки, над ним прозвучал сигнал, предвещающий его смерть, сигнал, состоящий из колебаний, далеко выходящих за пределы чувствительных органов скорпиона. В нескольких футах от него тяжелая рука с обкусанными ногтями мягко подняла зазубренный кусок камня.

Не было никакого шума, но скорпион почувствовал над собой движение воздуха и моментально собрался: жало выпрямилось и превратилось в жесткий хвост, его близко по-

саженные глаза уставились на врага. Тяжелый камень упал на скорпиона.

— Черный ублюдок!

Человек смотрел, как раздавленное насекомое металось в предсмертной агонии. Человек зевнул. Он присел в песчаной впадине перед зарослями кустарника, где находился уже около двух часов.

Шум мотора, которого ждал человек, вынесший скорпиону смертный приговор, стал громче. Он встал и, глядя вверх, увидел неуклюжие черные очертания вертолета, быстро приближающегося к нему с востока; увидел на мгновенье, как лунный свет мелькнул на вращающихся лопастях его винта. Человек вытер руки о шорты, быстро обошел куст и направился к тому месту, где из укрытия выступало наклоненное колесо мотоцикла.

Под сиденьем лежал кожаный ящик для инструментов, и он вытащил оттуда небольшой тяжелый пакет, который сразу засунул под рубашку. Затем он вынул четыре дешевых электрических фонарика и пошел туда, где в пятидесяти ярдах от колючего кустарника была ровная площадка земли размерами с теннисный корт.

Пилот опоздал на полчаса, и ему ужасно не

хотелось выслушивать упреки от человека, встречавшего его. Он презирал всех африканцев, а этого в особенности. Для пилота избранных воинских частей африканцы были расой ублюдков, лицемерных, глупых и грубых. Конечно, у этого парня была очень рискованная работа, но это ничто по сравнению с управлением вертолетом на протяжении тысячи миль над джунглями ночью.

Когда человек подошел к нему, пилот приветствовал его пожатием руки.

— Все в порядке?

— Надеюсь! По вы снова опоздали, и я только сумею перебраться через границу до солнечного восхода.

— Неисправность магнето. У нас у всех есть свои заботы. Благодарение богу, что в году тринадцать полнолуний. Ну ладно, если у вас есть для меня что-нибудь, давайте быстрее погрузим, и я полечу обратно.

Ничего не говоря, человек с алмазных копей сунул руку за рубашку и протянул пилоту аккуратный тяжелый сверток.

Пилот взял его. Сверток был пропитан потом контрабандиста, и пилот опустил его в боковой карман своей опрятной полотняной рубашки.

Потом вытер руки о шорты.

— Порядок, — сказал он и повернулся к машине.

— Одну минуточку, — проговорил контрабандист. В его голосе слышались сердитые нотки.

Пилот обернулся и посмотрел на него. Он подумал: «Это голос слуги, который собирается выразить недовольство едой».

— Да. В чем дело?

— Дело становится слишком опасным на рудниках. Мне это совсем не нравится. Из Лондона приехал какой-то крупный агент: его зовут Силлитоу. Говорят, что он занят проверкой алмазной корпорации Франции. Введено много новых правил, и все наказания удвоены. Это ужасно перепугало некоторых моих подручных. Я вынужден быть безжалостным… и один из них каким-то образом упал в дробилку. Все это создало напряженную обстановку, и мне пришлось платить больше. Дополнительные 10 процентов их не удовлетворили. В самые ближайшие дни люди из Службы безопасности могут забрать одного из моих людей. Разве вы не знаете этих черных свиней? Они не могут выдержать настоящей порки. — Он быстро взглянул в глаза пилоту и отвел взгляд. — К тому же я сомневаюсь, что хо-

тя бы один из них выдержит удар бича. Даже я.

— Да? — произнес пилот. Он помолчал. — Вы хотите, чтобы я передал эту угрозу АВС?

— Я никому не угрожаю, — поспешно проговорил человек. — Я просто хочу, чтобы они знали, что становится все труднее. Они обязаны знать о Силлитоу. Послушайте, что сообщил наш председатель в своем годовом отчете. Он сказал, что наши шахты теряют более двух миллионов фунтов стерлингов из-за контрабанды и что ИДЕ и само правительство должны пресечь это. А что это значит? Это значит остановить меня.

— И меня, — мягко проговорил пилот. — Итак, что вы хотите? Больше денег?

— Да, — упрямо повторил человек. — Я хочу большую долю. 20 процентов, или мне придется выйти из игры.

Он постарался прочесть на лице пилота, какое впечатление на него произвело это заявление.

— Хорошо, — безразлично ответил пилот. — Я передам сообщение в Дакар. И если они этим заинтересуются, я полагаю, они передадут это сообщение в Лондон. Но это уже меня не касается, и если бы я был на вашем месте, — пилот впервые отбросил сдержанность, — то не очень бы давил на этих людей. Они могут быть намного более

жестокими, чем Силлитоу, или компания, или любое правительство. Именно на этом конце «алмазной трубки» за последние 12 месяцев погибли три человека. Один за то, что был желтым, двое — за то, что брали из пакета. И вы знаете об этом. С вашим предшественником произошел отвратительный случай. Не так ли? Ужасно забавно хранить неленит под своей кроватью. А он так обо всем заботился.

Несколько мгновений они стояли при свете и глядели друг на друга. Контрабандист пожал плечами.

— Ладно, — сказал он, — только скажите им, что мне здесь приходится очень трудно и, чтобы продолжать дело, мне надо больше денег. Они должны понять это, и если у них есть чувство здравого смысла, они прибавят мне еще 10 процентов. Если нет... — Он не докончил фразу и повернулся к вертолету.

— Пошли! Я дам вам баллон с газом.

Десять минут спустя пилот взобрался в кабину и втащил за собой лестницу. Перед тем как захлопнуть дверь, он поднял руку.

— До встречи, — сказал он. — Увидимся через месяц.

Человек, стоявший на земле, внезапно почув-

ствовал себя одиноким.

— Проваливай, — сказал он, взмахнув рукой. — Все будет хорошо. — Он отступил назад и прикрыл глаза от пыли.

Пилот опустился в кресло и застегнул ремни. Он нащупал ногами педаль винта и, удостоверившись, что тормоза колес были включены, быстро перевел рычаг управления шага винта прямо вниз, включил зажигание и нажал стартер. Удовлетворенный работой мотора, он ослабил винтовой тормоз и мягко закрутил дроссельный клапан на рычаге управления шагом винта. За окнами кабины медленно поворачивались длинные лопасти винта, и пилот заглянул назад, на крутящийся хвостовой винт. Он поудобнее уселся в кресле и стал ждать, пока на указателе скорости винта не появится цифра «200». Когда стрелка встала точно на «200», он ослабил тормоза колес и медленно потянул вверх рычаг шага винта. Прямо над ним лопасти винта наклонились и стали резать воздух. Он еще больше закрутил клапан, и машина медленно поднялась над землей, пока не достигла ста футов, после чего он быстро перевел рычаг управления.

Вертолет, набирая скорость и высоту, двигался на восток, стараясь уйти из лунного света. Че-

ловек на земле следил, как удалялись сто тысяч фунтов — алмазы, которые его люди украли у добытчиков. Иногда они доставали их из-под языков в то время, когда он стоял за зубоврачебным креслом и грубо спрашивал, где болит.

Продолжая говорить об их зубах, он вынимал камни изо ртов и подносил их к свету, а затем предлагал 50, 75, 100 долларов. И всегда они кивали, брали деньги, пришли их под одеждой и, чтобы иметь алиби, выходили из кабинета с пакетиками таблеток. Они были вынуждены принимать его цены: у них не было никакой надежды самим сбыть алмазы.

Когда шахтеры брали короткий отпуск, хотя бы раз и год, чтобы навестить свое племя или похоронить своего родственника, они проходили все процедуры исследований, включая рентген. Другое дело — посещение кабинета зубного врача, когда принимал «он». Бумажные деньги не просвечивались рентгеном.

Человек выкатил свой мотоцикл на узкую тропинку и направился к пограничным холмам Сьерра-Леоне. Теперь их можно было легко различить. Времени у него было совсем в обрез, чтобы до рассвета добраться в Долину слез. Он скорчил гримасу при мысли о том, что ему придется за-

ниматься любовью после такой изнурительной ночи, но он был вынужден делать это. Денег было недостаточно, чтобы можно было заплатить за алиби, которое женщина предоставляла ему. Ей было нужно его белое тело. А затем еще десять миль до клуба, где можно позавтракать и перебросится обычными шутками с друзьями.

— Хорошо провели ночь? Я слышал, что у нее самая привлекательная внешность во всей округе. Скажите, док, что вы делаете в полнолуние?

Но каждая посылка в сто тысяч фунтов стерлингов означала тысячу фунтов вклада на его счет в лондонском банке. Чудесные, живительные деньги. Игра стоила свеч. Но не слишком долго. Нет, при двадцати тысячах фунтов он окончательно бросит это дело. А что дальше? Его мысли были переполнены мечтами.

Человек на мотоцикле старался ехать как можно быстрей, чтобы удалиться от зарослей колючего кустарника, откуда начинала свой путь алмазная линия самых крупных контрабандистов в мире, чтобы окончиться в пяти тысячах миль от этого места.

Глава 2
Достоинство драгоценного камня

— Не преувеличивайте, — сказал М.

Джеймс Бонд снова взял лупу, и на сей раз ему удалось надежно укрепить ее в правом глазу.

Хотя был конец июля и комната была освещена солнцем, М. включил настольный свет и направил его на Бонда. А тот взял алмаз бриллиантовой огранки и поднес его к глазу. Когда он поворачивал алмаз между пальцами, то от его граней в глаза ему брызгали все цвета радуги и ослепляли. Он вынул лупу и стал подбирать подходящие сравнения.

М. насмешливо смотрел на него.

— Красивый камешек?

— Замечательный! — ответил Бонд. — Он, должно быть, стоит очень дорого?

— Несколько фунтов за каждую грань, — сдержанно ответил М. — А теперь посмотрите еще.

Он взглянул на лист бумаги, лежавший перед ним на столе, и, выбрав камень, обернутый папиросной бумагой, передал его Бонду. Бонд положил обратно в коробку кусочек кварца и взял второй

образец.

— Вам легко, сэр, — улыбнулся он М. — У вас есть шпаргалка. — Он снова вставил лупу в глаз и поднес к нему камень.

«Теперь — подумал он, — нет никакого сомнения». Этот камень, около двадцати карат, имел 32 грани вверху и 24 внизу: гранение на бриллиант. Был он бело-голубого цвета, все цвета спектра отражались и преломлялись в его глубине, проникая в глаз, как иголки.

Левой рукой Бонд взял подделку из кварца и положил ее рядом с алмазом. Рядом с ослепляющей прозрачностью алмаза кварц казался безжизненным и тусклым. И краски радуги, которые Бонд видел несколько минут тому назад, теперь казались грубыми и блеклыми.

Бонд положил кусок кварца обратно и снова взглянул на алмаз. Теперь ему была понятна страсть, которую бриллианты вызывали в человеке в течение многих веков. Они порождали почти сексуальную страсть у тех, кто держал их в руках, обрабатывал и торговал ими. Они подавляли всех своей красотой, настолько чистой, что в ней трудно было усомниться. Божественное превосходство, перед которым все другие материальные вещи блекли, как этот кусочек кварца. За

эти несколько минут Бонд понял миф об алмазах и знал, что никогда не забудет того, что увидел в сердце этого камня. Он положил алмаз на бумагу и выронил лупу на ладонь. Потом взглянул в следящие за ним глаза М.

— Да, — сказал он, — я все понял.

М. опустился поглубже в кресло.

— Именно это имел в виду Джекоб, когда я обедал с ним вчера в «Алмазной корпорации», — проговорил М. — Он мне сказал, что если я собираюсь войти в алмазный бизнес, я должен понять, что в действительности стоит за этим. Это не миллионы получаемых денег, не алмазный фонд, предохраняющий от инфляции, не сентиментальная мода на алмазы в обручальных кольцах и тому подобное. Он сказал, что человек должен понять страсть к алмазам. Он просто показал мне то, что я сейчас показал вам. — М. слабо улыбнулся Бонду. — Надеюсь, что вы поняли меня.

Бонд ничего на это не ответил.

— А теперь давайте посмотрим остальное, — сказал М. Он указал на несколько бумажных пакетиков, лежащих перед ним.

— Я сказал, что хочу получить некоторые образцы, и, кажется, они не возражают против

этого. — М. снова взглянул на лист бумаги, открыл пакет и передал его Бонду.

— Камень, который вы только что рассматривали, самый лучший «Прекрасный бело-голубой». — Он указал на большой алмаз, лежащий перед Бондом. — Теперь посмотрите на этот кристалл в десять карат. Прекрасный камень, но стоит половину стоимости бело-голубого. Вы увидите, что в нем есть тончайший след желтого цвета. «Кейр». Следующий — имеет небольшой коричневый оттенок, по описанию Джекоба. Но черт меня побери, если я могу различить его! Сомневаюсь, что это смог бы сделать кто-нибудь, кроме эксперта.

Бонд послушно взял большой кристалл. В течение четверти часа М. показывал ему всю коллекцию драгоценных камней, включая и замечательные разноцветные— рубиновые, красные, желтые, розовые, зеленые и фиолетовые. Под конец М. передал ему пакет маленьких камней, которые были либо с изъяном, либо бледного цвета.

— Это промышленные алмазы, используются для изготовления различных инструментов и тому подобного.

Но не пренебрегайте ими: Америка купила их

на пята миллионов фунтов, а это только один из рынков сбыта. Кронстин сказал мне, что именно такие камни применялись при проходке тоннеля «Св. Готарда». Дантисты также используют их при лечении зубов. Алмазы — самое твердое вещество в мире. Служат вечно.

М. взял трубку и начал набивать ее табаком.

— Теперь вы знаете об алмазах столько же, сколько и я…

Бонд откинулся в кресле и посмотрел на мерцающие камни, лежащие на красной кожаной поверхности стола М. Его интересовало, что все это значит. М. чиркнул спичкой о коробок, и Бонд наблюдал за тем, как он утрамбовал табак в трубке, зажег ее и положил спичечный коробок в карман.

Бонд взглянул на свои часы. Было одиннадцать тридцать. Он с удовольствием подумал о столе, заваленном делами Службы безопасности, которые он оставил час назад после вызова по красному телефону. Он предчувствовал, что ему не придется заниматься этими делами.

Серые глаза задумчиво посмотрели на него. М. вынул трубку изо рта.

— Как давно вы вернулись из отпуска?

— Две недели, сэр.

— Хорошо провели время?

— Неплохо, сэр. К концу немного наскучило.

— Я просмотрел ваши записи, — сказал М. — Да и ваш последний медицинский осмотр подтверждает, что вы в хорошей форме. — М. помолчал. — Дело в том, — продолжал он, — что у меня для вас есть довольно сложное задание. Хотелось бы удостовериться, что вы сможете выполнить его и в нужный момент позаботитесь о себе.

— Конечно, сэр. — Бонд был слегка уязвлен.

— Не стройте иллюзий по поводу этой работы, 007,— резко проговорил М. — Если я говорю, что она трудна, не считайте меня мелодраматичным. На свете существует много хватких людей, с которыми вам до сих пор не приходилось сталкиваться и которые могут быть замешаны в этом деле. Многие из них обладают достаточной ловкостью и силой, так что не обижайтесь, если я не сразу ввел вас в курс этого дела.

— Простите, сэр.

— Тогда хорошо. — М. положил свою трубку и, облокотившись на стол, подался вперед. — Я расскажу вам всю историю, и тогда вы решите, возьметесь ли вы за это дело или нет. Неделю назад, — продолжал М., — меня навестило одно высокопоставленное лицо, вместе с постоян-

ным секретарем Министерства торговли. Дело касалось алмазов. Кажется, большинство из тех, что они называют алмазами высшего качества в мире, находятся на британской территории, и 90 процентов всей торговли алмазами ведется в Лондоне «Алмазной корпорацией». — М. пожал плечами. — Не спрашивайте меня, почему англичане в начале века взяли этот бизнес в свои руки и умудрились сохранить его до настоящих дней. Сейчас он составляет около пятидесяти миллионов фунтов стерлингов в год. Самая большая возможность для получения долларов, которая у корпораций имеется. Так что, когда с этим товаром происходит что-либо неладное, правительство начинает беспокоиться. Как раз такое и случилось.

М. быстро взглянул на Бонда.

— По крайней мере на два миллиона фунтов алмазов каждый год переправляется из Африки контрабандным путем.

— Это большие деньги, — сказал Бонд. — Как же они идут? И куда?

— Говорят, что в Америку, — ответил М. — И я с этим согласен. Это самый большой алмазный рынок. Их гангстеры как раз такие люди, которые могут вести работу в подобном масштабе.

— Почему же рудная компания не остановит это?

— Они делали все, что могли, — ответил М. — Вы, вероятно, читали в газетах, что компания «Де Бирс» наняла нашего друга Силлитоу, когда он покинул MI-5. Сейчас он там работает с южноафриканскими сотрудниками Службы безопасности. Я убежден, что в своем отчете он предложил немало светлых идей, но Казначейство и Министерство торговли не очень-то впечатлительны. Они считают, что это слишком серьезное дело, чтобы им руководило множество отдельных рудных компаний, какими бы эффективными меры ни были. У них есть одна очень веская причина для того, чтобы самим принять действенные меры.

— Что же это, сэр?

— Как раз в настоящее время в Лондоне находится большой пакет контрабандных камней, — сказал М., и его глаза блеснули. — Его собираются переправить в Америку, и специальный отдел знает, кто должен это осуществить. Кое-что стало известно одному из агентов Рони Веленса в Сохо. Он пошел с информацией прямо в Казначейство и в Министерство торговли, а затем оба министра сообщили обо всем премьер-министру. И

тот дал им разрешение использовать Службу безопасности.

— Почему не поручили это дело специальному отделению MI-5, сэр? — спросил Бонд, заметив, что М. затрагивает межведомственные вопросы.

— Конечно, они могли бы арестовать курьера, как только он с грузом будет пытаться покинуть страну, — нетерпеливо ответил М., — но это не остановит дальнейших операций. Эти люди неболтливы. И к тому же курьеры — мелкие сошки. Они, вероятно, получают товар от незнакомого человека где-нибудь в парке и таким же образом передают его на другой стороне. Единственный путь добраться до истоков этого бизнеса — это последовать за «алмазной трубкой» в Америку: узнать, куда она там ведет. И я боюсь, что ФБР не очень-то поможет нам в нашем деле: Америке это не причиняет вреда. Теряет только Англия. Америка выходит за сферу полномочий полиции и MI-5, только Служба безопасности сможет выполнить эту работу.

— Да, я понимаю, — сказал Бонд, — но есть ли у нас что-нибудь для начала?

— Вы когда-нибудь слышали об «Алмазном доме»?

— Конечно, сэр, — ответил Бонд. — Крупные

американские ювелиры обосновались в Нью-Йорке на 46-й стрит и в Париже на Рю де Риволи. Их конторы возникли очень быстро после войны.

— Да, — продолжал М. — Это как раз те люди. У них также имеется небольшое учреждение в Лондоне на Хеттом Гардене. Они крупные покупатели на ежемесячных выставках «Алмазной корпорации». Но за последние три года они стали покупать все меньше и меньше, хотя каждый год продают очень много ювелирных изделий. Казначейство отметило это. Но я ничего не могу им предъявить. Здесь у них есть человек, отвечающий за этот бизнес, но странно, что этот бизнес так мал. Этого человека зовут Руфус Б. Сайс. О нем очень мало данных. Он обедает каждый день в американском клубе на Пикадилли, играет в гольф, не пьет и не курит. Живет в «Савое». Образцовый гражданин. — М. пожал плечами, — Но алмазный бизнес хорошо налажен, и создается впечатление, что «Алмазный дом» заинтересован в этом.

— Что же я должен делать, сэр? — спросил Бонд, глядя в глаза М.

— У вас встреча с Веленсом в Ярде, — М. взглянул на часы. — Ровно через час, в два часа. Курьер был арестован, и вас введут в дело вместо него.

Пальцы Бонда сжали ручку кресла.

— А затем?

— А затем вы станете заниматься контрабандой этих алмазов и в Америку, — ответил М., как что-то само собой разумеющееся, — в этом и заключается идея. Что вы об этом думаете?

Глава 3
Горячий лед

Джеймс Бонд закрыл за собой дверь кабинета М., улыбнулся в теплые, карие глаза мисс Монни и прошагал через ее приемную в кабинет начальника штаба.

Начальник штаба — худой человек приблизительно такого же возраста, как и Бонд, положил ручку и откинулся в кресле. Он следил за тем, как Бонд автоматическим движением достал из заднего кармана брюк плоский портсигар и, подойдя к открытому окну, взглянул на Реджин-стрит.

В движениях Бонда была задумчивая медлительность, которая не обманула начальника штаба.

— Итак, вы приняли это предложение?

Бонд повернулся.

— Да, — ответил он.

Он закурил сигарету, и через дым его глаза смотрели прямо на начальника штаба.

— Только скажите мне, Вэлл, почему старик так заинтересован в этой работе? Он даже поинтересовался результатом моего медицинского

обследования. Зачем он так беспокоится? Раньше он не был таким. Америка— цивилизованная страна, более или менее. Что же его беспокоит?

— Разве входит в обязанности начальника штаба знать, о чем думает М.? — Его сигарета погасла, и он снова зажег ее, а спичку бросил через плечо, оглянулся, чтобы посмотреть, попала ли она в корзину для использованных бумаг, и улыбнулся Бонду. — Постоянная практика, — продолжил он. — Существует немало вещей, которые беспокоят М. И вам это известно не хуже меня. СМЕРШ, немецкие дешифровщики, китайское опиумное кольцо, власть мафии, американские гангстеры наконец. Они серьезно беспокоят М., а алмазный бизнес выглядит чудесным занавесом, чтобы ввести вас в игру против гангстеров. М. меньше всего предполагал, что ему придется столкнуться с ними. У него и так достаточно дел. Вот и все, что может интересовать вас по поводу этой работы.

— В американских гангстерах нет ничего особенного, — возразил Бонд. — Они не американцы. Большинство из них итальянские бездельники с монограммами, с любовью к спагетти и к вонючим фрикаделькам.

— Совершенно верно, — согласился начальник штаба, — но дело в том, что за ними стоят опреде-

ленные силы. Например, наркобизнес. Миллион наркоманов. Откуда они достают наркотики? А азартные игры? Разрешенные законом азартные игры. Двести пятьдесят миллионов долларов в год в Лас-Вегасе. Но ведь существуют тайные притоны в Майами, Чикаго… Всем этим владеют гангстеры. Несколько лет назад Бакси Сигел лишился головы, потому что хотел погреть руки на игорном бизнесе. И он был жестоко проучен. Азартные игры в Америке — это грандиозное поле деятельности мафии! Получаемые суммы гораздо больше прибылей от проката стали или автомобильной индустрии. И теневые дельцы заботятся о том, чтобы дела шли успешно. Если вы мне не верите, возьмите копию доклада Кафауэра. А теперь эти алмазы. Шесть миллионов долларов в год — неплохие деньги. Можно дать голову на отсечение, что дело здорово продумано и защищено.

Начальник штаба сделал паузу. Он взглянул на высокую фигуру в темно-синем однобортном костюме, на загорелое лицо и глаза, выражавшие решимость и упрямство.

— Вероятно, вы не читали доклад ФБР о преступности в этом году. Тридцать четыре убийства каждый день. Около ста пятидесяти тысяч амери-

канцев убито за последние двадцать лет.

Бонд недоверчиво взглянул на него.

— Это так, черт побери! Возьмите сами эти доклады, прочитайте, и тогда вы поймете, почему М. хотел удостовериться в том, что вы подходите, прежде чем вводить вас в игру. Вы должны работать на гангстеров. Поняли?

Лицо Бонда вытянулось.

— Продолжайте, Вэлл, — сказал он. — Но если это все, то я предлагаю вам пообедать со мной. Я отвезу вас в ресторан к Скоттам.

Начальник штаба отбросил все сомнения, которые разделял со своим начальником, и последовал за Бондом, резко хлопнув за собой дверью.

Позднее, ровно в два часа, Бонд здоровался с щегольски одетым человеком со спокойными глазами. Стены его старинного кабинета слышали больше секретов, чем любая комната в Скотланд-Ярде. Бонд познакомился с мистером Веленсом в деле «Мунрэкера», и им не надо было терять времени на предварительные разговоры.

Веленс бросил ему через стол несколько фотографий для опознания: на них был изображен довольно приятной наружности молодой человек с коротко подстриженными волосами, с

невинно улыбающимися глазами.

— Вот этот парень, — сказал Веленс, — он достаточно похож на вас, чтобы вы смогли сойти за него у тех, у кого имеется лишь его описание. Симпатичный парень. Питер Франк. Из хорошей семьи. Школа и тому подобное. Затем он ступил на скользкий путь, да так там и остался. Основное его занятие — кражи со взломом в городских окрестностях. Возможно, что он был несколько лет тому назад замешан в деле князя Виндзора. Раз или два его арестовывали, но за недостатком улик ему не могли пришить дело. В Сохо он познакомился с двумя девицами из Секретной службы и страстно увлекся одной. Странно, что эта девица также увлеклась им. Она считала, что сможет вернуть его на правильный путь. Но когда он рассказал ей о своей работе, а это произошло случайно, как будто в шутку, она сообщила нам.

Бонд кивнул.

— Обманщики никогда других не принимают всерьез. Я думаю, в своей стране он вряд ли распространялся о работе.

— Нет конечно, — согласился Веленс, — иначе мы давно бы схватили его. Он согласился провезти контрабанду за пять тысяч долларов. Эта работа оплачивается по выполнении доставки.

Моя девушка спросила его, не наркотики ли это? А он засмеялся и ответил: «Нет, лучше этого. Горячий лед».

У него алмазы или?.. Завтра вечером у Трафальгарского дворца он должен будет войти в контакт со своими сообщниками. В пять часов в номере отеля девушка по имени Кейс скажет Бонду, что он должен будет делать. И будет сопровождать его.

Веленс встал и стал ходить по комнате вдоль стены, оклеенной фальшивыми пятифунтовыми банкнотами.

— Эти контрабандисты всегда работают парами, когда переправляют большой груз. Они никогда полностью не доверяют курьеру, и люди на другом конце хотят, чтобы были очевидцы на случай, если в таможне случится что-либо неладное. Поэтому организаторы не рискуют попасться, даже если курьер проговорится.

Бонд затушил сигарету в пепельнице, стоявшей на столе Веленса.

Как часто в ранние годы своей службы он сам бывал частью такого процесса. Через Страсбург в Германию, через Негорелое в Россию, через Симплон в Пиренеи. Напряжение. Сухой рот. Сжатые ладони. И теперь, отойдя от всего этого, он вновь

ввязывался в игру.

— Да, я понимаю, — проговорил Бонд, отгоняя воспоминания. — Но все же, как выглядит общая картина? У вас есть четкий план? Для какой операции предназначался Франк?

— Алмазы определенно идут из Африки. — Глаза Веленса были непроницаемы. — Вероятно, не из шахт Великобритании. Скорее всего, это утечка из Сьерра-Леоне, Либерии или из Франции, так как этот пакет появился в Лондоне. Но возможно, что Лондон является частью «алмазной трубки». — Веленс перестал ходить и повернулся к Бонду. — Теперь мы знаем, что пакет идет в Америку. Далее алмазы попадут в какой-нибудь законный бизнес и будут проданы наравне с другими бриллиантами. — Веленс немного помолчал. — Вы не возражаете, если я вам дам небольшой совет? Обычно во всех таких делах самым слабым местом является оплата подчиненных. Как они собираются платить пять тысяч долларов Питеру Франку? Кто должен заплатить? Конечно, если он успешно выполнит работу. Дали ли бы ему возможность снова участвовать в операции? Если бы я был на вашем месте, я проследил бы все эти пункты. Сосредоточьте все силы на том, чтобы узнать, кто платит, и

постарайтесь пройти дальше, вдоль «алмазной трубки», к боссам. Если вы им понравитесь, вам не трудно будет сделать это. Хороших курьеров не так уж легко найти, и даже крупные боссы могут быть заинтересованы в новобранцах.

— Да, — задумчиво проговорил Бонд, — в этом есть смысл. Основное заключается в том, чтобы без осложнений вступить в контакт с группой в Америке. Будем надеяться, что эта работа не оборвется в таможне. Я буду выглядеть глупо, если в таможне меня задержат. Но, я надеюсь, у этой женщины, Кейс, уже продумана безо-парная провозка товара? А теперь какой же первый шаг? Как вы собираетесь заменить мной Питера Франка?

Веленс снова стал шагать взад и вперед по комнате.

— Мы собираемся сегодня вечером забрать Франка и держать его до конца операции, а что касается вас, вы должны встретиться с мисс Кейс.

— Она что-нибудь знает о Франке?

— Только его описание и имя, — ответил Веленс. — Во всяком случае, мы так думаем. Я даже сомневаюсь, знает ли она человека, с которым он был в контакте. Все они действуют вдоль линии «трубки». Каждый совершает работу независимо друг от друга, и если в «трубке» появляется утеч-

ка, она не препятствует продолжению работы.

— Вы что-нибудь знаете об этой женщине? — спросил Бонд.

— Только паспортные данные. Американское подданство. Двадцать два года. Родом из Сан-Франциско. Рост пять футов шесть дюймов. Профессия… просто незамужняя женщина. За последние три года в Англии была двенадцать раз. Возможно, бывала и чаще, но под другими фамилиями. Всегда останавливается в «Трафальгарском дворце». Детектив отеля сказал, что она не часто выходит и у нее бывает мало посетителей. Никогда не живет в отеле дольше двух недель. И никогда не доставляет беспокойства. Это все. Не забывайте, что при встрече с ней вы должны рассказать о себе правдоподобную легенду, почему вы занялись таким делом, и все прочее.

— Я подумаю об этом.

— Можем ли мы вам чем-нибудь помочь?

Бонд отрицательно покачал головой. Ему казалось, что он сам должен подумать обо всем. Если он войдет в доверие, остальное будет зависеть от его сообразительности. Он поинтересовался ювелирной фирмой.

— Что предприняло Казначейство по поводу

«Алмазного дома»? Вам что-нибудь известно о нем и его хозяевах?

— Откровенно говоря, я не знаю этого. — В голосе Веленса чувствовалось признание своего промаха. — Я проверил главу дома, этого Сайса, но ничего не получил, кроме паспортных данных. Американец сорока пяти лет, алмазный делец и так далее. Часто ездит в Париж. За последние три года он бывал там раз в месяц. Возможно, у него там девушка. Что еще вам сказать? Почему бы вам самому не сходить туда и не посмотреть на него? Все это трудно передать словами.

— Что же конкретно мне делать? — спросил Бонд.

Веленс не ответил. Вместо ответа он включил селектор.

— Да, сэр? — послышался металлический голос.

— Соедините по второму каналу с Данкваерсом и Лобиниро, а затем с «Алмазным домом» — дельцами по драгоценным камням в Хеттон Гардене. Попросите мистера Сайса.

Веленс подошел к окну и взглянул на реку. Он вынул из кармана зажигалку и бездумно постучал по ней. Послышался стук в дверь, и секретарь Веленса просунул в дверь голову.

— Сержант Данкваерс, сэр.

— Просите его, — сказал Веленс, — но не впускайте Лобиниро, пока я не позвоню.

Секретарь распахнул дверь, и в комнату вошел человек в штатском с малозапомнающимся лицом, редкими волосами, в очках, черты его бледного лица имели доброе выражение, а весь вид был скромным и незаметным. Он был похож на клерка из какой-нибудь конторы.

— Добрый день, сержант, — сказал Веленс. — Это капитан Бонд из Министерства обороны.

Сержант вежливо улыбнулся.

— Я хочу, чтобы вы с капитаном Бондом совершили поездку в «Алмазный дом» на Хеттон Гардене. Он будет сержантом Джеймсом из вашего штаба. Я думаю, что алмазы из дела «Эскот» находятся на пути в Аргентину через Америку. Вы расспросите мистера Сайса о некоторых алмазах. Может быть, он что-нибудь слышал о них. Конечно, вы понимаете, что все должно выглядеть естественно и вы должны быть вежливы… Смотрите ему прямо в глаза. Не давайте повода для недовольства или подозрения. Затем извинитесь и уходите. Надеюсь, что, выполнив это дело, вы забудете о нем. Хорошо? Есть какие-нибудь вопросы?

— Нет, сэр, — флегматично ответил сержант.

Веленс сказал что-то по телефону, и через минуту в кабинет вошел болезненного вида человек, одетый в изящный штатский костюм, и выжидательно остановился в дверях. В руке он держал маленький кожаный чемоданчик.

— Добрый день, сержант, входите и взгляните на моего друга.

Сержант вошел и встал рядом с Бондом. Тот повернулся к свету. Два проницательных черных глаза тщательно изучали лицо Бонда в течение некоторого времени. Затем человек сделал шаг назад.

— Не могу ничего гарантировать по поводу шрама дольше чем на час при такой жаре. Все остальное в порядке. Кем он должен быть, сэр?

— Он должен быть сержантом Джеймсом, членом штаба сержанта Данкваерса. — Веленс взглянул на часы. — Только на три часа. Хорошо?

— Конечно, сэр. Я могу приступить?

Получив в ответ кивок Веленса, человек провел Бонда к креслу у окна. Потом, поставив свой чемоданчик на пол около кресла, он опустился на одно колено и раскрыл его. Затем в течение десяти минут его легкие пальцы были заняты лицом Бонда.

Бонд, подчинившись неизбежному, слушал, как Веленс говорил с «Алмазным домом».

— Его не будет до 3.30? В таком случае, пожалуйста, передайте мистеру Сайсу, что двое моих людей заедут к нему в 3.30. Да, мне кажется, что это достаточно важно. Конечно, это только формальность. Обычное наведение справок. Я предполагаю, что это займет не более десяти минут у мистера Сайса. Очень вам благодарен. Да, заместитель комиссара Веленс. Правильно: Скотланд-Ярд. Да, спасибо. До свидания.

Веленс положил трубку и повернулся к Бонду.

— Секретарь сказал, что Сайс вернется не раньше 3.30. Вам следует быть там в 3.15. Никогда не повредит сначала осмотреться. Всегда полезно вывести человека из терпения и равновесия.

— Ну как?

Сержант Лобиниро протянул Бонду зеркало. Немного седины на висках. Шрам исчез. Изменились очертания уголков глаз и рта. Слабые тени под скулами. Придраться было не к чему. Все это добавило что-то неуловимое к внешности того, кто перестал быть Джеймсом Бондом.

Глава 4
Что здесь происходит?

Сидя в патрульной машине, сержант Данкваерс был погружен в свои мысли. Они молча ехали вдоль Стрэнда, затем по Чансери Лайн в Холборн. Затем повернули налево на Хеттон Гарден, и машина остановилась около изящного белого портала здания лондонского Алмазного клуба.

Бонд проследовал за своим компаньоном к парадной двери, в центре которой находилась отлично отполированная дощечка. На ней было выгравировано: «Алмазный дом», а ниже — «Руфус Б. Сайс, вице-президент европейского отделения».

Сержант Данкваерс позвонил, симпатичная молодая еврейка открыла им дверь и провела через покрытый толстым ковром вестибюль в обитую деревянными панелями приемную.

— Мистер Сайс будет с минуты на минуту, — проговорила она и вышла, закрыв за собой дверь.

Приемная была шикарно обставлена, но из-за топящегося камина в ней была тропическая

жара. В центре, на темно-красном ковре — под цвет пламени, стоял круглый столик из красного дерева и шесть таких же кресел, которые, по мнению Бонда, стоили не меньше тысячи фунтов. На столе лежали журналы и несколько экземпляров «Кимберли Диамонд Ньюс». Глаза Данквaерса оживились, когда он увидел их: он сел и стал переворачивать страницы июньского выпуска.

На каждой стене комнаты висели картины в золоченых рамках с изображением цветов. Ощущение как бы трехмерного пространства в этих картинах привлекло внимание Бонда, и он подошел поближе, чтобы рассмотреть одну из них. Это была композиция из свежесрезанных цветов, стоявших в нише за стеклом, обрамленным бархатом цвета меди.

В комнате было совершенно тихо, за исключением гипнотизирующего тиканья больших настенных часов и приглушенных голосов, доносившихся из-за двери, расположенной напротив входа. Послышался щелчок, дверь на несколько дюймов приоткрылась, и голос с сильным иностранным акцентом стал уговаривать: «Но, мистер Гранспек, зачем же так жестоко! Мы все же должны как-то зарабатывать на жизнь, не так ли? Я говорю вам, что мне этот чудесный камень

стоил десять тысяч фунтов. Десять тысяч! Вы мне не верите? Но я клянусь вам!» Затем последовала небольшая пауза, и голос в последний раз предложил цену: «Ну хорошо, кончим, прошу вас!»

Послышался смех: «Вилли, ты порядочный тип, я рад был бы помочь тебе, но этот камень стоит не более 900 фунтов, и я дам тебе еще сто, только ради тебя. Те-серь иди и обдумай все хорошенько. Ты не получишь лучшей оплаты в, Стрите“».

Дверь открылась, и американский бизнесмен в пенсне и с плотно сжатым ртом, как на сцену, вытолкнул маленького встревоженного еврея с большой красной розой в петлице. Они были очень удивлены, увидев, что в приемной кто-то есть, и, бормоча извинения, не обращаясь ии к кому конкретно, американец почти бегом провел своего спутника через приемную в холл. Дверь за ними захлопнулась.

Данкваерс взглянул на Бонда и подмигнул.

— Вот она, подноготная всего алмазного бизнеса, — сказал он. — Это был Вилли Беренс, один из наиболее известных оценщиков в «Стрите». Я предполагаю, что другой человек был скупщиком Сайса. — Он опять занялся своими журналами, а Бонд, противясь желанию закурить, снова стал изучать цветочные «картины».

Внезапно тишина нарушилась упавшими в камине дровами и часами, пробившими полчаса. Дверь отворилась, крупный темноволосый человек сделал два шага в комнату и остановился, переводя взгляд с одного посетителя на другого.

— Мое имя Сайс, — резко проговорил он. — Что здесь происходит? Что вы хотите?

Дверь позади человека оставалась открытой, и сержант Данкваерс обошел его с вежливой миной, закрыл дверь и вернулся на свое место в середине комнаты.

— Я сержант Данкваерс из Специального отдела Скотланд-Ярда, — проговорил он тихим, миролюбивым голосом. — А это, — он указал на Бонда, — сержант Джеймс. Я провожу обычный опрос об украденных алмазах. Комиссар подумал, — его голос стал бархатным, — что вы, возможно, сможете помочь нам.

— Так, — произнес мистер Сайс, презрительно глядя то на одного, то на другого, на этих низкооплачиваемых сыщиков-полицейских, которые имели наглость отнимать у него время. — Продолжайте!

В то время как сержант Данкваерс продолжал говорить тоном, который мог бы показаться нарушителю закона угрожающим, время от вре-

мени заглядывая в маленькую книжечку, излагая историю, изобилующую такими выражениями, как «совсем недавно» или «стало известно», Бонд внимательно изучал самого Сайса, что возмущало того не меньше, чем оттенок голоса сержанта Данквaерса.

Мистер Сайс был крупным плотным человеком с квадратным лицом, углы которого подчеркивались короткими, очень жесткими, подстриженными под «ежик» волосами. Брови были черные и прямые, а под ними виднелись два черных глаза с очень пристальным, неподвижным взглядом. Он был чисто выбрит, и на его лице губы казались прямой широкой линией. На квадратном подбородке глубокая впадина, скулы выдавались вперед. Одет в просторный черный однобортный костюм, белую рубашку и очень тонкий черный галстук с золотым зажимом в виде копья. Его длинные руки свешивались по обеим сторонам тела и заканчивались большими полусогнутыми кистями, заросшими черными волосами. Ноги, обутые в черные ботинки, очень дорогие, примерно 43-го размера.

Бонд сделал вывод, что этот жесткий и влиятельный человек прошел множество тяжелых испытаний, прежде чем достиг теперешнего

положения.

— …а это как раз те камни, которые нас интересуют, — закончил сержант. Он снова обратился к своей черной книжечке. — Один двадцатикаратный «Висселтон», два чисто бело-голубых, примерно по десять карат каждый. Один тридцатикаратный желтый «Премьер-министр», один пятнадцатикаратный «Топ Кейн» и два пятнадцатикаратных «Кейп Юньонс». — Он помолчал. Затем он отвел взгляд от своей книжки и очень пристально посмотрел в тяжелые темные глаза мистера Сайса. — Проходили ли какие-нибудь из них через ваши руки, мистер Сайс, или через вашу фирму в Нью-Йорке? — мягко спросил он.

— Нет, — решительно ответил мистер Сайс. — Не проходили. — Он повернулся к двери позади себя и открыл ее. — А теперь всего хорошего, джентльмены!

Больше не церемонясь с ними, он решительно вышел из комнаты, и они услышали, как он быстро поднялся наверх по лестнице. Дверь открылась и захлопнулась, и наступила тишина.

Без всякого разочарования сержант Данкваерс сунул записную книжку в карман, взял фуражку, прошел в вестибюль и вышел на улицу. Бонд последовал за ним.

Они сели в патрульную машину, и Бонд назвал свой адрес на Кинг Роуд. Когда машина тронулась, сержант отбросил официальный вид и повернулся к Бонду. Он выглядел очень довольным.

— Мне все это очень понравилось, — сказал он. — Не часто встречаешь такой орешек, как этот. Вы узнали то, ч го хотели, сэр?

Бонд пожал плечами.

— По правде говоря, сержант, я сам не знаю, что мне было надо. Но я доволен, что мне удалось взглянуть на мистера Руфуса Б. Сайса. Интересный малый. Он выглядит совсем не так, как я представлял себе алмазных купцов.

Сержант Данкваерс кашлянул.

— Он не алмазный купец, сэр, — сказал он, — или я готов съесть свою шляпу.

— Почему вы так думаете?

— Когда я читал этот список пропавших камней, — сержант Данкваерс улыбнулся с довольным видом, — я упомянул про «Премьер-министра» и про два «Кейп Юньонс».

— Ну и что же?

— Просто таких камней не существует.

Глава 5
Опавшие листья

Когда Бонд шел по длинному тихому коридору, направляясь к комнате 350, он почувствовал, что лифтер следит за ним. Это его не удивило, так как он знал, что в этом отеле происходило намного больше преступлений, чем в других отелях Лондона. Веленс однажды показал ему большую ежемесячную карту преступлений Лондона. Он указал на лес маленьких флажков на месте «Трафальгарского дворца».

— Эта гостиница раздражает людей, которые отмечают на карте места преступлений, — сказал он. — Каждый месяц этот угол настолько испещрен дырками, что им приходится наклеивать новую бумагу, чтобы укрепить флажки в следующем месяце.

В конце коридора Бонд услышал грустную мелодию. Остановившись около двери номера 350, он понял, что мелодия раздавалась оттуда, и узнал ее — «Опавшие листья». Он постучал.

— Войдите. — Портье, видимо, предупредил хозяйку номера, и его явно ждали.

Бонд вошел в маленькую гостиную и закрыл за собой дверь.

— Заприте ее на ключ, — сказал голос из спальни.

Бонд сделал, как ему было сказано, и прошел через комнату, пока не оказался напротив открытой двери спальни. Когда он проходил мимо проигрывателя, стоявшего на письменном столе, зазвучала новая пластинка.

Она, полуодетая, сидела перед туалетным столиком, глядя назад в зеркало. Ее обнаженные руки обхватывали спинку стула, в них она упиралась подбородком. Спина ее была изогнута, и в положении плеч и головы чувствовалась какая-то надломленность. Черная бретелька лифчика, плотно облегающие черные кружевные трусики и положение ее ног производили определенный эффект.

Девушка холодно изучала его в зеркале.

— Я догадываюсь, что вы новый помощник, — проговорила она низким и довольно осипшим голосом, который ничего не выражал. — Садитесь и наслаждайтесь музыкой.

Бонда это позабавило, и, повинуясь, он сделал несколько шагов к глубокому креслу, подвинув его так, чтобы видеть ее через дверь, и сел.

— Вы не возражаете, если я закурю? — спросил он, вынимая свой портсигар и беря сигарету в рот.

— Если именно из-за этого вы хотите упереть…

Мисс закончила молчаливое изучение своего лица в зеркале, когда пианист на пластинке закончил «Я подожду».

Изогнув бедра, она встала со стула, и на ее светлые волосы упал свет.

— Если хотите, переверните пластинку, — сказала она. — Я выйду к вам через минуту. — Она исчезла из его поля зрения.

Бонд подошел к проигрывателю и снял пластинку. Это был Джордж Файер с аккомпанементом. Он взглянул на номер и запомнил его — «Вокс 500». Изучил другую сторону и, пропуская «Жизнь среди роз», так как она ему кое-что напоминала, опустил иглу на начало «Апреля в Португалии». Перед тем как отойти от проигрывателя, он осторожно вытащил из-под него записную книжку и поднес ее к лампе, стоящей на письменном столе. Но в ней не оказалось ни одной записи, и, пожав плечами, он, засунув ее обратно, вернулся в свое кресло.

Бонд подумал, что музыка соответствовала этой девушке: все мелодии, казалось, принадлежали

ей. Без сомнения, это была ее самая любимая пластинка. Она действовала на ее чувственность, которая читалась в ее глазах.

Бонд совершенно не представлял себе мисс Кейс, которая должна была переправить его в Америку. Он считал само собой разумеющимся, что это будет какая-нибудь плотная, затасканная, неряшливая женщина с тусклыми глазами. Жестокая, угрюмая женщина, которая прошла огонь и воду и чье тело уже больше не представляет ни малейшего интереса для гангстеров, на которых она работала. Эта же девушка в меру плотная, с довольно-таки жесткими манерами. Как ее зовут? Бонд снова встал и подошел к проигрывателю. К ручке был прикреплен ярлык. На нем указано: мисс Т. Кейс. Т.? Бонд вернулся к креслу. Тереза? Тесс? Тельма? Труди? Тилли? Казалось, ни одно из них не подходило к ней, и уж, конечно, не Трикси, или Тони, или Томми. Он все еще был занят этой проблемой, когда она неслышно появилась в дверях спальни. Она стояла, облокотившись о косяк двери, и, подперев голову рукой, задумчиво смотрела на него.

Бонд не спеша поднялся и посмотрел на девушку. Она была одета для выхода на улицу, за исключением шляпки, маленькой черной безде-

лушки, которая висела на ее свободной руке. На ней был элегантный черный костюм, кофточка оливково-зеленого цвета, нейлоновые золотистые чулки и черные туфли из крокодиловой кожи. На одном запястье надеты золотые часы, а на другом — тяжелый золотой браслет в виде цепи. На среднем пальце правой руки сверкал большой алмаз, а в правом ухе виднелась плоская жемчужная серьга, оправленная в золото.

Девушка была чертовски красива, как будто она делала все для себя и совершенно не заботилась о том, что о ней думают люди. В лице ее было что-то ироническое, а спокойные, широко раскрытые серые глаза, казалось, говорили: «Подойдите и попробуйте, но лучше не делать этого». Ее глаза обладали редким свойством: они меняли цвет от светло-серого до глубокого серо-голубого. Кожа была слегка загорелой и почти без всякой косметики, за исключением губной помады густого красного цвета. Губы— полные, мягкие и чувственные. Глаза с безразличием оглядели Бонда.

— Итак, вы — Питер Франк, — проговорила она низким и на сей раз привлекательным голосом с оттенком снисхождения.

— Да, — ответил он, — и я интересуюсь, что означает буква Т.?

Она на мгновение задумалась.

— Я думаю, ответ на этот вопрос вы могли бы найти на столе. Она обозначает Тиффани. — Она подошла к проигрывателю и остановила его на середине пластинки «Я не знаю, каков будет конец», потом, обернувшись к нему, холодно добавила:

— Это не для широкой публики.

Бонд пожал плечами, подошел к подоконнику и слегка облокотился на него, скрестив ноги.

Его безразличие, казалось, раздражало ее. Она села на письменный стол.

— Теперь, — сказала она, — поговорим о деле. Во-первых, почему вы взялись за эту работу?

— Кто-то умер.

— О! — Она быстро взглянула на него. — Они сказали мне, что ваш профиль работы — грабеж. — Она помолчала. — У вас горячая или холодная кровь?

— Горячая кровь. Борьба.

— Так что, вы хотите убраться отсюда?

— Что-то вроде этого. И деньги.

Она переменила тему разговора.

— У вас есть деревянная нога или вставные зубы?

— Нет, все настоящее.

Она нахмурилась.

— Я все время говорила им, чтобы они нашли мне человека с деревянной ногой. Ну ладно. У вас есть какое-нибудь хобби или что-нибудь в этом роде? Вы хоть представляете себе, как вы переправите камни?

— Нет, — сознался Бонд. — Я играю в карты и в гольф. И я думаю, что это вполне подойдет при переноске чемоданов.

— Это делают носильщики, — сухо возразила она. Некоторое время она сидела задумавшись, потом положила перед собой карандаш и бумагу.

— Какой тип шаров для гольфа вы предпочитаете? — спросила она.

— Они называются «Дюнлоп-65», — серьезно ответил Бонд. — Может быть, у вас есть предложение?

Она ничего не ответила, но записала название. Потом взглянула на него.

— У вас есть паспорт?

— Да, есть, — ответил Бонд, — но он не на мое настоящее имя.

Она снова стала подозрительной.

— А на какое он имя?

— Джеймс Бонд.

Она фыркнула.

— Почему бы вам не выбрать Джо Дема? — Она пожала плечами. — Кто этим интересуется? Вы можете получить американскую визу за два дня? И справку о прививке оспы?

— Не вижу причин, почему бы нет, — ответил Бонд. — Отдел «К» устроит для меня все это. В Америке и в здешней криминальной картотеке на меня ничего нет. На Бонда — есть.

— О'кей, — сказала она, — теперь слушайте, вам это пригодится. Вы едете в Штаты, чтобы повидаться с человеком, вашим американским другом, Майклом Триком. Вы познакомились с ним во время войны. Остановитесь в «Асторе». — Она перевела дыхание. — Только, к нашему сведению, этот человек действительно существует и подтвердит вашу легенду. Но он больше известен не как Майкл, а как Шеди Трик. Так зовут его друзья, если они у него есть, — сердито добавила она.

Бонд улыбнулся.

— Он не настолько смешон, как это звучит, — резко заметила девушка. Она открыла выдвижной ящик стола и вынула из него пачку пятифунтовых бумажек, перетянутых резинкой, вытащила примерно половину из них и положи-

ла их обратно в ящик, а остальные перетянула резинкой и бросила их через комнату Бонду. Бонд наклонился вперед и поймал пачку около пола.

— Там что-то около пятисот фунтов, — сказала она. — Закажите себе номер в «Ритце» и дайте свой адрес в Иммиграционную службу. Достаньте поношенный чемодан и положите в него то, что бы вы взяли с собой, собираясь на отдых с игрой в гольф. Свяжитесь с гольф-клубами, но не старайтесь быть на виду. В американской авиакомпании возьмите билет в один конец. Посольство Не даст вам визы без билета. Машина будет ждать вас у «Ритца» в шесть тридцать, в четверг вечером. Шофер даст вам шары для гольфа, и вы положите их в свою сумку. И, — прибавила она, прямо глядя ему в глаза, — Не думайте, что вы сможете войти в соглашение с этим человеком. Шофер будет находиться поблизости от вас, пока ваш багаж не доставят на самолет. И я буду в лондонском аэропорту. Так что без всяких шуток. О'кей?

Бонд пожал плечами.

— Что я буду делать с этим товаром? — беззаботно проговорил он. — Это слишком крупно для меня. А что произойдет на другом конце?

— Другой шофер будет ждать вас у выхода

из таможни. Он скажет вам, что делать дальше. Теперь, — подчеркнуто строго проговорила она, — если что-нибудь случится в таможне, вы ничего не знаете. Понятно? Вы даже не знаете, как эти шары попали к вам! И о чем бы вас ни спрашивали, вы будете твердить свое. И молчите. Я буду следить за вами, а может быть, будут еще и другие. Я об этом не знаю. Если вас схватят в Америке, по просите о встрече с британским консулом и продолжай те настаивать на своем. От нас вы никакой помощи не получите. Но это то, за что вам платят деньги, о'кей?

— Сойдет, — сказал Бонд. — Единственный человек, на которого я мог бы навлечь неприятности, это вы. — Он оценивающе взглянул на нее. — А я бы не хотел, чтобы это произошло.

— Ерунда, — насмешливо сказала она. — У вас нет против меня никаких улик. И не беспокойтесь обо мне, друг мой, я сама могу позаботиться о себе! — Она встала и подошла к нему. — И не считайте меня маленькой девочкой, — резко прибавила она. — Мы работаем, и вы будете еще удивлены, когда увидите, как я могу постоять за себя.

Бонд встал и отошел от подоконника. Он улыбнулся, глядя в сверкающие, потемневшие от

раздражения глаза.

— Я могу сделать все что угодно лучше, чем это сделали бы вы, но не беспокойтесь, я буду вам доверять. Но, пожалуйста, будьте немного менее суровой и хотя бы на минуту отбросьте деловой вид. Я бы хотел снова увидеть вас. Если все будет в порядке, мы сможем увидеться в Нью-Йорке?

Бонд почувствовал безнадежность своих слов: ему нравилась эта девушка, и он хотел, чтобы они стали друзьями. Но это было бы использованием дружбы с целью проникновения в «алмазную трубку».

Она задумчиво посмотрела на него, и глаза ее стали постепенно теплеть, а губы приоткрылись. Слегка запинаясь, она ответила ему:

— Я… я… это… — Она резко отвернулась от него, — Черт, — сердито проговорила она, но это прозвучало неискренне. — В пятницу вечером я не занята. Если все будет благополучно, мы сможем вместе поужинать в 21-м клубе на 52-й улице. Все шоферы такси знают его. В восемь часов, если все будет хорошо. Вас это устраивает? — Она снова повернулась к нему, но посмотрела на его рот, а не в глаза.

— Чудесно, — ответил Бонд.

Он подумал, что теперь самое время выбраться

отсюда, пока он не допустил никакой ошибки.

— Ну, а теперь? — деловым тоном спросил он, — Что еще?

— Ничего, — произнесла она, а затем, как будто о чем-то вспомнив, резко спросила:

— Который час?

Бонд взглянул на часы.

— Без десяти шесть.

— Мне надо заняться делом, — сказала она, давая понять этим, что разговор окончен, и направилась к двери. Бонд последовал за ней. Положив руку на ручку двери, она обернулась и взглянула на него, в ее глазах были доверие и теплота.

— У вас все еще впереди, — проговорила она. — Только держитесь подальше от меня в самолете и не волнуйтесь, если что-нибудь будет не так, как надо. Если вы все сделаете хорошо, — в ее голосе снова зазвучали покровительственные нотки, — я постараюсь достать вам работу такого же характера.

— Спасибо, — сказал Бонд. — Я ценю это. Мне хотелось бы работать с вами.

Слегка пожав плечами, она открыла дверь, и Бонд вышел в коридор, потом обернулся.

— Увидимся в этом вашем 21-м клубе, — сказал он. Ему хотелось сказать еще что-нибудь, найти

причину, чтобы остаться с ней, с этой одинокой девушкой, смотрящей на себя в зеркало и слушающей проигрыватель.

Выражение ее лица стало отсутствующим: он был для нее незнакомым человеком.

— Конечно, — безразлично ответила она, еще раз взглянув на него, затем медленно закрыла дверь.

Пока Бонд, шел по длинному коридору к лифту, девушка стояла за дверью, прислушиваясь к его удаляющимся шагам, затем с задумчивым видом подошла к проигрывателю и включила его. Затем нашла нужную ей пластинку и поставила иглу. Мелодия называлась «Я не шлю, каков будет конец». Она стояла и слушала мелодию, думая о человеке, который так внезапно появился на ее жизненном пути.

«Боже, — подумала она с внезапным сердитым отчаянием, — еще один обманщик. Сможет ли она когда-нибудь избавиться от них?» Но когда пластинка кончилась, на лице ее было счастливое выражение, и она, напевая, стала пудрить свой носик, собираясь уходить.

Выйдя на улицу, она остановилась и взглянула на часы. Десять минут седьмого, и ходьбы пять минут. Она перешла через Трафальгарскую

площадь к Чаринг Кроссстанции, по дороге обдумывая то, что собиралась сказать. Затем она вошла в здание станции и заняла одну из телефонных кабин, откуда всегда звонила.

Было ровно шесть пятнадцать, когда она набрала номер. После обычных двух гудков она услышала щелчок автоматического записывающего устройства, отвечающего на вызов. В течение двадцати секунд она ничего не слышала, кроме шипения; затем ничего не выражающий голос, который принадлежал ее неизвестному хозяину, произнес одно слово: «Говорите». Затем снова тишина и только шипение магнитофона. Она с трудом поборола волнение, вызванное короткой командой, и стала быстро и отчетливо говорить.

— Кейс, служащая АВС. Я повторяю, Кейс, служащая АВС. — Она помолчала. — Перевозчик достаточно хорош: он говорит, что его имя Джеймс Бонд и у него есть паспорт на это имя. Играет в гольф. И будет перевозить шары для гольфа. Использует «Дюнлоп-65». Вся остальная подготовка прежняя. Буду просить подтверждения в семь пятнадцать или в восемь пятнадцать. Все.

Минуту она слушала шипение автомата, затем повесила трубку и пошла обратно в отель. Там

она заказала большую порцию «Мартини» и, когда его принесли, закурила, включила проигрыватель и сидела так до назначенного срока.

В восемь пятнадцать она снова позвонила, и снова безликий голос раздался в телефонной трубке:

— АВС для Кейс. Я повторяю, АВС для Кейс… — И затем повторил инструкции для нее.

А где-то в одной из квартир Лондона, когда она положила трубку, шипение автомата прекратилось, затем, вероятно, неизвестная дверь закрылась, мягко прозвучали чьи-то шаги по лестнице, и неизвестный человек вышел на улицу…

Глава 6
В пути

Во вторник, в шесть часов вечера, в своей комнате в «Ритце» Бонд упаковывал чемодан. Это был поношенный, но некогда дорогой чемодан из свиной кожи, и его содержимое соответствовало его внешнему виду. Вечерний костюм, легкий костюм для поездок за город и гольфа, саксонские тапочки для гольфа, темно-синий костюм из хлопчатобумажной ткани и несколько белых и темно-синих рубашек. Носки и галстуки, несколько пар нейлонового белья и две пары шелковых длинных пижам, которые он носил вместо никчемных домашних брюк и курток.

Ни на одной из этих вещей не было никаких меток или инициалов. Все это было приготовлено отделом «К».

Бонд закончил укладывать чемодан и стал собирать оставшиеся вещи: бритвенный прибор, книгу Томми Армо «Как лучше играть в гольф в любое время», билеты и паспорт положил в портфель тоже из свиной кожи. У задней его стенки было узкое отделение, в котором хранились

глушитель для пистолета и тридцать обойм по двадцать патронов.

Зазвонил телефон, и Бонд подумал, что это приехала машина немного раньше времени. Но звонил портье, сообщил ему, что пришел представитель «Универсального экспорта» с письмом для Бонда.

— Пусть поднимется наверх, — сказал Бонд, соображая, кто это может быть.

Несколько минут спустя он открыл дверь человеку в штатском, в котором узнал одного из посыльных Центра.

— Добрый вечер, сэр. — Вошедший вынул из кармана большой конверт и передал его Бонду. — Я должен подождать и взять его обратно, когда вы прочтете письмо.

Бонд вскрыл белый конверт, а затем сломал печать па голубом конверте, лежащем в белом, и достал лист голубой бумаги с текстом, отпечатанным на машинке и не имеющим подписи. Он узнал тип бумаги, которую использовал М. при личной переписке.

Указав посыльному на кресло, Бонд сел за письменный стол у окна и стал читать.

«Вашингтон сообщает, что Руфус Б. Сайс — вымышленное имя Джека Спенга, находящегося

под подозрением, но на которого, за неимением доказательств, не заведено дело. Он является братом-близнецом Серафима Спенга и объединенным контролером «Спенгл Моб» (удачливой воровской шайки, которая широко развернула свою деятельность в Штатах). Братья Спенг взяли под контроль «Алмазный дом» в качестве вклада, и об этом деле ничего определенного не известно. Братья также владеют телеграфом, действующим в Неваде и Калифорнии и являющимся нелегальным. Они также владеют отелем «Тиара» в Лас-Вегасе, там же расположен штаб Серафима Спенга. Группа успешно извлекает выгоды из налогового закона штата Невада.

Вашингтон также сообщает, что «Спенгл Моб» занимается наркотиками и проституцией, и всем этим управляет из Нью-Йорка Майкл Трик, который за разные преступления был пять раз осужден. У этого гангстера имеются штабы в Майами, Детройте и Чикаго.

Вашингтон считает, что «Спенгл Моб» — одна из самых могущественных организаций гангстеров в США, с превосходной защитой в государственных и федеральных органах и полиции.

Наша заинтересованность в этих делах неизвестна Вашингтону, но в случае, если вы попадете

в опасный контакт с гангстерами, вы должны сразу же сообщить нам об этом и мы отстраним вас от дела. Ими будет заниматься ФБР. Это приказ.

Возврат документа в распечатанном конверте будет означать, что вы ознакомлены с приказом».

Бонд еще раз прочитал написанное, потом сложил лист и положил его в один из конвертов отеля «Ритц», который и передал посыльному.

— Большое спасибо, — сказал он. — Вы сможете сами найти дорогу обратно?

— Да, благодарю вас, сэр, — ответил посыльный. Он подошел к двери и открыл ее. — Всего доброго, сэр.

— Всего доброго.

Дверь тихо закрылась. Бонд прошел через комнату к окну и взглянул на Грин-Парк.

На мгновенье он четко представил себе фигуру пожилого человека, сидящего в «том» кресле в «том» кабинете. Передать дело ФБР? Бонд знал, что М. имел в виду именно это, но также он знал, как горько было бы для М. просить Эдгара Гувера взять это дело у Секретной службы, чтобы Англия вышла из игры. Самыми значи-тельными словами в этом письме были «опасный контакт», Бонд должен был решить сам. Он внезапно представил

себе каменное лицо Руфуса Б. Сайса. В любом случае не повредит попробовать взглянуть на этого брата с экзотическим именем Серафим. Имя официанта ночного клуба или продавца мороженого. Но эти люди были как раз такого сорта: дешевые и театральные.

Бонд пожал плечами и взглянул на часы: шесть двадцать пять. Он оглядел комнату. Все было готово. Быстро сунул руку под пальто и вытащил «Беретту-25» с рукояткой, видневшейся из замшевой кобуры, висящей слева, под мышкой. Это было как напоминание о его последнем задании с пометкой М. зелеными чернилами, в которой говорилось, что пистолет может понадобиться.

Бонд подошел к кровати, вынул обойму, вставил ее со щелчком и затем выпустил всю ее в постель. Он проделал это несколько раз и почувствовал натяжение спусковой пружины, когда стрелял пустым пистолетом. Он оттянул затвор и проверил, нет ли пыли, провел рукой по дулу оружия. Затем снова вставил обойму в магазин и опять несколько раз пострелял вхолостую, после чего поставил пистолет на предохранитель и засунул под пальто.

Раздался телефонный звонок.

— Машина подана, сэр.

Бонд положил трубку. Ну вот и все. Отъезд. Он подошел к окну, задумчиво взглянул на зеленые деревья и почувствовал острую боль оттого, что приходится расставаться с ними в самый разгар лондонского лета, расставаться с большим зданием в Риджент-Парке, которое будет для него недоступно, за исключением звонка с просьбой о помощи, чего, он знал, никогда не сделает.

Послышался стук в дверь, и когда вошел слуга за его чемоданом, Бонд последовал за ним из комнаты вдоль по коридору и уже больше ни о чем не думал, кроме того, что ожидало его у начала «алмазной трубки», сразу за дверями отеля «Ритц».

Его ждал черный «армстронг» с красной обивкой внутри.

— Вы предпочитаете сидеть впереди, — сказал шофер. Это не было вопросом. Два чемодана Бонда и сумка для гольфа были положены на заднее сиденье.

Бонд устроился поудобнее и, когда они свернули на Пикадилли, стал изучать лицо шофера. Все, что он мог видеть, было твердо очерченным профилем под кепкой.

Глаза скрыты темными очками. На руках, которые уверенно держали руль, — кожаные перчатки.

— Расслабьтесь и наслаждайтесь путешествием, мистер. — У шофера был бруклинский акцент.

Бонд улыбнулся и ничего не сказал.

— Сорок лет, — подумал он, — пять футов десять дюймов, искусный шофер, очень хорошо знаком с лондонским движением. Нет запаха табака. Дорогие ботинки. Опрятно одевается. Ни тени спешки. Вероятно, бреется дважды в день электробритвой.

После того как они достигли конца Большой Западной дороги, шофер открыл отделение для перчаток и осторожно вынул пять новых «Дюнлоп-65» в черной оберточной бумаге. Потом он вышел из машины и открыл заднюю дверцу. Бонд взглянул через плечо и проследил, как человек, достав его сумку для гольфа, осторожно, один за другим, вложил в карман для шаров пять новых шаров — к тем, которые уже в сумке лежали. Затем, не сказав ни слова, человек сел за руль, и поездка продолжилась.

В лондонском аэропорту Бонд беззаботно прошел через багажно-билетную процедуру, купил себе журнал, позволив своей руке, когда выкладывал деньги, погладить привлекательную блондинку в коричневом костюме, и в сопро-

вождении шофера проследовал за багажом в таможню.

— Только ваши личные вещи, сэр?

— Да.

— А сколько у вас при себе английских денег?

— Около трех фунтов и немного серебра.

— Благодарю, сэр. — Таможенник сделал мелом пометки на трех вещах, носильщик поднял чемодан и портфель и погрузил их на тележку.

— Следите за желтым светом, — сказал он и покатил тележку к багажному отделению. Шофер иронически отсалютовал Бонду. На один момент его глаза блеснули сквозь стекла очков, а губы растянулись в улыбке.

— Доброй ночи, сэр. Счастливого пути!

— Спасибо, дружище, — весело ответил Бонд и был удовлетворен, увидев, как улыбка сползла с лица шофера. Он повернулся и быстро зашагал прочь.

Бонд взял свой маленький портфель, показал паспорт приятному молодому человеку, который отметил его в списке пассажиров, и прошел в зал для отлетающих.

Сразу же он услышал голос Тиффани Кейс, которая благодарила молодого человека, и через минуту она тоже вошла в зал и выбрала место

между Бондом и дверью. Он улыбнулся про себя. Это было как раз такое место, на которое он сел бы сам, если бы следил за кем-нибудь. Он раскрыл журнал и поверх него стал осматривать пассажиров. К своему удовлетворению, он убедился, что среди окружающих его лиц не было никого мало-мальски знакомого. Несколько англичан, две монахини, которые, как подумал Бонд, всегда летом летают через океан, несколько американцев неопределенного вида, вероятнее всего бизнесмены, двое малюток на руках, видимо, для того, чтобы не давать пассажирам спать, и множество европейцев неопределенных занятий.

«Типичный груз», — решил Бонд, в то же время понимая, что двое из этого числа, он и Тиффани, не совсем обычные пассажиры, такими могли быть и многие из присутствующих.

Бонду показалось, что за ним следят, но это были лишь мимолетные взгляды, которые кинули на него двое из пассажиров, которых Бонд квалифицировал как американских бизнесменов. Они отвели глаза, и один из них, молодой, но преждевременно поседевший человек, сказал что-то другому. Оба встали, взяли свои вещи и подошли к бару.

Бонд услышал, что они заказали двойное

бренди с водой, а второй человек — бледный и толстый, вынул из кармана тюбик с пилюлями и проглотил одну таблетку вместе с бренди.

«Драмамин, — догадался Бонд, — видимо, этот человек плохо переносит путешествие».

Диспетчер сидела недалеко от Бонда, и когда взяла телефонную трубку, он понял, что она звонила в диспетчерскую.

— У меня в зале сорок пассажиров, — доложила она и, дождавшись ответа, произнесла: «О'кей!» — и повесила трубку. Потом взяла микрофон и предложила пассажирам следовать за ней в самолет. Все заняли свои места. Стюардесса объявила по радио, что первая остановка будет в Шенноне, где их ожидает обед, и что в полете они пробудут один час пятьдесят минут.

Гигантский «Стратокрайзер» медленно вырулил на взлетную полосу, и когда штурман включил все четыре двигателя, он задрожал, набирая скорость перед взлетом, медленно повернул в сторону заходящего солнца. Последовал толчок, и самолет оторвался от земли, чтобы опуститься на посадочную полосу на другом ее конце.

Бонд закурил сигарету и уже собрался заняться чтением книги, когда спинка кресла впереди опу-

стилась. Там сидел один из двух американских бизнесменов — тот, который был толстым. Он низко опустился в кресле, не расстегивая предохранительных ремней. Лицо его было зеленым и покрылось потом. Он прижимал к груди кожаный портфель, и Бонд мог прочитать имя его владельца на визитной карточке, вставленной в кожаный карман. Там было написано: Винтер.

А ниже аккуратными большими буквами было приписано: «Моя группа крови F».

«Бедняга, — подумал Бонд, — он ужасно напуган и боится, что самолет разобьется, и надеется только на то, что когда его вытащат из-под обломков самолета, то сделают переливание крови. Он даже не осмелится пойти в туалет из страха провалиться сквозь пол, как только встанет со своего места».

Чей-то силуэт на мгновение преградил путь лучам заходящего солнца, заполнявшим салон самолета. Это была Тиффани Кейс, которая прошла мимо Бонда к ступенькам, ведущим в коктейль-холл на нижней палубе, и исчезла. Сперва Бонд хотел последовать за ней, но потом, пожав плечами, подождал, пока стюардесса стала обходить пассажиров с подносом, на котором были бутерброды с икрой, копченой лососиной

и коктейли. Он снова взялся за книгу, прочел страницу и ничего не понял. Бонд выкинул из головы мысль о девушке и снова стал читать.

Он прочел уже четверть книги, когда почувствовал, что уши стало закладывать. Самолет начал пятиминутный спуск к западному побережью Ирландии.

Появились надписи — «Застегните ремни», «Не курите».

На обед был бифштекс, шампанское, стакан горячего кофе с толстым слоем сливок сверху и ирландское виски. Немного побродив около магазинов, пассажиры снова заняли свои места. Последний взгляд на Европу, и они уже на высоте пяти тысяч метров летели над Атлантикой. Бонд отлично спал и проснулся только тогда, когда они приближались к побережью США. Он прошел в туалет, побрился и прополоскал рот, потом вернулся на свое место, проходя между рядами съежившихся пассажиров, и почувствовал радость, когда солнце залило кабину багровым светом. Постепенно стали показываться домики, как куски сахара на коричневом ковре. На поверхности земли ничто почти не двигалось, за исключением бойкого червячка — дыма от паровоза.

Принесли завтрак, тот немыслимый ассортимент еды, который BOAC представляет, как «национальный английский», а стюардесса раздала пассажирам реестр № 6063 Государственного казначейства США, в котором Бонд прочел:

«За укрытие любой вещи или за преднамеренно ложное показание — штраф или тюремное заключение, или то и другое». Бонд весело внес в список личные вещи и подписал: «Ложь», а затем потянулись три часа, в течение которых самолет висел между небом и землей, и только лучи яркого солнца медленно скользили по стенам салона и создавали ощущение движения.

Но наконец под ними отчетливо стал виден Нью-Йорк на фоне зеленой травы. Затем послышался гул и появился тошнотворный запах от бомбы, извергнувшей средства против насекомых, завыли воздушные тормоза и были выпущены шасси. Нос самолета опустился, и покрышки пронзительно завизжали при трении о посадочную полосу. Раздался рев двигателей, запущенных в обратную сторону для замедления движения самолета. Открылись металлические двери: они прибыли в пункт назначения.

Глава 7
Шеди Трик

Таможенник, полный человек с темными пятнами пота под мышками на серой форме, лениво прошел от таможенного стола туда, где со своими вещами стоял Бонд под буквой «Б».

Рядом, под буквой «С», девушка достала из сумки пачку сигарет «Парламент» и сунула сигарету в рот. Бонд услышал несколько нетерпеливых щелчков зажигалкой, потом щелчок замка сумки, когда она положила зажигалку обратно. Бонд чувствовал, что она наблюдает за ним, и ему захотелось, чтобы ее имя начиналось на последнюю букву алфавита и чтобы она не была так близко от него.

— Мистер Бонд?

— Да.

— Это ваша подпись?

— Да.

— У вас только ваши личные вещи?

— Да, это все.

— О'кей, мистер Бонд.

Человек оторвал таможенную квитанцию и

прикрепил ее к чемодану. Он сделал то же самое с портфелем и подошел к сумке с шарами для гольфа.

— Во что вы стреляете, мистер Бонд?

У Бонда образовался мгновенный провал в памяти.

— Это шары для гольфа…

— Конечно, — терпеливо согласился таможенник. — Но во что же вы все-таки бьете?

Бонд мысленно выругал себя за то, что забыл американские обозначения.

— О, я думаю, что попаду в середину «30».

— Никогда в жизни не попадал в 100,—сказал таможенник. Он прикрепил квитанцию к сумке, всего в нескольких дюймах от самого богатого груза, который когда-либо был им пропущен.

— Желаю вам хорошо отдохнуть, мистер Бонд.

— Благодарю вас, — ответил Бонд.

Он подозвал носильщика и последовал за ним к последнему препятствию — инспектору около двери. Там но было никакой задержки: инспектор нагнулся, взглянул на квитанции, снял их и махнул рукой, чтобы Бонд проходил.

— Мистер Бонд? — обратился к нему высокий человек с продолговатым лицом, серыми волосами и глазами неопределенного цвета. На

нем были широкие темно-коричневые брюки и кофейного цвета рубашка. — У меня для вас машина.

Когда он повернулся и направился к выходу под горячее утреннее солнце, Бонд заметил квадратный выпуклый предмет в заднем кармане его брюк, по форме — малокалиберный автоматический пистолет.

«Типичный пистолет производства Майка Хаммера», — подумал Бонд.

Машина была черный «олдсмобил-седан».

Бонд не стал ждать, пока ему укажут, куда садиться, и сел на переднее сиденье, предоставив человеку в коричневом расплачиваться с носильщиком. Когда они выехали из района аэропорта и влились в поток движущегося по главной магистрали транспорта, он почувствовал, что должен что-нибудь сказать.

— Какая здесь погода?

Шофер не сводил взгляда с дороги: спидометр перевалил за сотню.

— Здесь довольно-таки жарко, — ответил он.

— В Лондоне было немногим более 75.

— Да?

— Какая сейчас программа действий? — спросил Бонд после небольшой паузы.

Шофер взглянул в зеркальце, повел машину по осевой линии и на протяжении четверти мили был занят тем, что обгонял множество более медленно едущих машин, пока не выехал на свободную полосу дороги. Бонд повторил вопрос.

— Я спрашиваю вас, какая программа?

Шофер быстро взглянул на него.

— Шеди хочет видеть вас.

— В самом деле? — сказал Бонд. Он почувствовал раздражение по отношению к этим людям. Ему бы очень хотелось избавиться от них: он не ожидал ничего хорошего. Но его работа заключалась в том, чтобы остаться в «алмазной трубке» и следовать по ней дальше. Любой признак нерешительности или неподчинения может вызвать недоверие. Он должен представлять из себя маленького человечка и свыкнуться с этой мыслью.

Они поднялись в Верхний Манхэттен и поехали вдоль реки. Затем пересекли город и поехали по западной 46-й улице, Хеттон Гарден Нью-Йорка. Шофер остановился около подъезда, зажатого между магазином, продающим ювелирные изделия, и элегантной витриной другого магазина, обрамленной черным мрамором. Серебряная надпись над черным мраморным входом была

настолько неразборчивой, что если бы подобного названия не было и мозгу Бонда, он ни за что не смог бы разобрать ее с места, где сидел. Она гласила: «Алмазный дом».

Как только машина остановилась, из подъезда на тротуар вышел человек и обошел вокруг машины.

— Все в порядке? — спросил он шофера.

— Да.

— Хотите, чтобы я поставил машину в гараж?

— Буду рад, если вы это сделаете.

Шофер повернулся к Бонду.

— Мы на месте, крошка. Давайте ваши вещи.

Бонд вышел и открыл заднюю дверь. Он вынул портфель и потянулся за сумкой с шарами для гольфа, но Шофер остановил его:

Я сам возьму ее, — и забрал сумку. Бонд послушно вытащил свой чемодан, и шофер захлопнул дверь машины. Другой человек уже сидел за рулем, и машина сразу же влилась в поток движения. Бонд последовал за шофером в небольшой холл, где за стойкой сидел человек и читал спортивный отдел «Ньюс». Когда они вошли, человек отвел глаза от газеты и взглянул на них.

— Привет, — сказал он шоферу и пристально посмотрел на Бонда.

— Привет, — ответил шофер. — Не возражаешь, если мы у тебя оставим багаж?

— Пожалуйста, — сказал человек. — Здесь все будет в порядке. — Он резко кивнул головой.

Шофер с сумкой, в которой были шары для гольфа, подошел к лифту и, когда они вошли в него, нажал на кнопку четвертого этажа. Они молча поехали наверх. Там прошли через небольшой холл по поношенному ковру к застекленной двери, в которую шофер постучал и, не дожидаясь ответа, открыл ее и вошел в комнату. Бонд за ним.

За столом сидел человек с ярко-рыжими волосами на круглой голове и с добродушным выражением лица; перед ним стоял стакан молока. Когда они вошли, он встал, и Бонд увидел, что тот горбат. Он не помнил, чтобы когда-либо видел этого огненно-рыжего горбуна, и представил себе, как такое зрелище впечатляет мелких сошек, работающих на гангстеров.

Горбун медленно обошел стол и пошел к тому месту, где стоял Бонд. Он не скрывал, что изучает нового человека с головы до ног, затем, остановившись, резко взглянул ему в глаза. Бонд спокойно посмотрел в стеклянные, пустые и неподвижные глаза, как будто принадлежавшие манекену. Бонд понял, что подвергается какому-

то роду проверки. Он незаметно оглядел горбуна, отметил его большие уши, сухие красные губы полуоткрытого рта, почти полное отсутствие шеи и короткие сильные руки в рукавах дорогой желтой шелковой рубашки специального покроя.

— Мне надо хорошенько рассмотреть людей, которых мы используем, мистер Бонд. — Голос у него был резкий и высокий.

Бонд вежливо поклонился.

— Из Лондона мне передали, что вы убили человека. Я верю им. Я вижу, что вы способны на это. Хотели бы вы проделать для нас еще какую-нибудь работу?

— Это зависит от того, что представляет из себя эта работа. Или, вернее, — Бонд надеялся, что его слова не прозвучат театрально, — от того, сколько вы платите за нее.

Горбун издал резкий звук, означавший смех. Он быстро повернулся к шоферу.

— Рокки, достань из сумки эти шары и вскрой их. Здесь. — Он быстро взмахнул рукой и протянул ее шоферу. На ней лежал нож с плоской рукояткой. Бонд узнал нож для метания и должен был признать, что руки этого человека действовали ловко.

— Да, босс, — ответил шофер, и Бонд отметил

рвение, с которым тот взял нож и опустился на колени на пол, чтобы вскрыть карман сумки для гольфа, в котором лежали шары.

Горбун отошел от Бонда, вернулся в свое кресло, сел и взял стакан с молоком. С отвращением взглянув на него, он за два больших глотка опустошил его содержимое. Потом взглянул на Бонда, как бы ожидая его реакции.

— Язва? — сочувственно спросил Бонд.

— Кто вам это сказал? — сердито проговорил горбун, потом перенес свою злость на шофера. — Чего вы там копаетесь, Рокки? Положите эти шары на стол, чтобы я мог видеть, что вы делаете. В центре шаров имеются затычки. Вскройте их.

— Да, босс, — ответил шофер. Он поднялся с пола и выложил на стол шесть новых шаров, пять из них были в упаковке. Он взял последний, без упаковки, повернул его в руках, затем вставил кончик ножа в место склейки шара и вытащил затычку. На кончике лезвия оказался кусочек с полдюйма толщиной. Он передал шар горбуну, который вытряхнул его содержимое на кожаную поверхность стола. Там оказались три необработанных алмаза, которые горбун стал задумчиво катать по столу.

Шофер продолжал свою работу до тех пор, пока

Бонд не насчитал на столе восемнадцать драгоценных камней. В необработанном состоянии они не производили впечатления, но явно были отличного качества и могли после обработки стоить более ста тысяч фунтов.

— О'кей, Рокки! — сказал горбун. — Восемнадцать — это порядок. Теперь возьмите эти шары и уберите их. Пошлите с ними мальчика в «Астор»: он поселится там. Пусть их доставят в его комнату. О'кей?

— О'кей, босс. — Шофер положил шары в сумку и затянул карман на сумке Бонда, потом перекинул ее через плечо и вышел из комнаты.

Бонд подошел к креслу, стоявшему у стены, повернул его так, чтобы находиться лицом к горбуну, и сел. Он взял сигарету и закурил ее, потом, взглянув на горбуна, сказал:

— А теперь, если вы довольны выполнением поручения, позвольте получить причитающиеся мне пять тысяч фунтов.

Горбун, внимательно следивший за движениями Бонда, опустил глаза на алмазы, рассыпанные по столу, и собрал их в кучку. Затем посмотрел на Бонда.

— Вам все заплатят, мистер Бонд, — голос его звучал резко, отчетливо и по-деловому, — и вы

сможете получить больше, чем пять тысяч, но метод оплаты продуман нами как для вашей безопасности, так и для нашей. Непосредственной оплаты не будет, и вы поймете, отчего это, мистер Бонд. Очень опасно для человека внезапно овладеть большими деньгами. Он болтает о них. Он швыряет их повсюду. И если полиция задержит его и спросит, откуда у него эти деньги, он не сможет ответить на вопрос. Вы согласны?

— Да, — ответил Бонд, удивленный здравым смыслом и обоснованностью того, что сказал этот человек. — Это имеет смысл.

— Итак, — продолжал горбун, — я и мои друзья очень редко и в небольших количествах платим за услуги. Вместо этого мы создаем условия для наших людей, чтобы они могли сами вносить деньги на свой счет. Возьмите, к примеру, самого себя. Сколько у вас денег в кармане?

— Около трех фунтов и немного серебра, — ответил Бонд.

— Хорошо, — сказал горбун. — Сегодня вы встретили вашего друга мистера Трика, — он указал на самого себя, — которым являюсь я. Совершенно респектабельный гражданин, которого вы знали в 1945 году, когда он занимался поставкой продуктов для армии. Помните?

Бонд кивнул.

— Я одолжил вам 500 долларов, когда вы играли в бридж в Савойе. Вновь мы встретились сегодня и скова стали играть. И вы выиграли. О'кей? Таким образом, вы имеете сейчас 1000 долларов, и я, как проигравший, подтвержу вашу историю. Вот деньги.

Горбун вытащил из кармана бумажник и бросил через стол десять стодолларовых банкнот.

Бонд взял их и положил в карман.

— Затем, — продолжал горбун, — вы сказали, что хотите побывать на скачках, и я ответил вам: «Почему бы нам не поехать на скачки в Саратогу?» Скачки начинаются в понедельник, и вы согласились со мной. И вот вы едете в Саратогу с вашей тысячью долларов в кармане. О'кей?

— Прекрасно, — сказал Бонд.

— А там вы ставите на лошадь и получаете в пять раз больше поставленного. Таким образом, вы получите пять тысяч долларов, и если кто-нибудь спросит вас, откуда они у вас, то вы скажете, что выиграли их на скачках, и сможете доказать это.

— А что если лошадь проиграет?

— Это невозможно.

Бонд ничего не сказал, он уже чувствовал себя

в мире гангстеров и, глядя в стеклянные глаза горбуна, не мог себе представить, воспринимает ли тот что-нибудь. Взгляд горбуна проходил сквозь него.

— Чудесно, — сказал Бонд, надеясь купить его лестью. — Ваши люди продумали все детали. Мне нравится работать на людей, действующих осторожно и с большой тщательностью. — В стеклянных глазах он не прочитал ни одобрения, ни поддержки.

— Мне бы хотелось побыть немного вдали от Англии. Надеюсь, для вас не будет обузой лишний человек.

Стеклянные глаза начали медленно скользить по лицу Бонда, по плечам оценивающим взглядом, как будто горбун рассматривал лошадь. Затем он взглянул на кучку алмазов, лежащих в форме круга, и быстро изменил ее на форму квадрата.

Воцарилось глубокое молчание. Бонд рассматривал свои ногти.

Наконец горбун снова взглянул на него.

— Может быть, — задумчиво проговорил он. — Может быть, для вас найдется кое-какая работа. До сих пор мы не совершали никаких ошибок, и вы продолжайте в том же духе, но ни во что не

суйте свой нос. Позвоните мне после скачек, и я вам дам ответ. А пока не беспокойтесь и делайте то, что вам сказано. О'кей?

Бонд пожал плечами.

— Почему я должен выйти из дела? Я ищу работу. И вы можете сказать вашей группе, что я буду хорошо исполнять поручения, пока мне хорошо платят.

Впервые стеклянные глаза оживились. В них появилось выражение недовольства, и Бонд подумал, не переиграл ли он.

Голос горбуна сорвался на высокие негодующие нотки.

— Черт возьми! Не предполагал, что Линей не знает здешней обстановки! — Его глаза снова поблекли. — Теперь слушайте, что я вам скажу. Вот мой номер телефона, запишите его: Висконсин 7-3697. А также запишите и это, но храните в тайне, иначе вам могут отрезать язык. — Шеди Трик рассмеялся. — Четвертые скачки во вторник. Ставки неограниченные. Миля с четвертью для трехлеток. Сделайте ставку как раз перед закрытием касс. Своим взносом вы измените шансы. О'кей?

— О'кей, — ответил Бонд и, достав карандаш, приготовился записывать в свою записную

книжку.

— Так, — сказал горбун, — пишите: «Шай Смайл» — большая лошадь с белой звездочкой на лбу и четырьмя белыми чулками. Она выиграет скачки.

Глава 8
Глаз, который никогда не спит

Было двенадцать тридцать, когда Бонд спустился на лифте вниз и вышел на шумную улицу. Он повернул направо и медленно пошел к площади Таймс-сквер, и когда проходил мимо черного мраморного фасада «Алмазного дома», остановился, чтобы посмотреть на содержимое витрин. В центре каждой из них было какое-нибудь ювелирное украшение: сережка, состоящая из грушевидного алмаза, свисающего с другого камня, круглого и граненного под бриллиант. Под каждым изделием лежали золотые пластинки в форме визитной карточки с загнутым краем, на которых были выгравированы слова: «Бриллианты — вечны». Бонд невольно улыбнулся. Он подумал о том, что какой-то его предшественник привез эти алмазы в Америку.

Бонд ходил в поисках бара с кондиционированным воздухом, где бы он мог спастись от жары и немного подумать. Он был доволен беседой с горбуном, и тот ему понравился. По крайней мере, от него не избавились сразу, как он того

опасался. А в горбуне было что-то театральное, и его тщеславие по поводу «Спенгл Моб» было даже трогательным, но не смешным.

Бонд шел уже в течение нескольких минут, когда обнаружил, что за ним кто-то следит. Это было почти неуловимо, за исключением легкого звона в ушах и сознания опасности, которую он чувствовал шестым чувством. Мгновенно остановившись перед витриной какого-то магазина, он незаметно взглянул вдоль 46-й стрит. Не было внезапного движения в подъезд, никто случайно не вытирал носовым платком лицо, никто не нагнулся, чтобы завязать шнурок ботинка.

Бонд изучил швейцарские часы в витрине магазина и, повернувшись, продолжал свой путь. Пройдя несколько ярдов, он снова остановился. Снова ничего. Он пошел дальше, вышел на авеню «Америка» и остановился у первого подъезда — входа в магазин нижнего женского белья, где мужчина в коричневом костюме изучал черные кружевные штанишки, надетые на манекен. Бонд обернулся и лениво, но внимательно посмотрел на улицу.

И тотчас же кто-то схватил его за правую руку и чей-то голос проворчал:

— Все в порядке, англичанин! Не двигайтесь,

если не хотите попасть в морг. — И он почувствовал, как что-то уперлось ему в спину над почками.

Голос как будто был знаком. Шпик? Гангстер? Бонд взглянул вниз, чтобы увидеть, кто держит его правую руку: хватка была железной. О, если бы человек имел только одну руку! С быстротой молнии он повернулся, согнулся и, сжав левую руку в кулак, нанес удар. Послышался звонкий шлепок, и его руку поймал левой рукой тот человек. Когда Бонд понял, что оружие не будет применяться, послышался хорошо знакомый смех и ленивый голос произнес:

— Джеймс, вы побиты!

Бонд медленно выпрямился и в течение минуты смотрел в улыбающееся ястребиное лицо Феликса Лейтера, все еще не веря своим глазам, в то время как напряжение его спадало.

— Так ты шел впереди, проклятый ублюдок, — сказал Бонд наконец, с восхищением глядя на друга, которого видел в последний раз в грязных бинтах на кровати отеля «Флорида», — американского секретного агента, участвовавшего с Бондом во многих делах. — Какого черта тебя занесло сюда? И что это ты вздумал разыгрывать такие шутки в эту жару? — Бонд вытащил

носовой платок и вытер им лицо. — На какое-то мгновение ты заставил меня понервничать!

— Ты уже начал читать молитвы, — насмешливо проговорил Феликс Лейтер. — Твоя совесть тоже не была спокойна, и не потому, что ты не знал, от кого ждать смерти, от полицейского или гангстера. Правильно?

Бонд засмеялся и уклонился от ответа.

— Продолжай, шпион, — сказал он. — Я не верю случайности, подобной этой. А пока ты можешь угостить меня ленчем, ведь вы, техасцы, обычно богаты.

— Конечно, — ответил Лейтер. Он засунул свой протез в правый карман и взял руку Бонда левой рукой. Они вышли на улицу, и Бонд заметил, что Лейтер тяжело хромает.

— В Техасе даже блохи настолько богаты, что сами нанимают себе собак. Пошли, «Сарди» недалеко отсюда.

Лейтер прошел мимо фешенебельного зала в ресторане для известных актеров и писателей и повел Бонда вверх по лестнице. Его хромота стала еще заметнее, и он держался за перила. Бонд ничего не сказал, но когда он, оставив друга за столиком в углу ресторана с божественно кондиционированным воздухом, пошел в туалет,

чтобы умыться, он суммировал свои впечатления. У его друга не было правой руки и левой ноги, под волосами, над правым глазом — небольшие шрамы, говорящие о множестве пересадок кожи: но все-таки Лейтер выглядел сносно. Серые глаза смотрели живо, и в волосах цвета соломы не видно седины. В выражении лица Лейтера не заметно горечи от уродства. Но в манерах Феликса была какая-то сдержанность, и Бонд почувствовал, что это связано с ним, с Бондом, и с деятельностью Лейтера в настоящее время. Конечно, это не имеет никакого отношения к болезням Лейтера, думал Бонд.

Его уже ждал полусухой «Мартини» с кружком лимона. Бонд улыбнулся, благодаря Лейтера за память, и попробовал вино. Оно было превосходным.

— Сделано в Калифорнии, первый сорт. Нравится? — спросил Лейтер.

— Лучший вермут, который я когда-либо пробовал, — ответил Бонд.

— Я заказал тебе копченую осетрину и бриччолу, — сказал Лейтер. — У них тут лучшее мясо в Америке, а бриччола — лучшая его часть. Тебя это устраивает?

— Все, что ты хочешь, — ответил Бонд. — Мы

часто ели с тобой вместе для того, чтобы просто побыть вдвоем.

— Я просил, чтобы не торопились, — сказал Лейтер. Он негромко стукнул по столу своим протезом, — Сначала мы выпьем еще «Мартини», и за это время ты должен правдиво рассказать мне все о себе. — В его улыбке чувствовалась теплота, но глаза следили за Бондом. — Скажи мне прежде всего, какое у тебя дело с моим другом Шеди Триком? — Он сделал заказ официанту, выпрямился и стал ждать.

Бонд выпил первую рюмку «Мартини» и закурил сигарету, стараясь незаметно оглядеться вокруг: за столиками рядом было пусто. Бонд повернулся к американцу.

— Расскажи мне что-нибудь сначала ты, Феликс, — мягко проговорил он. — На кого ты сейчас работаешь? Все также в ЦРУ?

— Нет, — ответил Лейтер, — когда у меня не стало правой руки, они смогли предложить мне только сидячую работу. Это было даже очень здорово с их стороны. И они хорошо мне заплатили, когда я сказал, что хочу жить на открытом воздухе. Потом агентство Пинкертона сделало мне хорошее предложение. Ты знаешь, как в сказке: глаз, который никогда не спит. Так что

теперь я — частный детектив. Работа, связанная с раскрытием разных мелких делишек. Все довольно весело. И с этими людьми хорошо работать. Когда-нибудь я смогу уйти на пенсию, получив в подарок золотые часы, которые летом становятся зелеными. В настоящее время я разоблачаю гангстеров, связанных со скачками: тайно перекрашенные лошади перед стартом, ночные дежурства в конюшнях и все в таком же духе. Хорошая работа, ездишь по всей стране.

— Звучит недурно, — сказал Бонд, — но я не знал, что ты разбираешься в лошадях.

— Я не мог бы узнать лошадь, если бы к ней была привязана тележка с молоком, — согласился Лейтер. — Но вскоре мне стала ясно, что основное — это хорошенько разобраться и узнать хозяев лошадей, а не самих лошадей. А как насчет тебя? — Он понизил голос. — Все так же в старой форме?

— Да, — ответил Бонд. — И сейчас я тоже работаю на них.

— Тайно?

— Да.

Лейтер вздохнул. Он оценивающе потягивал «Мартини».

— Ладно, — наконец, сказал он, — Ужасно

глупо, что ты работаешь один, если ты связан с парнями из «Спенгл Моб». Это такой риск, что мне даже страшно обедать с тобой. Но я расскажу тебе, почему я оказался утром около дома Шеди, и, может быть, мы сможем быть полезны друг другу, конечно, не сообщая об этом нашим организациям. О'кей?

— Ты знаешь, Феликс, что мне бы хотелось работать с тобой, — серьезно ответил Бонд, — но я все же работаю на правительство, тогда как ты на частную организацию. Но если окажется, что наши цели совпадают, если мы охотимся за одним и тем же, я буду работать с тобой. А теперь, — Бонд насмешливо посмотрел на техасца, — я не ошибусь, если скажу, что ты заинтересован в белой звездочке на лбу и четырех белых чулочках? Зовут ее Шай Смайл.

— Правильно, — согласился Лейтер, не сильно удивившись.

— Побежит в Саратоге во вторник.

— А как может быть связан бег этой лошади с безопасностью Британской империи?

— Мне сказано поставить на эту лошадь, — ответил Бонд. — Я должен выиграть пять тысяч долларов: это оплата за другую работу. — Бонд вынул сигарету и прикрыл рот рукой. — Сегодня

утром для мистера Спенга и его друзей я привез необработанные алмазы.

Глаза Лейтера сузились, и он свистнул от удивления.

— Ну, парень, — с почтением сказал он, — ты определенно находишься в более высокой лиге, чем я. Я заинтересован только потому, что лошадь Шай Смайл незаконно участвует в состязаниях. Лошадь, которая должна во вторник победить, вовсе не Шай Смайл, ни разу не занимавшая призовых мест за последние три забега, и потому они застрелили ее. Вместо нее побежит очень быстрая лошадь, Пикпепер, и совершенно случайно у нее есть звездочка и белые чулочки. Это большая гнедая кобыла, и гангстеры проделали очень тщательную работу над ее копытами и другими статями, что заняло у них около года. Это проделывалось в глухом месте, в штате Невада, где у Спенга есть ранчо. Гангстеров собираются вывести на чистую воду. Будут большие скачки, на которых можно выиграть до 25000 долларов, и можно понять, что они выигрышами покроют все свои издержки. Ставки могут быть пятнадцать к одному, и они получат большую сумму денег.

— Но я думал, что все лошади в Америке должны иметь на губе клеймо. Как же они смогли

обойти это?

— На губу этой лошади пересажена новая кожа и нанесены инициалы С. С. Такой метод давно используется. Пинкертону стало известно, что клуб жокеев собирается заменить фотографии «ночных глаз».

— Что означает «ночные глаза»?

— Эго такие мозоли на внутренней стороне колен лошади. Англичане называют их «бабками». Кажется, они различны у каждой лошади, как отпечатки пальцев у людей. Но это старая история. Они фотографировали «ночные глаза» у каждой лошади в Америке, участвующей в скачках, и затем обнаружили, что гангстеры уже применили способ их изменения. Полиция в таких случаях не связывается с гангстерами.

— Откуда ты узнал все о Шай Смайл?

— Шантаж, — весело ответил Лейтер. — У меня было готово обвинение в наркомании одного из служащих в конюшне Спенга. Я дал ему возможность откупиться рассказом об этой маленькой проделке.

— И что ты собираешься делать?

— Остается только посмотреть на месте. В воскресенье я еду в Саратогу. — Лицо Лейтера просияло. — Черт возьми, почему бы тебе не

поехать со мной? Поедем со мной на машине, и я устрою тебя в своем пристанище. «Сагамора» — шикарный мотель. Тебе же надо где-то спать. И лучше, если нас не будут видеть вместе и мы Сможем встречаться по вечерам. Что ты на это скажешь?

— Прекрасно, — сказал Бонд, — лучше не придумаешь. Но уже около двух часов: давай немного поедим, и я тебе расскажу конец своей истории.

Копченая осетрина была посредственной, но бриччола полностью оправдала надежды Лейтера: она была настолько нежной, что резалась вилкой. Закончив ленч, Бонд продолжил свой рассказ.

— Вот вкратце и все, — заключил Бонд и добавил: — Гангстеры занимаются контрабандой, а «Алмазный дом», которым они владеют, служит им для торговых операций. Ты что думаешь об этом?

Бонд распечатал пачку сигарет и дал Лейтеру закурить.

— Звучит вполне правдоподобно, — согласился Лейтер после небольшой паузы. — Но я мало знаю о брате Серафима, Джеке Спенге. И если Джек Спенг — это Сайс, то это я впервые слышу. У нас есть записи о членах этой шайки, и я наткнулся

на имя Тиффани Кейс. Прелестная малышка. Но она служит этим гангстерам уже несколько лет. У нее не было никаких радостей с колыбели. Ее мать владела «кошачьим» домом в Сан-Франциско. Все шло хорошо, пока она не допустила ошибку. Решила не платить налог местной шайке рэкетиров. И однажды ночью шайка нагрянула и разрушила весь притон. Девушки остались одни, но с Тиффани заключили союз. Ей в то время было шестнадцать лет. Неудивительно, что с тех пор она не хочет иметь дело с мужчинами. На следующий день она вскрыла кассу матери и сбежала. Затем обычная история. Гардеробщица, профессиональная партнерша в танцах, натурщица, официантка, и так, примерно, до двадцати лет. Затем жизнь показалась ей не настолько хорошей, и она принялась за вино. Поселилась в меблированной комнате в одном из домов во Флориде и начала спиваться. Затем чей-то ребенок упал в море, и она прыгнула и спасла его. Ее имя попало в газеты, и одна богатая женщина стала заботиться о ней. Заставила ее бросить пить и взяла с собой в качестве компаньонки путешествовать вокруг света. Но когда они приехали во Фриско, Тиффани удрала от нее и стала жить у своей мамаши, которая уже бросила свое заведе-

ние. Но она не долго выдержала там, снова удрала и закончила свое путешествие в Рено. Некоторое время работала в клубе Гарольда. Встретила там нашего друга Серафима, и он был взволнован тем обстоятельством, что она отказалась с ним спать. Он предложил ей работу в «Тиаре», в Лас-Вегасе, и Тиффани пробыла там в течение года или двух. В промежутках между этой работой она совершает путешествия в Европу. Но она хорошая малышка и ни с кем не испытала счастья после того, что с ней сделали гангстеры.

Бонд снова вспомнил глаза, которые угрюмо смотрели на него из зеркала, и услышал, как звучала пластинка «Опавшие листья» в той грустной комнате.

— Мне она нравится, — быстро сказал он и почувствовал, что глаза Феликса Лейтера задумчиво смотрят на него. — Ну, Феликс, — заключил он, — мне кажется, что мы охотимся за темным тигром, но разными путями. А сейчас я собираюсь пойти и выспаться. Я поселился в «Асторе». Где мы встретимся в воскресенье?

— Лучше держаться подальше от этой части города, — сказал Лейтер, — я встречу тебя за «Плаза» пораньше, чтобы избежать потока движения на Парк-Вей. Скажем, в девять часов около

стоянки такси. Если я опоздаю, ты сможешь пока заняться изучением лошадей.

Тебе пригодится это в Саратоге.

Он оплатил счет, и они вышли на жаркую улицу. Бонд взял такси.

— Только одно, Джеймс, — сказал Лейтер, и голос его звучал серьезно. — Ты можешь недооценивать американских гангстеров, сравнивая их со СМЕРШем или другими организациями, против которых тебе приходилось бороться, но я могу тебе сказать, что парни Спенга — это сила. И у них есть защита. Так в настоящее время обстоит дело в Америке. Не пойми меня превратно, но они могут причинить неприятности и на самом деле делают это. Ведь твоя работа так же состоит в том, чтобы причинять неприятности.

Лейтер отпустил руку Бонда и смотрел, как тот садится в такси. Затем он сунул голову в окно.

— А ты знаешь, чем пахнет твоя работа, ублюдок? — весело спросил он. — Муравьиным спиртом и лилиями.

Глава 9
Горькое шампанское

— Я не собираюсь спать с вами, — сказала Тиффани Кейс, — так что не тратьте ваши деньги на угощение. Но я что-нибудь выпью, только не «Мартини».

Бонд засмеялся. Он сделал заказ и снова повернулся к ней.

— Мы еще не заказали обед. Я собирался предложить вам крабов и рейнвейн. Это, может быть, изменит ход ваших мыслей. Предположим, что данная комбинация даст соответствующий эффект.

— Послушайте, Бонд, — сказала Кейс, — потребуется больше, чем мясо крабов, чтобы заставить меня лечь в постель с мужчиной. Во всяком случае, раз уж вы заказываете, я буду есть то, что вы, англичане, называете отбивными котлетами, и выпью немного розового шампанского. Я не часто назначаю свидания с англичанами во время обеда, ведущего к чему-либо. Извините, — быстро добавила она, — я не имела в виду, что вы будете оплачивать мой обед.

Бонд улыбнулся.

— Не будьте гусыней, Тиффани, — сказал он, впервые называя ее по имени. — Я очень ждал этого вечера. И у меня достаточно денег, чтобы оплатить обед. Я сегодня выиграл у мистера Трика пятьсот долларов.

При упоминании о Шеди Трике поведение девушки изменилось.

— Так и должно быть, — упрямо проговорила она. — Только так. Вы знаете, что говорят об этом притоне? Все это вы сможете съесть только за триста долларов.

Официант принес «Мартини» и несколько кружков лимона. Бонд положил два кусочка в бокал и подождал, пока они не опустились на дно бокала. Потом взял бокал в руку и поверх него посмотрел на девушку.

— Мы еще не выпили за успех нашего дела.

Девушка усмехнулась и, выпив половину своего бокала, поставила его на стол.

— Или за то, чтобы у меня сжималось сердце, как это только что было, — сухо проговорила она. — Вы и ваш проклятый гольф. Я думала, вы собираетесь сказать, что те люди продырявили вас пулями, как это обычно бывает. Немного смелости, и вы вынули бы один из этих шаров и

показали бы им свое мужество.

— Вы заставляете меня нервничать, щелкая этой проклятой зажигалкой и закуривая сигарету не с того конца.

Она засмеялась.

— Вы, вероятно, видите ушами, — сказала она. — Дем делал то же самое. О'кей, будем считать, что мы квиты. — Она допила «Мартини». — Продолжим. Вы не такой уж транжира, я хочу еще «Мартини», от него мне становится весело. А как насчет того, чтобы заказать обед? Или вы надеетесь, что я напьюсь до потери сознания перед тем, как вы закажете обед?

Бонд кивнул метрдотелю, потом сделал заказ официанту, в полосатом костюме и зеленом переднике, на розовое шампанское.

— Если у меня будет сын, — сказал Бонд, — я дам ему один совет, когда он вырастет. Я скажу ему: покупай себе все, что хочешь, только не трать свои деньги на обжорство.

— Черт возьми, — сказала девушка, — неужели вы не можете сказать мне что-либо приятное о моем платье или о чем-нибудь еще, вместо того чтобы все время жаловаться на то, что я обхожусь вам слишком дорого. Знаете, как говорится: «Если вам не нравятся мои персики, зачем вы трясете

дерево?»

— Я еще не начал трясти его. Вы не позволяете мне обхватить ствол.

Она засмеялась и с одобрением посмотрела на Бонда.

— И почему вы умеете, черт возьми, говорить девушкам приятные вещи, мистер Бонд?

— А что касается платья, — Продолжил он, — оно прелестно, и вы знаете об этом. Я люблю черный бархат, особенно на загорелой коже, и мне нравится, что вы не носите много украшений и не красите ногти. И я уверен, что вы самая красивая контрабандистка в Нью-Йорке сегодня вечером. А с кем вы будете заниматься контрабандой завтра?

Девушка подняла уже третью рюмку «Мартини» и, взглянув на нее, очень медленно, за три глотка, выпила. Поставив рюмку на стол, она достала из коробки, лежащей возле ее тарелки, сигарету и нагнулась к пламени зажигалки Бонда. Он увидел ее грудь, а она взглянула на него, и глаза ее расширились, а затем снова медленно сузились.

«Вы мне нравитесь, — говорили они, — и все между нами возможно, но только не будьте нетерпеливы. И будьте добрым; я больше не хочу,

чтобы мне причиняли боль».

Официант принес заказанную икру, и в их теплый, дружественный мир внезапно ворвался шум. Разговор был прерван.

— Что я Делаю завтра утром? — Она повторила вопрос голосом, которым обычно говорят при посторонних. — Я собираюсь лететь в Лас-Вегас. Я лечу на самолете XX века в Чикаго, а затем на «Супер Чиф» в Лос-Анджелес. Это довольно длинный путь, но за последние годы я много раз проделывала его. А вы?

Официант ушел. Некоторое время они молчали. Не было необходимости немедленно отвечать на вопрос. И Бонд внезапно почувствовал, что время полностью принадлежит им. Они оба знали ответ на большой вопрос, и не было никакой необходимости отвечать на множество мелких. Бонд откинулся назад в кресле. Официант принес шампанское, и Бонд стал пробовать его. Оно было великолепным— холодным, как лед, со слабым привкусом земляники.

— Я еду в Саратогу, — ответил он, — я должен поставить на лошадь, чтобы получить деньги.

— Я предполагаю, что это будет определенная лошадь, — угрюмо проговорила Тиффани Кейс. Она выпила немного шампанского, и ее настрое-

ние снова изменилось. Она пожала плечами.

— Вы, кажется, уже расквитались с Шеди Триком, — с безразличным видом сказала она, — Он хочет, чтобы вы работали на его лошадку.

Бонд взглянул на бокал с розовым шампанским и почувствовал подкрадывающуюся жалость к этой девушке. Он отбросил эту мысль. Он должен продолжать обманывать ее.

— Прекрасно, — с легкостью сказал он. — Мне это нравится. Но что представляет собой его шайка? — Он стал закуривать сигарету, заставляя себя сохранять спокойствие. Чувствовал, что она пристально смотрит на него Это заставило его окончательно взять себя в руки: секретный агент взял верх над мужчиной.

Она, казалось, была удовлетворена его видом, тем, как искренне он смотрел на нее.

— Она называется «Спенгл Моб». Двоих братьев зовут Сленгами. Я работаю на одного из них. Кажется, никто не знает, кто другой. Некоторые думают, что он в Европе, и еще существует кто-то, кого зовут Эй-Би-Си. Другого зовут Серафимом, и это тот брат, на которого я работаю. Он больше заинтересован в карточной игре и лошадях. Владеет также телеграфом и «Тиарой» в Лас-Вегасе.

— Что вы там делаете?

— Я там работаю, — с иронией ответила она, показывая этим, что на такой глупый вопрос не может быть другого ответа. — А затем есть еще Шеди, — продолжала она. — На самом деле он неплохой парень, но когда вы здороваетесь с ним за руку, после приходится пересчитывать пальцы. Он жесток. Он занимается «кошачьими» домами, допингом и тому подобным. Есть еще много бандитов разного сорта. — Глаза ее стали жесткими, и она с усмешкой взглянула на него. — Вы еще познакомитесь с ними, — сказала она, — они вам понравятся, как раз вашего типа.

— Черт! — с возмущением вырвалось у Бонда. — Это просто один из видов работы: мне надо зарабатывать деньги!

— Существует много других путей.

— И все-таки этих людей выбрали вы, чтобы работать с ними! — Лед между ними был снова сломан.

— Поверьте мне, — сказала она, — вы рискуете многим, договариваясь со Спенгом. Если бы я была на вашем месте, я бы чертовски долго думала, прежде чем присоединиться к нашему уютному маленькому кругу. И не замышляйте ничего против шайки. Если вы собираетесь сделать что-либо в этом роде, то вам лучше брать

уроки игры на арфе.

Их разговор был снова прерван, так как официант принес котлеты со спаржей, вместе с ним подошел какой-то человек.

— Хелло, мисс Тиффани, — сказал он. — Давно вас не видел. Как дела в Лас-Вегасе?

— Хелло, Мак. — Девушка улыбнулась ему. — В «Тиаре» все в порядке. — Она огляделась. — Кажется, здесь вам тоже живется недурно!

— Не могу пожаловаться, — ответил стройный молодой человек. — Слишком много шикующих аристократов и всегда недостаток красивых девушек. Вам бы следовало почаще приходить сюда. — Он улыбнулся Бонду, — А у вас все в порядке?

— Лучше быть не может.

— Заходите еще. — Он подозвал официанта, — Сэм, спросите моих друзей, что бы они хотели выпить с кофе, — и, улыбнувшись в последний раз, он направился к другому столику.

Тиффани заказала «Стингер», Бонд сделал то же.

Когда принесли ликер и кофе, Бонд возобновил прерванный разговор.

— Послушайте, Тиффани, — сказал он, — это алмазное предприятие выглядит достаточно

солидным, и почему бы нам не продолжить там работу? Два или три путешествия в год принесут нам немало денег. Разве этого будет недостаточно, чтобы избавиться от вопросов в таможне?

Но на Тиффани это не произвело впечатления.

— Попробуйте сказать это Эй-Би-Си, — сказала она. — Я повторяю, что эти люди не дураки. И они ведут большое дело со своими людьми. У меня никогда не было одного и того же перевозчика дважды. И я не единственная, кто совершает эти поездки, и больше того, я совершенно уверена, что мы были не одни в этом самолете. Был кто-то, кто следил за нами обоими. Они дважды проверяют самую мельчайшую деталь в работе. — Она была раздражена его недостаточно серьезным отношением к ее партнерам, — И я никогда даже не видела Эй-Би-Си, — продолжала она. — Я просто набираю номер телефона в Лондоне и получаю все приказания от магнитофона. То, что я передаю, тоже записывается на магнитофон. Я повторяю вам, что все это проходит поверх наших голов. Вот вам ваша прекрасная страна с кражами со взломами! — Она была совсем подавлена. — Боже, будет ли когда-нибудь конец этому!

— Понимаю, — сказал Бонд, раздумывая, каким бы путем узнать у нее телефон Эй-Би-Си. — Ка-

жется, у них все четко продумано.

— Можете быть в этом уверены, — ответила девушка. Предмет разговора иссяк. Она посмотрела на бокал со «Стингером» и выпила его до дна.

Бонд почувствовал легкое опьянение.

— Хотите пойти еще куда-нибудь? — спросил он, понимая, как много значит для него этот вечер.

— Нет, — мрачно проговорила она, — отвезите меня домой. Почему, черт возьми, вы не могли придумать другую тему разговора, кроме как об этих проклятых бандитах?

Бонд расплатился, и они молча спустились вниз и вышли из прохладного ресторана в душную ночь на улицу, наполненную резкими запахами бензина и горячего асфальта.

— Я тоже остановилась в «Асторе», — сказала она, когда они сели в машину. Она забилась в дальний угол заднего сиденья и сидела согнувшись, опершись подбородком о согнутые руки и глядя на сумасшедшее мелькание неонового света.

Бонд молчал, он смотрел в окно и проклинал свою работу. Он хотел бы сказать этой девушке: «Послушай, пойдем со мной, и ничего не бойся. Это не будет хуже, чем уже было». Но если она

скажет «да», то ему придется снова заставить ее страдать. А он не хотел быть жестоким по отношению к ней. Его работа заключалась в том, чтобы использовать ее, но что бы ни диктовала ему. необходимость, один путь для него был закрыт: влюбить в себя девушку и пользоваться этим для достижения своей цели.

Они подъехали к «Астору», и Бонд помог Тиффани выйти из машины. Молча они поднялись по ступенькам — после несуразного вечера, окончившегося чуть ли не ссорой, взяли у портье ключи, и она сказала, обращаясь к лифтеру: «Пятый».

В лифте Тиффи стояла, повернувшись лицом к дверям, и Бонд видел, что суставы пальцев, держащих сумочку, совсем побелели. На пятом этаже она быстро вышла из лифта, ничего не сказав, когда Бонд последовал за ней. Они несколько раз повернули по коридору, пока не дошли до дверей ее комнаты. Девушка наклонилась, вставила ключ в замок и распахнула дверь. Потом, стоя в дверях, она обернулась к нему.

— Послушайте, вы, Бонд!..

Это звучало как начало ссоры, но она сразу замолчала и прямо посмотрела ему в глаза. Бонд увидел ее влажные ресницы. И вдруг, обхватив

его руками за шею, Тиффани прижалась лицом к его лицу.

— Позаботьтесь о себе, Джеймс, я не хочу потерять вас. — Затем она притянула его голову к себе и поцеловала в губы неистовым и жарким поцелуем, лишенным всякой нежности. Но когда Бонд попытался обнять и поцеловать ее, Тиффани немедленно отстранилась… и момент был упущен.

Держа ручку двери, она обернулась, чтобы взглянуть на него, и в глубине ее глаз угадывался страстный блеск.

— А теперь уходите, — решительно сказала девушка и захлопнула дверь.

Глава 10
«Студиллак» в Саратоге

Джеймс Бонд провел большую часть субботы в номере с кондиционированным воздухом. Он избегал жары. Составляя телеграмму председателю «Универсального экспорта», он использовал простой код, основанный на том, что был шестой день недели и четвертое число восьмого месяца.

В сообщении говорилось, что «алмазная трубка» начиналась где-то около Джека Спенга в образе Руфуса Б. Сайса и оканчивалась у Серафима Спенга. И что основным связующим звеном в «трубке» являлась контора Шеди Трика, от которого камни главным образом и попадали в «Алмазный дом» для сбыта на рынок.

Бонд попросил Лондон установить наблюдение за Руфусом Б. Сайсом. Он предупреждал, что кто-то, известный как Эй-Би-Си, является непосредственным руководителем контрабандной доставки алмазов «Спенгл Моб», и Бонд ничего не знает об этом человеке, за исключением того, что он, вероятно, живет в Лондоне. И, скорее всего, только этот человек может вывести разведку

на адрес складов, находящихся где-то далеко на африканском побережье.

Бонд сообщил о своем желании продолжить работу, используя в качестве возможного сообщника Тиффани Кейс, краткие сведения о которой сообщает.

Бонд послал телеграмму через «Вестерн Юнион», принял душ, четвертый за день, и пошел в ресторан, где заказал две рюмки «Мартини», яйца и землянику. Во время обеда он просмотрел программу скачек в Саратоге и заметил, что общее предпочтение отдавалось Перпентьютес Стейк и многим другим лошадям, но имя Шай Смайл упомянуто не было.

Затем Бонд вернулся в отель и лег спать.

В воскресенье утром, точно в девять, к Бонду, стоявшему у своего чемодана, подъехал черный «студебеккер» и остановился у тротуара.

Когда он бросил чемодан на заднее сиденье, а сам сел рядом с Лейтером, тот поднял верх машины и повел ее через Центральный парк.

— Это около двухсот миль, — сказал Лейтер, когда они ехали по Парк-Вей, — мы с тобой не торопимся и потому спокойно поедем по свободным дорогам. В этом районе скорость ограничена пятьюдесятью милями и полицейские свиреп-

ствуют. Но если бы я очень торопился, то смог бы уйти от них, а они не штрафуют тех, кого не могут догнать. Они стыдятся появляться в суде и признаваться, что их «индиана» менее быстра, чем другие машины.

— Но я думал, что у «индиан» скорость более девяноста миль в час, — сказал Бонд, отметив хвастливость своего друга, чего раньше за ним не замечал. — Я не знал, что этот «студебеккер» может выжимать такую скорость.

Перед ними был прямой участок пустынной дороги. Лейтер посмотрел в зеркальце и, внезапно переключив скорость, нажал педаль газа до отказа. Бонд втянул голову в плечи и почувствовал, как его вдавило в сиденье. Он недоверчиво посмотрел на спидометр: 80 миль, 90, 95, 96, 97, а затем показался мост, и дорога сузилась. Лейтер притормозил взревевшим двигателем, и они въехали на мост при скорости 70 миль в час.

Лейтер посмотрел на Бонда и усмехнулся:

— В запасе есть еще около 30 миль, — гордо проговорил он. — В Дайсоне я выжал на ней 127 миль в час.

— Прекрасно, черт возьми, — недоверчиво проговорил Бонд. — Но какой же это тип машины? Разве это «студебеккер»?

— «Студиллак», — ответил Лейтер. — «Студебеккер» с мотором от «кадиллака». Специальная коробка передач, тормоза и полуоси. Модернизированный вариант. Небольшая фирма, расположенная около Нью-Йорка, выпускает их. Некоторые изменения — и они стали немного лучше, чем спортивные «корвет» и «сандерберд». Нельзя придумать ничего хуже, чем этот корпус, спроектированный французом Раймондом Лави, лучшим конструктором в мире. Но он слишком совершенен для американского рынка. «Студебеккер» никогда не получал достаточного кредита за этот слишком необычный корпус. Нравится машина?

Когда они подъехали к посту на Ханри Хадсон Бридон, Лейтер вынул из левого кармана пиджака монету в десять центов.

— Пока одно из твоих колес не отлетело, — предупредил Бонд, когда они снова набрали скорость, — ты бы поостерегся. Такая езда хороша для малышей, которые не могут позволить себе купить настоящую машину.

Они весело разговаривали о спортивных машинах, пока не доехали до Вест-Честера — контрольного пункта. Через пятнадцать минут они находились уже на Таконин-стрит, которая

тянется на север, через сотни миль полян и лесов. Бонд откинулся на сиденье, молча любуясь одним из красивейших мест по этой дороге и думая о том, что сейчас может делать Тиффани и как ему после Саратоги удастся увидеться с ней.

В двенадцать тридцать они остановились позавтракать в придорожном домике-таверне со стандартной обстановкой, высоким прилавком, на котором стояла бутылка бренди, лежали сигареты, журналы и прочее. Помещение было расцвечено всевозможными огнями, а в меню на полированных столах советовали попробовать жареного цыпленка и черную форель. Обслуживали две официантки, на которых не хотелось смотреть.

Но яичницу, сосиски, горячие гренки и пиво им принесли быстро, и все это было достаточно вкусно, так же как и кофе со льдом. Выпив по второму стакану, они вышли из таверны и продолжили свой путь.

— В течение одиннадцати месяцев в году это место абсолютно мертво. Люди приезжают сюда принимать грязевые ванны, и оно похоже на любой другой курорт, где принимают какие-нибудь ванны и лечатся от болезней. Все ложатся спать в девять часов, за исключением нескольких стари-

ков, которые спорят о прошлом и о том, какой пол был в отеле «Юнион»: из белого или из черного мрамора. И только в августе это место становится оживленным. Здесь устраивают, вероятно, самые значительные состязания лошадей в Америке. Цена на сдающиеся комнаты повышается не менее чем в десять раз. Комитет по скачкам красит трибуны, каким-то образом достает несколько лебедей для пруда в городском парки, ставит на якори индейские каноэ, включает фонтаны. Ни кто не может сказать, откуда появились эти каноэ, и обозреватель скачек сделал заключение, что это связано с индейской легендой.

Бонд засмеялся.

— А что еще он сказал?

— Тебе самому следовало бы знать об этом, — возразил Лейтер. — Это было самое большое сборище после английского Дерби. Лили часто бывала здесь, ваша Лили Ленгтрай. Примерно в то время, когда Новальи побил Железную Маску в обнадеживающих скачках. Но все потом изменилось. — Он вытащил из кармана вырезку из газеты. — Это просветит тебя о положении дел в настоящее время. Я вырезал эту заметку сегодня утром из «Пост». Этот Джим Кеннон — их спортивный обозреватель. Хороший журналист.

Знает, о чем говорит. Прочти его.

Пока «студиллак» ехал по дороге к Трое, Бонд читал заметку Джима Кеннона. Он читал, и Саратога времен Лили пропала в туманном прекрасном прошлом, и XX век, оскалив в усмешке зубы, взглянул на него с этой заметки.

«Пригород Саратога-Спрингс, — прочел он под фотографией привлекательного молодого человека с большими глазами и с улыбкой на тонких губах, — был территорией преступного мира до тех пор, пока Кафауэр не показал его по телевидению, что испугало этого бандита и заставило его перебраться в Лас-Вегас.

Но главари шаек еще долго владели Саратогой. Это была территория колоний национальных гангстеров, и они часто показывались там с оружием и с битами для бейсбола. Саратога отделилась от союза, как это сделали другие деревушки, и отдала свои муниципалитеты под опеку разбойничьих корпораций. Саратога все еще остается таким местом, куда приезжают наследники прошлых победителей всех времен для того, чтобы поддерживать свои конюшни для скачек, которые весьма примитивны и годятся лишь для ярмарочных состязаний лошадей.

Перед тем как Саратога закрылась, любите-

ли автостопа были брошены полицейскими в тюрьму, они ввели проездные чеки и перестали брать чаевые с убийц и сутенеров. Пьяные, которые напивались в барах, рассматривались как типы, угрожающие спокойствию людей. Но убийства все продолжались так же, как и рэкет в публичных или игорных домах, где преступникам предоставлялись большие возможности для махинаций.

Профессиональное любопытство заставило меня просмотреть литературу о скачках, в которой журналисты называют Саратогу местом „легкомысленной невинности“. Но это отвратительный город. Там обанкротившиеся дельцы спасаются от кредиторов, игрок в карты должен быть готов к тому, чтобы проигрывать так же быстро, как крупье объявляет ставки. Но казино никогда не давало возможности постоянного выигрыша: тот, кому повезло, мог тут же все проиграть.

На берегах озера среди ночи были видны огоньки таверн: в каждой из них шла игра. По этим местам бродили люди с тросточками: владельцы игорных домов были любители путешествий. Получая ежедневно крупные суммы, они путешествовали по игорным домам от Нью-Йорка до Майами и в августе возвращались в Саратогу.

Большинство из них в свое время учились в Стейбенвилле, где находились игорные школы. Они были клерками преступного мира, умели быстро собирать вещи и убираться с того места, где становилось неспокойно. Потом они поселились в Лас-Вегасе, поближе к старым боссам.

Трек в Саратоге достаточно ветхий, а климат жаркий и влажный. Там есть несколько настоящих спортсменов-профессионалов, участвующих в скачках. Есть даже несколько приличных тренеров. Им нравится Саратога, и они довольны, что Лакки Лучиано исчез из этого города. Был один человек по имени Кид Таттерс, который проиграл 50 000 долларов, и ему серьезно угрожали в случае неуплаты долга. Кид знал, что Лакки очень искусен в азартных играх, и просил помочь ему. Лакки ответил ему, что все будет хорошо и что никто его не тронет, если он сделает то, что он ему скажет. Киду будет позволено играть на скачках, и репутация его станет чистой, но при одном условии, что его партнером будет Лакки. Итак, Лакки стал его партнером, пока не умер, а Кида больше никогда никто не трогал. Это отвратительный город, но, к сожалению, все города, где есть игорные дома, — такие».

Бонд сложил вырезку и положил ее в карман.

— Это, конечно, звучит очень далеко от Лили Ленгтрай, — сказал он после паузы.

— Конечно, — безразлично заметил Лейтер. — И Джим Кеннон, конечно, не говорил, что эти мальчики снова здесь. В настоящее время они совладельцы, как и наши друзья Спенги, которые ставят своих лошадей против лошадей Витней и Ван дер Вильде. Они все время выставляют таких быстроногих лошадей, как Шай Смайл. Некоторые имена в Саратоге изменились так же, как и грязь в ваннах.

Справа от дороги стоял дорожный знак, на котором было написано:

«Остановитесь в Сагаморе!

Комнаты с кондиционированным воздухом, удобными постелями и телевизорами. Пять миль от Саратоги-Спрингс, и Сагамора предоставит вам первоклассные удобства!»

— Это означает, что мы получим зубные щетки, завернутые в целлофан, стерилизованный унитаз, заклеенный бумагой, — прокомментировал Лейтер. — Не думай, что нам предоставят удобные постели, в мотелях их привинчивают к полу, чтобы не стащили.

Глава 11
Шай Смайл

Первое, что поразило Бонда, было зеленое величие вязов, образующих едва приметные аллеи между домиками колониального типа, которые создавали безмятежную картину европейского пригорода с прудами и конюшнями. Повсюду были лошади, которых переводили через улицы, и полисмены тогда задерживали движение, чтобы пропустить их. Конюшни находились по обеим сторонам дороги. Конюхи и жокеи — белые и негры — попадались на каждом шагу. Отовсюду слышалось ржание лошадей.

Это было смесью Нью-Маркета и Виши, и внезапно Бонд понял, что, несмотря на равнодушие к скачкам и лошадям, ему нравится жизнь, царящая вокруг него.

Лейтер оставил его в «Сагаморе», которая находилась на краю города, и пошел по своим делам. Они договорились встречаться только ночью или «случайно» в толпе, на скачках, но обязательно посетить утром тренировочный трек, если завтра на рассвете Шай Смайл будет в последний раз

проходить тренировку. Лейтер сказал, что обо всем этом и многом другом он узнает в ночном баре при конюшнях, в который заходят представители преступного мира, приезжающие сюда на августовские соревнования.

Бонд заполнил регистрационную книгу для приезжих и написал про себя, что он Джеймс Бонд, из отеля «Астор» в Нью-Йорке.

Женщина со стальными глазами, явно считавшая, что Бойд, как и все другие, приехал, чтобы украсть полотенца, а может быть, и простыни, потребовала от него 30 долларов, после чего дала ключ от комнаты № 49. Он поднял свой чемодан и вошел в опрятную просторную комнату. Номер был на двоих, с креслом, тумбочкой около кровати и стандартной пепельницей, обычной для всех отелей Америки. Туалет и душ были чистыми, как и говорил Лейтер, зубные щетки обернуты в целлофан, и на унитазе наклеена полоска бумаги с надписью: «Стерильно».

Бонд принял душ, переоделся, вышел погулять и пообедал за 2 доллара и 80 центов в закусочной с кондиционированным воздухом, имеющей вид типичного американского заведения, как и мотель. Затем он вернулся в свой номер и, лежа на кровати, стал читать журнал, из которого узнал,

что Т. Белл будет участвовать в скачках трехлеток на лошади Шай Смайл.

Вскоре после десяти Лейтер легко постучал в дверь и вошел, хромая: от него пахло ликером и дымом дешевых сигар — он был слегка навеселе.

— Достиг кое-какого прогресса, — сказал он, придвигая кресло к кровати, на которой лежал Бонд, сел и вынул сигареты. — Это значит, что мы должны будем завтра встать чертовски рано. В 5 часов утра. Дело в том, что тренеры будут проверять Шай Смайл на дистанции в 800 метров в 5.30. Я бы хотел посмотреть, кто будет там, когда они будут проводить тренировку. Владелец лошади, кажется, Писсаро. Один из директоров «Тиары» случайно назвал его имя. У него есть еще одна смешная кличка: Писсаро с «хромающим мозгом». Он занимается допингом, переправляет наркотики через мексиканскую границу. Люди из ФБР как-то раз поймали его, и он отсидел срок в Сен-Квентинской тюрьме. Потом Спенг дал ему работу в «Тиаре», и теперь он владелец скаковой конюшни, как Ван дер Вильде. У него все идет хорошо. Интересно, в какой Писсаро сейчас форме? Они его немного подлечили в Сен-Квентине, но у него все-таки что-то произошло с головой. С тех пор его стали звать «хромающий мозг».

Здесь есть еще жокей Тингалинг Белл. Хороший наездник, из таких людей, которые любят деньги и хорошую одежду. Я бы хотел поговорить с ним, если мне удастся встретиться наедине. Есть для него небольшое предложение. Тренер — один из гангстеров, его имя Рози Бадд звучит довольно смешно, не правда ли? Но не стоит обращать на это внимание. Он из Коннектикута, так что умеет обращаться с лошадьми. Попадался в разных неблаговидных делах по всему югу, что называется, «маленький» бандит. Воровство, грабеж, насилие — всего этого было достаточно, чтобы завести на него дело. Последние несколько лет занимается лошадьми и известен всем в качестве тренера, работающего на Спенга.

Лейтер точно бросил сигарету через открытое окно на клумбу с гладиолусами, потом встал и потянулся.

— Вот они, эти артисты. Отличный состав, и я собираюсь разжечь под ними огонь.

Бонд был озадачен.

— Но почему бы тебе прямо не рассказать о них Стюардам? Кто же твои руководители во всем этом деле? Кто оплачивает все счета?

— Это поддерживается ведущим ведомством, — сказал Лейтер. — Они платят нам по договору

и сверх того в случае достижения результатов. И я не слишком-то продвинусь со Стюардами. Было бы нечестно заставить говорить конюха: это для него — смертный приговор. Ветеринар пропустил лошадь, а настоящая Шай Смайл была застрелена и сожжена несколько месяцев назад. Нет, у меня свои собственные намерения. И я собираюсь доставить мальчикам Спенга немного больше неприятностей, чем лишение участия в скачках. В любом случае я приду и постучу в дверь в 5 часов.

— Не беспокойся, — ответил Бонд, — я буду уже готов в то время, когда койоты еще лают на луну.

Бонд проснулся вовремя. В воздухе была приятная свежесть. В полумраке, сквозь вязы, можно было разглядеть просыпающиеся конюшни. Бонд шел за хромающей фигурой Лейтера… На востоке небо было местами жемчужно-серым, местами переливчато-дымчатым. Птицы в кустах начинали свои песни. От костров около конюшен поднималась голубая дымка, а в воздухе стоял запах кофе, дыма и росы. Раздавались шумы, производимые лошадьми и людьми. Когда они вышли из-за деревьев на деревянный помост, пересекающий трек, по нему уже шла цепочка

лошадей, каждую из которых вел па поводу конюх. Обращаясь к своим подопечным, конюхи говорили с ласковой грубостью: «Ну пошевеливайся, лентяй» или «Шевели ногами, живей!»

— Они готовятся к утренней тренировке, — сказал Лейтер. — Когда во время галопирования к ним приходят владельцы лошадей, тренеры больше всего это ненавидят.

Они наклонились над треком, думая о раннем утре и о завтраке. Внезапно солнце осветило стоявшие в полумиле, на другой стороне трека, деревья, окрасив самые верхние ветки золотом. Через минуту последние тени исчезли, и наступил день.

Как будто ожидая этого сигнала, из-за деревьев, слева от них, появились три человека. Один из них вел лошадь со звездой на лбу и в белых чулочках.

— Не смотри на них, — мягко проговорил Лейтер, — повернись спиной к треку и смотри на тех лошадей. Тот старый, согнувшийся человек с ними — это Джим Фитсимоне, самый лучший тренер Америки. А вон те лошади — Вутворда. Большинство из них победит на этих соревнованиях. Взгляни мельком, а я буду следить за их друзьями. Не стоит казаться заинтересованными.

Теперь давай посмотрим: вот конюх, ведущий Шай Смайл, и Бадд, мой старый друг «хромающий мозг» в лиловой рубашке. — Бадд пропустил конюха вперед, потом стал медленно галопировать по дальней стороне трека, направляясь к одному из постов. Гангстеры вынули свои часы и, оглядевшись, заметили нас. — Незаметно взгляни на них, Джеймс, когда лошади начнут бег, они перестанут интересоваться нами. Теперь ты можешь обернуться. Шай Смайл на дальней стороне трека, и они смотрят на нее в бинокли и ждут старта. Это заезд на 800 метров. Писсаро стоит около пятого поста.

Бонд обернулся и взглянул вдоль барьера налево — на двух человек, пристально смотревших в бинокли и на часы, на которых отражались блики от солнца.

— Пошла!

Бонд разглядел бегущую вдалеке гнедую лошадь, выходящую на поворот в дальнем конце. На таком расстоянии до них не долетало ни звука, но потом стал быстро нарастать мягкий цокот копыт, и он все усиливался до цех пор, пока лошадь не вышла перед ними на последнюю 200-метровку, приближаясь к наблюдающим за ней мужчинам.

Когда лошадь пронеслась мимо него, Бонда охватило возбуждение. У нее были дикие глаза, оскаленные зубы, из широко раскрытых ноздрей валил пар. Наездник изогнулся, как кошка, опустив лицо и почти касаясь шеи лошади. Лошадь пронеслась, как вихрь, и Бонд перенес взгляд на наблюдавших за ней людей, которые теперь наклонились и нажали на кнопки секундомеров.

Лейтер тронул его за руку, и они направились к машине.

— Лучше всех шла Шай Смайл, — сказал он. — Не имею понятия, какое у нее время, но земля под ней буквально горела. Если она сможет пройти так и милю с четвертью, победа ей обеспечена. А теперь, черт возьми, поедем и позавтракаем, у меня появился аппетит, когда я увидел этих плутов сегодня утром. — И затем добавил как бы для себя: — Потом я собираюсь узнать, сколько возьмет мистер Белл за то, чтобы провести скачки не по правилам и быть дисквалифицированным.

После завтрака, выслушав еще несколько предположений Лейтера, Бонд в безделии провел утро на треке, наблюдая от нечего делать за лошадьми, которых, как предупредил его Лейтер, он увидит в первый день скачек.

Был прекрасный день, и Бонд наслаждался

погодой, прислушиваясь к жаргонам Саратоги, смеси Бруклина и Кентукки, в толпе народа, элегантных владельцев лошадей и их друзей, размещавшихся на тенистых лугах при ипподроме. Он видел огромный щит со вспыхивающими огнями, информирующий о ставках; игрушечное озеро с лебедями; каноэ с опущенными якорями; большие группы негров, которых всегда привлекали скачки.

Миллионы долларов каждый год текли в карманы гангстеров, для которых скачки были одним из источников дохода, так же как проституция и торговля наркотиками.

Бонд попробовал систему, которую создал известный в Чикаго О'Брайн. Он поставил на каждого наиболее вероятного фаворита и таким образом получил 15 долларов и несколько центов к концу восьмого забега, которым заканчивались скачки этого дня.

Он пошел домой, увлекаемый толпой, принял душ, немного поспал, а затем прошел в ресторан и провел час за напитком, который ему посоветовал Лейтер. Этот напиток был модным в кругах любителей скачек: «бурбон» с водой из ручья. Бонд был уверен, что на самом деле вода была из водопровода, но Лейтер сказал, что настоящие

знатоки «бурбона» настаивают на том, чтобы пить виски в традиционном стиле с водой из родников с верховья реки, где она самая чистая.

Бармен не удивился, когда Джеймс попросил этот напиток, и Бонд был доволен. Затем он съел бифштекс и, выпив последнюю рюмку «бурбона», направился к торговым рядам под белым навесом, где Лейтер назначил ему место встречи.

Бонд сел за сухощавой женщиной в вечернем платье, отделанном норкой, запястья ее сверкали блеском драгоценных камней каждый раз, когда она предлагала цену. Около нее сидел скучающий мужчина в белом костюме и темно-красном галстуке, который, возможно, был ее мужем или тренером лошадей.

Когда лошадь выводили под сверкание неонового света, аукционер, грозный Свайнброд из Теннесси, давал характеристику лошади и открывал аукцион с помощью двух помощников в проходах, следящих за каждым кивком или поднятием карандаша среди хорошо одетых бизнесменов и агентов.

В круг ввели нервную худую лошадь под № 201. Началось расхваливание лошади.

— Я назначаю цену в шесть тысяч долларов. Теперь семь тысяч, кто больше? Семь тысяч триста,

четыреста, пятьсот, только семь пятьсот за эту прекрасную лошадь, восемь тысяч. Благодарю вас, сэр! А кто даст девять? Восемь тысяч пятьсот, шестьсот, семьсот… А кто же даст большую сумму?

Пауза, удар молотка, взгляд неодобрения на ряды публики, где сидели обладатели тугих кошельков. — Господа, слишком дешево за эту двухлетку! Я продаю жеребенка, у которого большие шансы на победу, и за такую ничтожную сумму! Восемь тысяч семьсот, а кто же даст девять, где девять тысяч?

Сухая рука в кольцах и браслетах вынула бамбуковый с золотом карандаш из сумочки и подчеркнула какую-то цифру на программе «Ежегодная распродажа в Саратоге». № 201, гнедой жеребец. Затем серые глаза женщины взглянули в глаза лошади, и она подняла золотой карандаш.

— Предложенная цена — девять тысяч. Кто предложит десять или добавит к девяти тысячам? Я слышу девять сто? — Пауза. Последний взгляд по рядам и удар молотка. — Продано за девять тысяч долларов. Спасибо, миссис.

Головы обернулись, и многие вытянули шеи, чтобы лучше рассмотреть покупательницу, а

женщина со скучающим видом что-то сказала человеку, сидевшему рядом с ней.

И 201-й, Бей Колт, был уведен из круга, а туда ввели 202-й, который на мгновение испугался яркого света, стены незнакомых лиц и запахов.

В рядах, позади Бонда, началось движение. Лицо Лейтера появилось рядом с ним, и он шепнул:

— Дело сделано. Это стоило три тысячи долларов, и наездник перехитрит их. Запрещенный удар на последней 200-метровке как раз тогда, когда он должен был бы сделать свой победный рывок. Пока! Увидимся утром!

Шепот прекратился, и Бонд продолжал, не оглядываясь, следить за аукционом. А затем по липовой аллее побрел домой, чувствуя жалость к жокею Т. Беллу, ввязавшемуся в опасную игру, и к лошади Шай Смайл, которая должна была закончить скачку ради сделки не по правилам.

Глава 12
Конец дела

Бонд с высокой трибуны следил в бинокль, взятый напрокат, за владельцем Шай Смайл, который ел крабов. Писсаро сидел в огороженном для ресторана месте четырьмя рядами ниже Бонда. Напротив него расположился Рози Бадд, тыча вилкой в сосиски и кислую капусту, запивая все это пивом. Хотя большинство других столиков было занято, около этого вертелось два официанта и часто подходил метрдотель посмотреть, все ли в порядке.

Писсаро был гангстером и выглядел гангстером из нелепой кинокомедии. У него была круглая голова, а лицо состояло из двух крошечных глаз, двух ноздрей и влажного розового рта со сжатыми губами над небольшим подбородком. Он не обращал внимания на приготовления к первому забегу, сосредоточив все свое внимание на еде, поглядывал иногда на тарелку своего соседа, как будто хотел подцепить что-нибудь с нее.

У Рози Бадда было жирное крепкое тело; на его квадратном неподвижном лице игрока в

покер под тонкими бровями глубоко прятались маленькие глазки. Ел он медленно и только изредка поднимал взгляд от тарелки. Когда кончил есть, взял программу скачек и стал изучать ее, осторожно перелистывая страницы. Не подымая глаз, он отрицательно покачал головой, когда метрдотель предложил ему посмотреть меню.

Писсаро подождал, пока принесли мороженое, и когда получил его, опустив голову, стал быстро поглотать.

Глядя на них в бинокль, Бонд изучал обоих мужчин и думал, к какому типу их отнести. Он знал холодных, преданных своему делу играющих в шахматы русских, шикарных нервозных немцев, молчаливых беспощадных анамитов из Центральной Европы. Людей своего круга. Двуликих людей высшего качества, солдат удачи, которые считали, что жизнь можно растрачивать за тысячу в год…

Появились результаты четвертого забега, и теперь оставалось полчаса до скачки Перпетуса. Бонд опустил бинокль, взял программу, ожидая, когда на другом конце трека, на табло, начнут появляться ставки.

Он еще раз посмотрел на программу. Там было написано:

«Второй день, четвертое августа. Ставки не ограничены. Можно получить 25 000 долларов, 52 забега для трехлеток. Взнос — 50 долларов каждый забег. Участники соревнований платят 250 долларов дополнительно. Можно выиграть 25 000 долларов, из которых 5000 за второе место, 2500 за третье место и 1250 — за четвертое. Приз будет вручен владельцу победившей лошади. Одна миля с четвертью».

А потом перечислялись имена двенадцати лошадей с именами их владельцев, тренеров и жокеев и прогноз шансов на выигрыш.

Оставалась четверть часа. Бонд выпрямился и закурил сигарету, вспоминая то, что ему сказал Лейтер, и раздумывая над тем, удастся ли все это.

Лейтер «проводил» жокея до дома и предъявил удостоверение частного детектива. Он начал тихо убеждать его не то чтобы завалить скачки, но если Шай Смайл победит, то он, Лейтер, пойдет к Стюардам и откроет им всю правду, после чего Тингалинг Белл никогда больше не сможет участвовать в скачках. И у жокея оставалась только одна возможность спасти самого себя. Если он выполнит требование Лейтера, тот обещал молчать о незаконном участии его лошади в состязании. Шай Смайл должна выиграть скачку,

но должна быть дисквалифицирована. Это можно сделать, если во время финального рывка жокей столкнет свою лошадь с лошадью, идущей рядом, так, чтобы показалось, что он помешал ей стать победительницей. В таком случае зрители заявят протест, который будет удовлетворен. Для Белла будет легко на последнем повороте сделать так, чтобы он мог доказать своим хозяевам, что это была случайность и что его лошадь споткнулась, прижав его к левому борту. Никто не усомнится в его желании победить, так как Писсаро обещал уплатить ему 1000 долларов в случае победы Шай Смайл. Это можно было бы расценить как один из ударов судьбы, которые случаются на скачках. Лейтер даст Тингалингу сразу 1000 долларов, а 2000 — после.

Белл без колебаний согласился на это. Он просил, чтобы 2000 долларов ему передали бы после скачек в помещении для серных грязевых ванн, куда он ходит каждый вечер, чтобы похудеть.

Лейтер обещал исполнить это в шесть часов. Сейчас в кармане Бонда лежали 2000 долларов, и он с неохотой согласился передать их Беллу.

Бонд через бинокль обвел взглядом ипподром. Заметил четырех человек с камерами, снимающих скачки и стоящих на расстоянии четверти

мили друг от друга. Их фильмы через несколько минут после скачек представляются судьям. Еще увидел человека, стоявшего у конечного поста, который увидит и зафиксирует все, что произойдет на последнем повороте. Бонд почувствовал возбуждение. Оставалось пять минут. Один круг, еще плюс 250 метров, и финиш был как раз под ним. Он навел бинокль на табло. Изменений не было ни в фаворитах, ни в ставках на Шай Смайл.

На трек начали выводить лошадей. Первым шел № 1, вторым — фаворит, большая черная лошадь с эмблемой конюшни Витней Стейбл. За ней следовала претендентка на первое место Прей Экшен, серая кобыла с эмблемой Вудворта, и в конце двигалась лошадь со звездочкой на лбу и в белых чулочках. Рядом с ней шел жокей с бледным лицом в костюме светло-лилового цвета и с черным ромбом на груди и спине.

Лошадь двигалась настолько красиво, что Бонд, взглянув на табло, не удивился тому, что ставки на нее опустились до 17, а затем до 16 долларов. Бонд продолжал следить за табло. Через минуту начнут появляться большие деньги, все, за исключением 2000 долларов Бонда, которые лежат у него в кармане, и ставки возрастут в начале

забега. По трансляции объявили о начале забега, и лошади выстроились перед стартовой линией. Цифры на табло замелькали, потом замерли; тотализатор остановился и закрылся.

Резко прозвучал гонг. В воздухе пахло озоном и было очень шумно. Лошади сорвались с места, и комья земли полетели из-под их копыт. Бонд увидел бледные лица, наполовину закрытые темными очками. Блеск безумных глаз лошадей и их смешавшиеся номера, среди которых Бонд нашел только роковой № 10. Затем пыль осела, и темная масса лошадей появилась на повороте и стала выходить на прямую. Бонд почувствовал, как запотели стекла его бинокля.

Впереди на полный корпус шла лошадь под № 5. Была ли это та неизвестная лошадь, на которой собирались выиграть скачку? Но затем с ней поравнялись № 3 и № 11. № 10 отставал от лидеров всего на полкорпуса. Впереди бежали только эти четыре лошади, а остальные были на три корпуса позади. Поворот — и лидером стал № 1 —лошадь Витнея. Лошадь под № 10 бежала четвертой. На прямой № 3 вышел вперед, Тингалинг Белл на гнедой шел вплотную за ним. Обе лошади обошли № 5 и вскоре поравнялись с № 1. Затем поворот и выход на прямую, и № 3,

с которым почти вплотную бежала Шай Смайл, оставил № 1 почти на целый корпус позади. Шай Смайл приближалась к лидеру. Она поравнялась с ним, и вместе они стали входить в последний поворот. Бонд задержал дыхание. Сейчас! Сейчас! Казалось, он слышал жужжание скрытой камеры у белого поста.

Лошадь под № 10 находилась впереди, справа на повороте, а № 3 была на внутреннем круге. Толпа кричала, подбадривая фаворита. Теперь Белл низко наклонил голову к шее лошади с внешней стороны так, что мог бы сказать, что не видит серой лошади на внутреннем круге. Дюйм за дюймом лошади сближались, и внезапно голова Шай Смайл ударила в голову лошади № 3 и вырвалась вперед, а жокей Прей Экшен внезапно приподнялся на стременах, вынужденный это сделать для сохранения равновесия, и Шай Смайл оказалась на целый корпус впереди.

Толпа издала сердитый рев. Бонд опустил бинокль и сел, глядя, как гнедая лошадь стремительно пронеслась мимо поста, который находился под ним. Прей Экшен отставала от нее на пять корпусов, а за второе место с ней боролась Кам Агейн.

«Неплохо, — подумал Бонд в то время, как во-

круг него бушевала толпа. — Совсем неплохо. И как превосходно жокей проделал это! Он на столько наклонил голову, что даже Писсаро придется согласиться, что Белл не мог видеть другую лошадь».

Вполне естественный наклон для последней прямой. Он все еще продолжал наклонять голову, проезжая пост, как будто думал, что он только на полкорпуса впереди № 3.

Бонд следил за появлением результатов. Вокруг раздавался свист. № 10, Шай Смайл, пять корпусов; № 3, Прей Экшен, полкорпуса; № 1, Кам Агейн, три корпуса; № 7, Ниранделли, три корпуса.

Лошади, не останавливаясь, бегали еще некоторое время после финиша, и толпа пронзительно закричала, когда Тингалинг Белл слез с лошади и, сняв седло, понес его к весам.

Затем раздались громкие одобрительные возгласы. Против имени Шай Смайл белым по черному можно было прочесть: «Опротестовать». И в то же время, как оно появилось, по радио объявили:

«Просим внимания! В этом забеге объявлен протест жокеем Т. Лакки на лошади Прей Экшен — № 3 против жокея Т. Белла на лошади Шай Смайл под № 10. Не уничтожайте ваших билетов.

Я повторяю: не уничтожайте ваших билетов!».

Бонд вынул платок и вытер руки. Он мог себе представить сцену, которая происходила в кинозале за ложей судей. Теперь они будут изучать фильм. С оскорбленным видом там будет стоять Белл, а около него с еще более оскорбленным видом будет стоять жокей с № 3 на груди и на спине. Будут ли при этом присутствовать бледные и растерянные владельцы лошадей? Будет ли стекать пот с жирного подбородка мистера Писсаро за его воротник?

И затем голос по радио снова объявил:

«Просим внимания. В этом забеге № 10, Шай Смайл, дисквалифицируется и победителем объявляется № 3, Прей Экшен. Это официальный результат».

Среди бушующей толпы Бонд быстро поднялся со своего места и пошел к бару. Теперь надо будет расплатиться. Возможно, «бурбон» с водой даст ему какую-нибудь идею, как передать деньги Т. Беллу. Это его весьма беспокоило. И все же лечебные ванны казались достаточно укромным местом. Его в Саратоге никто не знал, по после этого он не будет больше оказывать услуг Пинкертону. Ему нужно будет позвонить Шеди Трику и сказать, что он не получил своих 5000 долларов,

пусть побеспокоятся об оплате. Несерьезно было помогать Лейтеру обводить этих людей вокруг пальца. Бонду пришла пора начать действовать.

И он устремился в переполненный людьми бар.

Глава 13
Грязелечебница

В маленьком красном автобусе были только негритянка с перевязанной рукой и около шофера сидела девушка, которая старалась спрятать свои больные руки и голову, закрытую темной вуалью.

Автобус с надписью «Лечебные грязи и серные ванны. Ходит раз в час» ехал по городу, но в это время было мало пассажиров. Немного позже он с основной дороги свернул на другую, крытую гравием, идущую через плантации молодых пихт. Проехав полмили, автобус повернул вниз к холму, к группе серых деревянных домов. Высокая кирпичная труба возвышалась в центре здания, и из нее шел черный дым.

Перед зданием для ванн не было видно никого, но когда к площадке, тоже покрытой гравием, подошел автобус, из двери с проволочной сеткой вышли два пожилых белых человека и цветная женщина и они стали ждать, пока все пассажиры выйдут из автобуса. Когда Бонд ступил на землю, ему в нос ударил запах серы. Бонд отошел от

входа и сел на каменную скамью под чахлыми пихтами. Он сидел так несколько минут, стараясь приготовить себя к тому, что с ним должно произойти за дверью, закрытой решеткой, и пытаясь побороть отвращение к этому ужасному запаху. Он говорил себе, что это у него реакция здорового организма против болезней, влияния этой высокой мрачной трубы с черным дымом, но на самом деле все эти ощущения были невольным протестом против того, чтобы войти в эти двери, выпачкать свое чистое тело грязью и подвергнуться неприятной процедуре, обычной в этом заведении.

Автобус уехал, и он остался один. Было абсолютно тихо, и Бонд заметил, как в боковом окошечке возник ли два глаза и рот. Это место как будто смотрело на не го, следило за ним, ждало его. Войдет ли он? Получат ли они его?

Бонд съежился. Он встал и пошел по гравийной дорожке, поднялся по деревянным ступенькам, и решетчатые двери захлопнулись за ним.

Он очутился в темной комнате — приемной. Запах серы здесь был еще сильней. За железной решеткой стоял стол, а на стенах в рамах висели рекомендации. Там же висело объявление, написанное от руки заглавными буквами:

«Чувствуйте себя в нашей лечебнице как дома. Познайте секрет здоровья».

Пожилая женщина с копной рыжих волос и печальным лицом, положив палец на то место в книге, на котором она остановилась, подняла голову и спросила: «Чем могу быть вам полезной?» Женщина спросила тоном, в котором ясно чувствовалось, что она считает его новичком. Бонд с презрением посмотрел на нее.

— Я хочу принять ванну.

— Грязевую или серную? — свободной рукой она потянулась за билетами.

— Грязевую, — ответил Бонд.

— Не хотите ли вы купить абонемент? Это будет дешевле.

— Нет, только один билет, пожалуйста.

— Один доллар 50 центов, — сказала женщина. Она подвинула к Бонду билет и придерживала его до тех пор, пока Бонд не положил деньги.

— Куда мне идти?

— Направо, — ответила она, — вдоль по коридору. Ценные вещи лучше оставьте здесь. — Она протянула ему большой белый конверт. — Напишите на нем ваше имя. — Она украдкой смотрела, как Бонд положил в него часы и содержимое своих карманов, после чего написал на нем свое

имя.

Двадцать 100-долларовых банкнот лежали во внутреннем кармане пиджака Бонда, и он колебался, раздумывая, что с ними делать. И все же он отдал конверт бел денег.

— Благодарю вас, — сказал он.

— Проходите, пожалуйста, — сказала она.

В конце комнаты находилась низкая дверь с двумя указателями: направо и налево. На одном было написано «Грязи», на другом — «Сера».

Бонд прошел в дверь, повернул направо и пошел вдоль сырого коридора с цементным полом, ведущего вниз. Он толкнул дверь в конце коридора и очутился в длинной комнате с высоким стеклянным потолком и с кабинами вдоль стен. В комнате было жарко и стоял запах сероводорода. Два обнаженных молодых мужчины с серыми полотенцами вокруг бедер сидели за столом около окна. На столе стояла пепельница, полная окурков, и поднос с грудой ключей. Когда Бонд вошел, они посмотрели на него, и один из них взял ключ с подноса и протянул его Бонду. Бонд подошел к нему и взял ключ.

— Двенадцатая, — сказал мужчина. — У вас есть билет?

Бонд протянул билет, и мужчина жестом ука-

зал ему на кабину позади него.

В тускло освещенной кабине висело только полотенце, которое от долгой стирки потеряло весь свой ворс. Бонд разделся и обвязался полотенцем вокруг бедер, потом вытащил увесистый пакет банкнот и засунул его в нагрудный карман пальто под носовой платок. Он решил, что вор вряд ли полезет в такое место. Потом, повесив оружие на выступающий крюк, он вышел и запер за собой дверь.

Бонд не имел ни малейшего понятия о том, что увидит за дверью в конце коридора, и его первым впечатлением было, что он попал в морг. Тут же к нему подошел толстый негр с опущенными вниз усами и оглядел его с головы до ног.

— На что жалуетесь, мистер? — спросил он.

— Ни на что, — кратко ответил Бонд. — Я просто хочу попробовать действие грязевой ванны.

— О'кей, — сказал негр, — а сердце у вас в порядке?

— Да.

— О'кей! Сюда, пожалуйста!

Бонд последовал за негром по наклонному цементному полу, вниз к деревянной скамейке, стоящей около разрушенных душевых кабин, в одной из которых какой-то мужчина очищался

от грязи.

— С вами все будет в порядке, — сказал негр, ступая на мокрый пол и начиная свою работу.

Бонд взглянул на тучного негра, и у него сжалась кожа при мысли, что он отдаст свое тело во власть этим грубым рукам с розовыми ладонями. Бонд не слишком любил негров, и он был рад, что Англия в этом отношении счастливее Америки: у нее не могло быть расовой проблемы, которая всегда имела место в Штатах. Он улыбнулся, вспомнив, что сказал ему Лейтер во время их последней встречи в Америке. Бонд обратился к мистеру Биту, гарлемскому криминалисту, со словами: «Этот проклятый негр». Лейтер остановил его:

— Осторожно, Джеймс, — сказал он. — Люди здесь очень чувствительны к цветам кожи, так что будь поосторожнее.

Воспоминание о наставлении Лейтера развеселило Бонда, он отвел глаза от негра и перевел взгляд на остальные детали лечебно-грязевых ванн. Это была квадратная серая бетонная комната. Четыре электрические лампы без абажуров отбрасывали мерцающий свет на мокрые стены и пол. Около стен, на козлах, стояли столы. Бонд автоматически сосчитал их, было их 20. На каждом

столе стояли тяжелые деревянные гробы, на три четверти закрытые крышками. В большинстве ванн были видны покрытые потом люди, смотрящие в потолок. Несколько глаз с любопытством уставились на Бонда, но большинство красных лиц казались спящими.

Одна ванна была открыта, и крышка стояла у стены, и Бонд решил, что она предназначена для него. Негр положил в ванну полотенце, разгладил его, потом пошел на середину комнаты, откуда-то взял два ведра, наполненные доверху грязью. Поставив их около открытой ванны, он запустил в одно из ведер огромную руку и размазал грязь по дну ванны. Он продолжал эту операцию, пока не покрыл дно ванны на два дюйма и оставил ее застывать, потом подошел к ванне, полной кусочков льда. Положив несколько кусков в полотенце, он начал обходить занятые ванны и холодным полотенцем обтирать пот у пациентов.

Больше ничего в комнате не происходило, только тихонько шипел шланг. Затем шипение прекратилось, и чей-то голос проговорил:

— Порядок, мистер Вейс, на сегодня хватит.

И толстый волосатый обнаженный мужчина выбрался из душевой кабины и подождал, пока служащий подал ему халат и проводил через

дверь, в которую входил Бонд. Затем служащий подошел к двери в конце комнаты и вышел. Несколько мгновений через дверь лился дневной свет, и Бонд увидел зеленую траву и голубое небо. Служащий вернулся с двумя новыми ведрами грязи, и двери захлопнулись.

Негр подошел к ванне Бонда и дотронулся рукой до грязи. Потом обернулся и кивнул Бонду.

— О'кей, мистер, — сказал он.

Бонд подошел, и служащий взял у него полотенце и повесил его на крючок над ванной вместе с ключом. Бонд стоял перед ним совершенно голый.

— Вы когда-нибудь принимали что-либо подобное, мистер?

— Нет.

— Я так и думал, так что я сделаю грязь с температурой в 111 градусов. Если вы захотите, я потом увеличу температуру. Ложитесь сюда.

Бонд осторожно влез в ванну и лег. При первом соприкосновении с грязью он почувствовал жгучую боль. Он медленно вытянулся и положил голову на чистое полотенце, положенное на надувную подушку.

Когда он улегся, негр засунул обе руки в ведро со свежей грязью и стал намазывать ею тело

Бонда. Грязь была коричнево-шоколадного цвета, гладкой, тяжелой и вязкой. Запах горячего торфа ударил в нос Бонда. Он следил за сверкающими толстыми руками негра, работающими над черной формой, которая когда-то была его, Бонда, телом. Знал ли Ф. Лейтер, как это все здесь выглядело? Бонд взглянул на потолок и скорчил свирепую мину. Если это была одна из его шуток…

Наконец, негр закончил свое дело, и Бонд оказался полностью покрытым грязью. Белыми оставались лишь лицо и пространство вокруг сердца. Он стал задыхаться, на лбу выступил пот.

Негр стремительно нагнулся и, взяв края простыни с одной стороны, обернул ею тело Бонда. Затем он взял другую половину грязного савана и тоже запеленал ею тело Бонда. Теперь Бонд мог двигать только пальцами и головой, и то движения его были ограничены. Потом негр закрыл ванну тяжелой крышкой, взял грифельную доску с полки и, взглянув на часы, висевшие в дальнем углу комнаты, записал на ней время. Было ровно шесть часов.

— Двадцать минут, — сказал он. — Вы нормально себя чувствуете?

Бонд промычал в ответ что-то невразумитель-

ное.

Негр отошел от него, чтобы заняться своими делами, и Бонд молча уставился в потолок. Он чувствовал, как пот стекал по его лицу на глаза: он проклинал Феликса Лейтера.

В три минуты седьмого дверь открылась, и на пороге появилась голая фигура Тингалинга Белла. У него было узкое настороженное лицо и худое тело, на кото ром можно было пересчитать все ребра. Он решительно вышел на середину комнаты.

— Привет, Тингалинг, — сказал служитель. — Я слышал, что у тебя что-то сегодня стряслось. Плохо дело.

— Эти заправилы слишком бесстыдны, — грустно проговорил Белл. — Зачем бы мне было перебегать дорогу Томми Лакки, он один из моих лучших друзей? Скачки полностью контролировались. Эй, ты, черный ублюдок, — он выставил вперед ногу и пытался поддеть негра, несущего ведро с грязью, — ты должен помочь мне сбросить шесть унций. К тому же они дали мне множество поручений на завтра.

Негр переступил через вытянутую ногу и откашлялся.

— Не беспокойся, беби, — сказал он, — ты быст-

ро сбросишь вес, и все будет в порядке.

Дверь снова открылась, и один из игроков в карты просунул голову.

— Привет, — сказал он служителю, — Мейбл говорит, что она никак не может дозвониться до кулинарии, чтобы принесли еду. Линия занята или испортилась.

— О боже, — сказал другой, — скажи Джеку, чтобы он привез еду, когда поедет обратно.

— О'кей!

Дверь закрылась. Неполадки телефонной сети в Америке — редкая вещь, и это был момент, когда сигнал опасности должен был бы дойти до Бонда. Но ничего не произошло: вместо этого он взглянул на часы. Еще десять минут ему надлежало лежать в этой грязи. Негр наклонился над ним и вытер ему лоб холодным полотенцем. Это было приятно, и Бонд на минуту подумал, что вся эта процедура не так уж плоха и, вероятно, укрепляет здоровье.

Часы отстукивали секунды. Жокей улегся в ванну, стоявшую перед Бондом, и Бонд догадался, что тот принимал ванну с температурой 130 градусов. Его также завернули в простыню и накрыли ванну крышкой.

Негр на грифельной доске жокея написал: 6.15.

Бонд закрыл глаза и стал думать о том, как ему передать деньги жокею. В комнате для отдыха? Вероятно, там было что-нибудь, на чем можно было бы полежать после процедуры, или это сделать в проходе на обратном пути, или в автобусе. Нет, лучше не в автобусе. Их не должны видеть вместе…

— Все в порядке. Никому не двигаться. Не волнуйтесь. Мы никого не тронем, — это был тяжелый бесстрастный голос, в котором улавливались угрожающие нотки.

Бонд быстро открыл глаза, и тело сжалось от ощущения опасности.

Дверь, через которую приносили грязь и которая выходила на улицу, была открыта. В дверях стоял мужчина, другой стоял посредине комнаты. В их руках были пистолеты, а на головах черные балахоны с прорезями для глаз и рта.

В комнате наступила тишина, нарушалась она лишь падающими каплями в душевой. В каждой из кабин находился голый мужчина, они высунулись из кабин в комнату, глядя через завесы воды и судорожно глотая воздух. Служитель неподвижно стоял посредине комнаты, и вода из шланга лилась ему на ноги.

Человек с пистолетом, стоявший посредине

комнаты, подошел к негру, державшему полные ведра грязи и задрожавшему так, что часть грязи вываливалась наружу.

Бонд увидел, как человек, глядя негру прямо в глаза, перехватил пистолет за рукоятку и ударил им негра в живот. Тот закричал и упал, его голова коснулась сапога мужчины так, что могло показаться, что он поклонился ему. Мужчина отдернул ногу.

— Где жокей? — с угрозой спросил он. — В котором корыте Белл?

Негр протянул правую руку, и человек подошел к ваннам, к тому месту, где кончалась ванна Бонда и начиналась Тингалинга Белла. Человек сначала посмотрел в лицо Бонда: два блестящих глаза взглянули через прорези маски балахона. Человек прошел дальше и остановился около жокея.

Какое-то мгновенье он стоял, не двигаясь, затем подпрыгнул и уселся на крышку ванны Тингалинга, глядя ему в глаза.

— Ну-ну, Тингалинг Белл, — проговорил он, и в голосе его было явно притворное дружелюбие.

— В чем дело? — голос Белла звучал резко и испуганно.

— Как, Тингалинг? — мужчина говорил на-

смешливым тоном. — У тебя есть что-нибудь в мыслях?

Жокей судорожно глотнул воздух.

— Может быть, ты никогда не слышал о Шай Смайл и не был там, когда она нарушила правила, сего дня днем, в 14.30? — Голос звучал жестко.

Жокей тихо заплакал.

— Ради бога, простите, босс! Это была не моя вина. С каждым может такое случиться. — Это звучало, как хныканье ребенка перед наказанием. Бонд вздрогнул.

— Мои друзья говорят, что это была хитрая улов ка. — Мужчина наклонился над жокеем, и голос его стал еще более жестким. — Мои друзья сказали, что жокей мог сделать это только преднамеренно. Они осмотрели твою комнату и нашли купюру в 1000 долларов в патроне лампы. Мои друзья просили меня узнать, откуда они у тебя? — Резкий удар и пронзительный крик раздались одновременно. — Признавайся, или я выбью тебе мозги. — Бонд снова услышал удар. Из ванны донесся стон.

— Это мои деньги, все, что у меня есть. Я спрятал их в лампе. Это мои деньги, я клянусь вам. Ради бога, вы должны мне поверить. Вы должны поверить. — Голос всхлипывал и умолкал.

Человек издал отвратительное мычание и поднял пистолет так, что он попал в поле зрения Бонда. Потом он соскочил с крышки ванны и, глядя в лицо жокея, продолжал елейным голосом:

— За последнее время ты часто участвовал в скачках. Ты в плохой форме, тебе нужен отдых. Тебе нужна тишина, как в санатории.

Человек медленно отошел от ванны, продолжая говорить. Теперь он находился вне поля зрения жокея, и Бонд увидел, как он нагнулся и взял ведро с грязью, над которым клубился пар. Потом человек вернулся обратно к ванне, низко держа ведро и все еще говоря. Потом подошел поближе к ванне жокея и посмотрел вниз. Бонд весь сжался и почувствовал, как тяжело грязь давит на его тело.

— Я уже сказал, Тингалинг, абсолютная тишина. Некоторое время ничего не есть. Прекрасная тенистая комната с задернутыми светонепроницаемыми шторами.

Мягкий голос монотонно звучал в мертвой тишине. Руки стали медленно подниматься. Выше. Выше.

Затем жокей увидел ведро и понял, что сейчас произойдет, и стал стонать.

— Нет, нет, нет!

…Хотя в комнате было жарко, от ведра с черной грязью шел пар, когда она стала медленно вытекать из недра.

Человек отступил в сторону и бросил ведро служителю, которого оно ударило. Затем он быстро подошел к своему напарнику, стоявшему в дверях, и обернулся:

— Никаких шуток и без полиции. Телефон отключен. — Он резко рассмеялся. — Лучше откопайте этого парня до того, как поджарятся его глаза.

Дверь захлопнулась, и в комнате воцарилась тишина, которую нарушала вода, льющаяся в душевых кабинах.

Глава 14
Мы не прощаем ошибок

— Что произошло дальше?

Лейтер сидел на стуле в комнате Бонда в мотеле, а Бонд шагал по комнате взад и вперед, останавливаясь лишь для того, чтобы выпить виски с водой, стоявшее в стакане на столике около кровати.

— Ужасный хаос, — ответил Бонд, — Каждый умолял служителя выпустить его из ванны, а служитель при помощи шланга смывал грязь с лица Тингалинга и кричал двум другим служителям, чтобы они помогли ему. На полу стонал негр. Обнаженные мужчины из душевых кабинок мотались, как цыплята с отрезанными головами, а двое мужчин, которые раньше играли в карты, подбежали и сняли крышку с ванны Белла, распеленали его и понесли под душ. Я думаю, что он был почти при смерти, наполовину удушенный. Все его лицо было покрыто ожогами. Это было ужасное зрелище. Затем один из голых мужчин взял себя в руки и стал обходить ванны, снимая с них крышки, и вскоре в комнате оказалось два-

дцать голых мужчин, покрытых грязью, и только один свободный душ. Постепенно все встало на свои места. Один из служащих вышел, чтобы поехать за «скорой помощью»; кто-то вылил воды на негра, и он постепенно пришел в себя. Стараясь казаться не очень заинтересованным, я попробовал выяснить, кто были эти два человека с оружием, но их никто не знал. Я подумал, что они были из какой-нибудь шайки из другого города. И поскольку, кроме жокея и негра, пострадавших не было, псе хотели поскорее смыть грязь и убраться оттуда. — Бонд сделал еще глоток виски и закурил сигарету.

— Было ли что-нибудь, что тебе больше всего запомнилось у этих двух молодчиков? — спросил Лейтер. Рост, одежда, что-нибудь еще?

— Мне было плохо видно человека, стоявшего в дверях, — ответил Бонд. — Он ниже ростом, чем первый, и тоньше его. Одежда? Серые брюки и темный пиджак. У него был пистолет калибра 45, возможно «Кольт». Первый был высокого роста и довольно полный. Двигался быстро, но неторопливо. Черные брюки и коричневый пиджак с белыми полосками, без пальто и без галстука… Черные дорогие ботинки. Пистолет 38-го калибра, полицейского образца. Часов на руке не

было. Да! — внезапно вспомнил Бонд. — У него на верхней части большого пальца правой руки есть бородавка. Она выглядит красной, как будто он обкусывает ее.

— Винтер, или Винт, — уверенно сказал Лейтер. — Л другого зовут Кидд. Они всегда работают вместе. Лучшие кадры шайки Спенгов. Винт — ублюдок, настоящий садист. Он всегда сосет свою бородавку на пальце. Его прозвали «Ветреный трус». У всех этих молодчиков есть клички. Винт не любит путешествовать, его укачивает в машинах и поездах, и он считает, что самолеты — это западня. Ему приходится отдельно оплачивать по ходу работы продвижение по стране. Но он им весьма полезен, когда стоит на земле. Кидд — неприятный малый, и друзья зовут его Буффи. Вероятно, многому он научился у Винта. Такие люди и становятся самыми страшными убийцами. У Кидда седые волосы, хотя ему еще только тридцать лет. Это одна из причин, почему они работают в капюшонах, но когда-нибудь этот молодчик Винт пожалеет, что не снял свою бородавку. Я сразу подумал о нем, когда ты упомянул о бородавке. Я думаю пойти в полицию и заявить на них. И я расскажу им всю подноготную о Шай Смайл, а все остальное полицейские сделают

сами. Сейчас Винт и его друг садятся на поезд, но тем не менее им не повредит немного поддать жару. — Лейтер подошел к двери и обернулся. — Не волнуйся, Джеймс, я вернусь через час, и мы пойдем обедать. Я выясню, куда доставили Тингалинга, и мы перешлем ему туда деньги. Может быть, это немного развеселит беднягу. До скорой встречи!

Бонд разделся и десять минут мылся в душе, чтобы полностью избавиться от воспоминания о грязевой ванне. Затем он оделся и пошел к телефонной кабине, где заказал разговор с Шеди Триком.

— Линия занята, сэр, — ответила телефонистка. — Им подождете?

— Да, пожалуйста, — сказал Бонд, убедившись, что горбун в своей конторе и что теперь он сможет сказать о своих неоднократных попытках дозвониться ему, потому что Шеди, вероятно, спросит, почему он сразу не позвонил ему и не рассказал о Шай Смайл. Будучи свидетелем того, что случилось с жокеем, Бонд был еще более склонен пощекотать нервы «Спенгл Моб» происшедшим.

Телефон издал сухой, дребезжащий звук — характерный вызов в американской телефонной

системе.

— Вы заказывали Висконсин, 7-36-97?

— Да.

— Ваш номер освободился. Говорите с Нью-Йорком. — Затем раздался высокий голос горбуна:

— Слушаю. Кто говорит?

— Джеймс Бонд. Я пробовал дозвониться к вам раньше.

— Да?

— Я ничего не получил от скачки Шай Смайл.

— Я знаю. В этом виноват жокей. Ну и что?

— Деньги, — ответил Бонд.

На другом конце провода стало тихо. Затем горбун сказал:

— О'кей! Мы начнем снова. Я перешлю вам тысячу долларов, которые вы выиграли у меня. Помните?

— Да.

— Подождите у телефона. Я позвоню вам через несколько минут и скажу, что делать с ними. Где вы остановились?

Бонд ответил.

— О'кей! Утром вы получите деньги, а я вам еще позвоню. — Телефон замолчал.

Бонд подошел к прилавку и посмотрел на заголовки газет. Но думал он о другом: ему нравился

трезвый расчет этих людей, тщательность в продумывании каждого часа работы. Они, конечно, были правы: где бы мог он, англичанин, достать 5000 долларов, кроме как в игре в карты? Что же будет дальше?

Телефон снова зазвонил, Бонд вошел в кабину и закрыл за собой дверь.

— Это вы, Бонд? Слушайте внимательно. Вы получите их в Лас-Вегасе. Возвращайтесь в Нью-Йорк и садитесь на самолет: билет запишите на меня. Я оплачу его. Самолет до Лос-Анджелеса, а потом в Лас-Вегас, Оттуда улетает самолет местного назначения. Вам заказан номер в «Тиаре». Осмотритесь вокруг и слушайте внимательно. Точно в 5.10, во вторник вечером, в отеле «Тиара» подойдите к центральному из трех столиков дли игры в очко. Столы стоят в комнате, примыкающей к бару. Вы поняли?

— Да.

— Садитесь и играйте по максимальной ставке в 1000 долларов пять раз. Затем встаньте и рассчитайтесь. И больше не играйте. Вы меня поняли?

— Да.

— Ваш чек оплачен в «Тиаре». После игры ждите дальнейших указаний. Вы поняли? Повторите!

Бонд сделал это.

— Так, — сказал горбун, — не говорите лишнего и не делайте ошибок. Мы не прощаем ошибок. Вы это поймете, когда прочтете завтрашнюю газету.

Раздался мягкий щелчок. Бонд положил трубку и с задумчивым видом прошел в свою комнату.

Очко! Старая игра детских лет в «21»! Это напомнило ему о баталиях в других детских комнатах для игр: о подростках, считающих цветные игральные кости в кучках, которых у каждого игрока было на шиллинг, возбуждение от того, что, перевернув десятку или туз, получишь деньги в двойном размере. Трепет перед пятой картой, когда у одного уже есть 17 очков и ему нужно было только еще четыре или меньше…

Теперь он снова собирался играть в детскую игру. На этот раз сдающий карты будет шулером, а цветные фишки в его ставке будут оцениваться в 300 долларов. Он вырос, и теперь это настоящая взрослая игра.

Бонд лег на кровать и уставился в потолок. Пока он ждал Лейтера, мысли перенесли его в город азартных игр, заставляя задуматься о том, что там может с ним произойти и как часто ему удастся видеться с Тиффани Кейс.

В пепельнице было пять окурков, когда он

услышал шаги Лейтера по наружной гравиевой дорожке. Они вместе прошли к «студиллаку», и по дороге Лейтер рассказал ему последние новости.

Мальчики из шайки Спенга проверили всех: Писсаро, Бадда, Винта, Кидда. Теперь Шай Смайл путешествовала в клетке через континент, направляясь на ранчо в Неваде.

— ФБР уже в курсе дела, но это будет лишь еще одной короткой историей в их деле со Спенгом. Без тебя, кик свидетеля, никто не будет дознаваться, кто были эти двое с оружием в руках. И я был бы очень удивлен, если бы ФБР занялось Писсаро и его лошадью. Они оставили это мне и моей конторе. Я переговорил с моим начальством, и мне предложили ехать в Лас-Вегас и каким-нибудь образом установить, где захоронены останки настоящей Шай Смайл. Я должен сам заняться этим делом. Как тебе это нравится?

Бонд не успел ответить — они подъехали к единственному приличному ресторану в Саратоге «Бабочке», вышли из машины и поручили наблюдение за ней швейцару.

— Хорошо, что мы можем пообедать вместе, — сказал Лейтер. — Ты никогда не ел жареных в масле омаров по здешнему рецепту? Но это было бы не так приятно на вкус, если бы рядом за

столом сидел кто-нибудь из ребят Спенга и жрал спагетти с соусом Карузо.

Было уже поздно, и большинство, отобедав, подались на аукцион. Они сели за столик в углу, и Лейтер попросил официанта не торопиться с омарами и принести пока два «Мартини» с вермутом «Крестобианка».

— Итак, ты собираешься ехать в Лас-Вегас, — сказал Бонд. — Смешной набор совпадений. — Он рассказал Лейтеру о своем разговоре с Шеди Триком.

— Все вполне закономерно, — возразил Лейтер. — В этом нет никакого совпадения. Мы оба двигаемся ощупью, и наши дороги ведут в Лас-Вегас. Но сначала мне надо кое-что подчистить здесь, в Саратоге. Надо будет оформить кучу отчетов. Половина моей жизни с Пинкертонами связана с написанием отчетов, но я буду в Вегасе к концу недели. Я не смогу часто видеть тебя прямо под носом Спенга, но изредка мы можем встречаться и обмениваться записками. Вот что я тебе скажу, — добавил он. — У нас есть на примете человек, секретный агент. Шофер такси по имени Курсо, Эрни Курсо. Хороший парень. Я сообщу ему о тебе, и он присмотрит за тобой. Он знает все, что там происходит, и знает всех приезжающих

из других шаек в этот город. Он даже знает, где можно найти одноруких гангстеров, которым за работу платят бешеные деньги. А это самый большой секрет в проклятом гангстерском мире. Ты ничего не видел, раз не видел этого мира. Пять миль игорных домов. Неоновый свет, после которого Бродвей кажется рождественской елкой. Монте-Карло. — Лейтер фыркнул. Молодой штат.

Бонд улыбнулся.

— Сколько нулей у них на рулетке?

— Я думаю, два.

— Это ты говоришь. По крайней мере мы в Европе играем с меньшей степенью риска. Ты можешь включить свой неоновый свет. Второй ноль сохраняет свет.

— Может быть. Но азартная игра в кости даст «Дому» только один процент. Это наша национальная игра.

Лейвер засмеялся.

— Черт, — сказал он, — тебе легко с этой шулерской оплатой за столом для игры в очко. По приезде в Лондон ты сможешь похвастаться тем, как ты их получил в «Тиаре». — Лейтер отхлебнул виски. — Но лучше я преподам основы их игры, на случай, если тебе придется ставить свои пенни против их горшков с золотом.

— Валяй!

— Я действительно имею в виду горшок с золотом, — продолжал Лейтер. — Видишь ли, Джеймс, весь штат Невада, как это считает публика, состоит из Рено и Лас-Вегаса и является горшком с золотом на конце радуги. Человек расценивается в соответствии с ценой билета на самолет, ставкой на азартных играх. Не так давно, когда игра в кости велась честно, молодой Дин Ай сделал 28 прямых проходов на столе для игры в кости в гостинице «Десерт». 28! Если бы он начал с доллара и ему позволили бы превысить лимиты дома, он бы выиграл 250 миллионов! Конечно, ему не дали этого сделать. В лучшем случае людям удавалось выиграть по 150 тысяч долларов. Дин Ай выиграл 750 долларов и бросился бежать, как будто за ним гнался черт. Они так никогда и не узнали его имени. Сегодня эта пара прекрасных костей лежит на сатиновой подушечке в казино гостиницы «Десерт».

— У них, вероятно, хорошая реклама?

— Хорошая жизнь! — ответил Лейтер. — Все мужчины в мире до сегодняшнего дня не могли и мечтать об этом. Казино сделало эту самую большую мечту реальностью, и скоро ты сам увидишь этих жаждущих в казино. В одном из них исполь-

зуется восемьдесят пар костей каждые двадцать четыре часа, сто двадцать пачек пластмассовых карт, пятьдесят машин возвращаются обратно на рассвете. И ты увидишь маленьких леди в перчатках, работающих на этих автоматах. У них есть продуктовые корзинки для монет. Они работают за этими автоматами десять, двадцать часов в день, не уходя в комнату отдыха. Ты мне не веришь? Ты знаешь, почему они носят перчатки? Чтобы их руки не кровоточили.

Бонд недоверчиво усмехнулся.

— Ладно, ладно, — согласился Лейтер. — Я уверен, что эти леди быстро погибают. Истерия, сердечные приступы, параличи. Разноцветные и звенящие деньги, проходящие перед ними, навечно засели в их мозгу. Но при всех казино есть врачи, дежурящие круглосуточно, и маленьких старушек выносят, когда они кричат: «Банк! Банк!» — как будто это имя их умершего любовника. Взгляни на скромные залы Бинго, колеса фортуны и множество игральных автоматов в нижней части города в «Золотом самородке» и в «Подкове». Но не следует ходить туда. Мне посчастливилось узнать о ставках в этих играх, и я знаю, как ты любишь азартные игры. Так что сделай мне одолжение и не ходи туда. И вбей

себе в башку то, что я тебе сейчас скажу. Теперь записывай.

Бонд вынул карандаш и оторвал от меню кусочек бумаги. Лейтер взглянул на потолок.

— Один и четыре процента в пользу «Дома костей». Пять процентов — «Блекдиак». — Он взглянул на Бонда. — Кроме того, плут, в твоей игре, в рулетке, пять с половиной процентов! До пятнадцати процентов в «Бинго» и в «Колесе счастья» и 15–20 процентов в автоматах. Не так уж и плохо для «Дома», правда? Каждый год одиннадцать миллионов посетителей играют в пользу мистера Спенга и его друзей. Возьми двести долларов за средний капитал каждого простака, и ты сможешь подсчитать, сколько в год остается в Лас-Вегасе от игры.

Бонд положил карандаш и обрывок бумаги в карман.

— Спасибо за информацию, Феликс, но ты, кажется, забыл, что я еду туда не для отдыха!

— О'кей, черт тебя побери! — сказал Лейтер. — Но не вздумай жульничать в Лас-Вегасе. У них все поставлено на широкую ногу, и они не потерпят трюков. — Лейтер перегнулся через стол. — Я хочу рассказать тебе одну вещь. Недавно там побывал один из таких дельцов. Кажется, играл в очко.

Решил сам заняться бизнесом и сунул несколько банкнот в карман во время игры. Они это заметили. На следующий день какой-то парень ехал в город из Баудер-сити и увидел что-то розовое, торчащее из кустарника. Может быть, цветок кактуса или что-нибудь другое. Он остановился и решил посмотреть. Лейтер ткнул Бонда пальцем в грудь. — Дружище, эта торчащая розовая вещь оказалась рукой, а в ней была колода карт, развернутая веером. Приехала полиция с лопатами, откопали этого парня. Это был тот горе-игрок. Они сзади пробили ему голову и закопали его. Издевательская проделка с картами в руке служит предостережением для других. Ну, как это тебе нравится?

— Неплохо, — ответил Бонд.

Им принесли обед, и они стали есть.

— Отметь для себя, — сказал Лейтер, поглощая вареного омара. — Этому парню следовало бы знать, на что он идет со своим бизнесом. Гангстеры хорошо все организовали в этих казино. Посмотри на свет, льющийся с потолка. Очень современно. Просто отверстие в потолке, из которого свет падает на столы. Они дают сильный свет без отблесков, плохо действующих на посетителей, на их душевное состояние. Взгляни еще

раз, и ты увидишь, что в некоторых отверстиях нет света. Кажется, что они сделаны для общего рисунка. — Лейтер медленно покачал головой. — Это совсем не так, мой друг. На верхнем этаже расположена телекамера на подвижной тележке, которая, двигаясь по полу, делает снимки через эти пустые отверстия. Один из видов контроля игры. Если гангстеры интересуются одним из игроков или одним из сдающих карты, то снимают полностью всю игру. Так что за игорными столами каждая карта контролируется молодчиками, сидящими наверху. Красиво, да? Эти люди знают обо всем, кроме запаха, но сдающие карты знают и его, а тот парень надеялся, что в какой-то момент камера не будет наблюдать за ним. Роковая ошибка, слишком серьезная!

Бонд улыбнулся Лейтеру.

— Я буду очень осторожен, — обещал он, — но не забывай, что мне надо сделать еще один шаг вдоль «алмазной трубки» к ее концу. Мне действительно надо как можно ближе подойти к Серафиму Спенгу, твоему другу, и я не могу этого сделать, просто послав ему мою визитную карточку. Я тебе скажу еще кое-что, Феликс. — Речь Бонда лилась неторопливо. — Я совершенно неожиданно вошел в игру против братьев Спен-

гов. Мне не понравились те два человека в капюшонах и то, как один из них ударил негра. Кипящая грязь. Я не возражал бы, если бы он просто избил человека, обычный метод полицейских и бандитов, но эта грязь обнаружила их отвратительные замашки. И я стал противником Писсаро и Бадда. Я просто возненавидел их. — Голос Бонда звучал просительно. — Я считал, что должен тебя предупредить об этом.

— О'кей! — Лейтер оттолкнул пустую тарелку. — Я побуду здесь, постараюсь собрать все данные и скажу Эрни, чтобы он присматривал за тобой. Но не думай, что ты сможешь обратиться к адвокату или британскому консулу, если у тебя возникнет конфликт с шайкой. Там существует лишь одна законодательная фирма: «Смит и Вессон». — Он стукнул по столу своим протезом. — Лучше выпить по последней рюмке бурбона с водой. Ты едешь в пустыню, сухую и до черта жаркую в это время года. Никаких рек, никаких источников воды. Ты будешь пить ее с содой, а затем вытирать пот со лба. В тени там 120 градусов по Фаренгейту. Только там совсем нет тени.

Им принесли виски.

— Мне будет не хватать тебя, Феликс, — сказал

Бонд, обрадованный тем, что может отвлечься от своих мыслей, — и некому будет учить меня американскому образу жизни. А между тем, мне кажется, что ты проделал тонкую работу над Шай Смайл. Хорошо было бы, если бы ты мог пойти со мной разоблачать Спенгов. Вместе нам, наверное, удалось бы это сделать.

Лейтер тепло взглянул на своего друга.

— Если ты работаешь на Пинкертонов, такая работа мне не подходит, — ответил он. — Я тоже слежу за гангстерами, но я должен взять их по закону. Если мне удастся выяснить, где находятся останки лошади, то бандитам придется несладко. Для тебя вполне безопасно приехать сюда, связаться с этими гангстерами и быстро убраться обратно в Лондон. Они не имеют ни малейшего представления о том, кто ты, и никогда не смогут выяснить этого. Но я должен жить здесь, и если я вступлю в борьбу со Спенгами, их друзья найдут способ следить за мной, моей семьей и моими друзьями. Они не остановятся до тех пор, пока не навредят мне больше, чем я им смог бы навредить. Даже если бы я убил их ближайшего друга. Не очень приятно прийти домой и найти дом сожженным вместе с сестрой. Я боюсь, что в этой стране все может произойти. Посмотри на кор-

порацию убийств. Посмотри на отчет Кафауэра. Сейчас гангстеры не интересуются спиртными напитками: они управляют государством, вернее, правительством. Такими государственными провинциями, как Невада. Об этом пишут статьи в книгах, говорят в речах, в проповедях Но все это к черту. — Лейтер рассмеялся. — Может быть, ты сможешь нанести удар свободе, домашнему уюту и красоте с помощью твоей пушки? Это все еще «Беретта»?

— Да, — ответил Бонд, — все та же «Беретта».

— И у тебя все еще есть номер с двумя нулями, означающий право на убийство?

— Да, — сухо ответил Бонд. — Это тоже.

— Тогда хорошо, — сказал Лейтер, вставая с места. — Пойдем домой спать, и дай отдых своим глазам. Я думаю, что это тебе пригодится.

Глава 15
Улица мира

Самолет описал дугу над искрящимся синим Тихим океаном, затем пролетел над Голливудом и набрал высоту, чтобы пройти над каньоном Пасс и через высокие золотистые хребты Сьерры-Хай.

Бонд увидел бесконечные ленты проспектов с высокими пальмами. Поливальные машины на изумрудных лужайках перед грандиозными домами. Крупные авиационные заводы. Множество киностудий с громадным количеством декораций. Городские улицы, западные ранчо, что-то наподобие миниатюрного мототрека, четырех мачтовую шхуну в натуральную величину, вкопанную в землю. Самолет перелетел через горы и оказался над бесконечной красной пустыней, на подступах к Лос-Анджелесу. Затем пролетел над Берстоу, откуда берет начало дорога Санта Фе, ведущая через пустыню Плато Колорадо, оставив справа горы Калико, которые когда то были мировым центром добычи буры, и далеко слепа сухие песчаники Мертвой Долины. Затем снова появились горы с отблесками солнца, затем зелень,

и начался спуск с обычным предупреждением: «Пристегните, пожалуйста, ремни и потушите сигареты».

Горячий воздух обжег лицо Бонда, и по нему начал струиться пот, когда он шел от самолета к зданию аэропорта. Стеклянные двери, управляемые фотоэлементом, раскрылись и медленно закрылись за ним. Потом на его пути оказались четыре автомата. Было вполне естественно вынуть мелочь и, нажав на кнопки, смотреть, как появляются лимоны, апельсины, вишни. 5 центов, 10 центов, 25 центов. Бонд попробовал в работе все автоматы, но только один выдал ему обратно три монетки, которые он опустил в него. Когда Бонд двинулся дальше, ожидая, что появится тележка с багажом пассажиров, ему в глаза бросилась надпись над большой машиной, в которой, вероятно, была вода со льдом. Надпись гласила: «Кислородный бар». Он подошел к автомату и прочел остальное: «Дышите чистым кислородом. Оздоравливает и безопасен. Для быстрого подъема настроения. Облегчает страдания от сонливости, усталости, нервозности и многих других недугов».

Бонд опустил 25 центов в щель автомата и нагнулся так, чтобы его рот и нос оказались за-

крытыми широкой маской. Он нажал кнопку и, как было сказано в инструкции, стал медленно вдыхать и выдыхать воздух. Это было похоже на очень холодный воздух. Полное отсутствие запаха и вкуса. Через минуту раздался щелчок автомата, и Бонд выпрямился. Он не чувствовал ничего, кроме легкого головокружения, но позже понял, что просто попался на удочку, увидев, как один из пассажиров с иронической улыбкой наблюдал за ним. Бонд улыбнулся ему.

По радио пассажиров попросили разобрать багаж, Бонд взял свой чемодан и стремительно вышел через качающиеся двери в горячие объятия полудня.

— Вы едете в «Тиару»? — спросил голос, который принадлежал коренастому малому с карими глазами и прямым взглядом из-под шоферской фуражки.

— Да.

— О'кей. Пошли. — Человек не предложил поднести чемодан Бонда, и Бонд последовал за ним к изящному «Шевроле». Он бросил чемодан на заднее сиденье и сел туда же.

Машина двинулась с площади аэропорта на магистраль. Она пересекла ее, вливаясь в крайний ряд, и повернула налево. Другие машины

ехали мимо. Шофер Бонда держался внутренней стороны и ехал медленно, в Бонд почувствовал, что его изучают в шоферское зеркальце. Он взглянул на опознавательный знак шофера. На нем было: Эрни Курсо, № 02584. Там же была его фотография, глаза на которой тоже оценивающе разглядывали Бонда.

В машине пахло сигарным дымом, и Бонд опустил стекло. Обжигающий воздух заставил немедленно поднять его.

Шофер слегка обернулся к нему.

— Не стоит делать этого, мистер Бонд, — дружелюбно проговорил он. — В машине установлен кондиционер Может быть, этого не чувствуется, но все же здесь лучше, чем снаружи.

— Спасибо, — сказал Бонд и добавил: — Насколько я понимаю, вы — друг Феликса Лейтера?

— Да, — ответил шофер. — Хороший парень, он про сил меня присмотреть за вами. Буду рад чем-либо по мочь, пока вы здесь. Вы здесь долго пробудете?

— Не могу знать, — ответил Бонд, — но уж, по край ней мере, несколько дней.

— Что же мне вам сказать, — сказал шофер. — Не думайте, что я собираюсь обманывать вас, но, если мы хотим работать вместе и у вас есть

деньги, вероятно, самым разумным было бы нанять такси на эти дни. Пятьдесят долларов в день, ведь я как-то должен зарабатывать на жизнь. Это вполне естественно для швейцаров отелей и для прочих любопытных и не вызывает подозрений. Иначе я не вижу возможности держаться поблизости от вас. Итак, они не станут нас подозревать, если я буду даже по полдня ожидать вас у отеля. А там слишком много подозрительных типов.

— Лучше не придумаешь. — Бонду сразу же понравился этот человек, и он поверил ему. — Это правильное решение.

— О'кей! — Шофер стал более разговорчивым. — Понимаете, мистер Бонд, публике здесь не нравится, когда что-нибудь выходит за пределы обычного. Как я уже сказал, они подозрительны. Вы выглядите как угодно, но только не как турист, который приехал сюда расшвыривать деньги, и поэтому можете доставить им хлопоты. Любой человек поймет, что вы англичанин, даже до того, как вы станете говорить. А что же этот англичанин здесь делает? К какому типу англичан он относится? Кажется, он человек, с которым может быть трудно иметь дело. Так что давайте хорошенько присмотрим за ним. Вы видели парня в здании аэропорта, у него в руках

была кожаная сумка?

Бонд вспомнил про человека, наблюдавшего за ним у кислородного бара.

— Да, видел, — ответил он и только тогда понял, что кислород сделал его беззаботным.

— Уверяю вас, что сейчас он разглядывает ваши снимки. В той сумке у него 16-миллиметровая камера. Он только нажимал на спуск: камера снимает на расстоянии в 50 футов. Прямо и в профиль. Эти снимки будут в полицейском архиве с перечнем ваших вещей в чемодане. По взгляду на вас нельзя сказать, имеете вы оружие или нет. Может быть, у вас плоская кобура. Но если бы у вас оказалось оружие, то все время, пока вы находились бы в комнате отеля, поблизости был бы человек с оружием. Здесь никто не носит плащи, а если надевают, то для того, чтобы удобнее было спрятать оружие.

— Большое спасибо, — сказал Бонд, сердясь на самого себя. — Насколько я понимаю, я должен быть настороже. У них тут, кажется, хорошая машина наблюдения.

Шофер утвердительно кивнул и молча продолжал ехать.

Они съезжали на знаменитый «Стрип».

По обеим сторонам пустынной до сих пор доро-

ги стали появляться автоколонки и мотели. Они проехали мимо мотеля с бассейном, у которого были прозрачные стеклянные стены, и видели, что как раз в этот момент какая-то девушка нырнула в светло-зеленую воду, вызвав фонтан брызг. Затем показалась газовая станция с элегантным рестораном. На нем была надпись: «„Газетерия“. Освежитесь здесь. Имеются прохладные напитки со льдом. Заезжайте».

Около мотеля стояло три машины, которые обслуживали официантки в бикини и в туфельках на высоких каблуках.

Большая шестиполосная магистраль протянулась через лес пестрых знаков и разноцветных фасадов и терялась в пламенеющем мареве горячих испарений. День был жарким и душным, настоящее пекло. Высоко стоящее солнце расплавляло дорожное покрытие, и нигде не было тени, кроме как под редкими пальмами, растущими Около мотелей. Глаза Бонда почти ослепли от сверкания хромированных поверхностей машин, и он чувствовал, как мокрая рубашка прилипла к его телу.

— Сейчас въезжаем в «Стрип», — сказал шофер. — Он также известен как улица Мира. Это шутка, понятно?

— Понятно, — сказал Бонд.

— Справа «Фламинго», — сказал Эрни, когда они проезжали мимо низкого модернизированного отеля с высокой неоновой башней. — Бакен Сигел построил его и 1946 году. Он приехал в Вегас с побережья и огляделся вокруг. У него водились лишние деньги, которые надо было во что-то вложить. В Вегасе всегда много народу. Широко открытый город. Процветают азартные игры, легальные публичные дома. Хорошенькое местечко. Бакси не стал терять много времени. Он увидел и учел все возможности.

Бонд засмеялся от такой характеристики.

— Да, сэр, — продолжал шофер. — Бакен, увидел большие возможности и начал стремительно действовать. Он был здесь до 47-го года, пока его не превратили в решето. Полиция не смогла собрать всех пуль. А вот «Санд», построенный неизвестно кем два года назад. Парня перед отелем зовут Дисек Кифатор, раньше он был полицейским в Нью-Йорке. Может быть, вы слышали о нем?

— Кажется, нет, — ответил Бонд.

— Дальше следует гостиница «Десерт». Построена Уилбором Кларком на деньги, полученные от операций в Цинциннати. А это здание с ме-

таллической эмблемой «Сахара» — последнее творение. Владельцами являются игроки из Орегона. Смешная штука: в вечер открытия они потеряли 5000 долларов. Все крупные игроки приходят с карманами, полными долларов, чтобы сделать приличную игру для успешного открытия. Здесь стало обычаем собираться при открытии разных заведений, но в карты не всегда везет, и парни потеряли 5000 долларов. Город до сих пор смеется над ними. — Затем он указал налево, где неоновая реклама оповещала: «Вы переезжаете границу. Налево новый западный город, его стоит посмотреть!»

— Вон там «Саедебёд», а через дорогу «Тиара», наиболее крупная гостиница в Вегасе. Я полагаю, что вы многое знаете о мистере Спенге и обо всем, связанном с ним. — Шофер затормозил и остановился напротив отеля Спенга, наверху которого сверкала корона из бриллиантовых огней, то вспыхивая, то угасая, соперничая с солнечными лучами и отражаясь на полотне дороги.

— Да, в общих чертах мне это известно, — ответил Бонд. — Но я был бы рад с вашей помощью пополнить свои сведения.

Бонд почувствовал, что ему уже надоел этот ужасный блеск «Стрипа», и хотелось войти в по-

мещение, чтобы избавиться от жары, пообедать, может быть, немного поплавать, а потом отдохнуть до вечера. Он сказал об этом Курсо.

— Это меня устраивает, — ответил тот. — И я думаю, что первую ночь вы будете спать спокойно. Главное, ведите себя естественно. Если вам предстоит выполнить какую-нибудь работу здесь, в Лас-Вегасе, то лучше сперва хорошенько осмотреться. Понаблюдайте за азартными играми, дружище! — Он усмехнулся. — Вы когда-нибудь слышали о башнях молчания, которые существуют в Индии? Говорят, что там требуется лишь двадцать минут, чтобы выколотить из человека все его деньги. В «Тиаре» на это требуется немного больше времени. — Шофер переключил на первую скорость. — И все же нашелся один парень, — продолжал он, наблюдая в зеркальце за движением и ожидая возможности пересечь дорогу, — который смотался из Вегаса со 100 000 долларов. Только соль заключается в том, что, когда он начал играть, у него было полмиллиона долларов.

Машина пересекла дорогу и остановилась у широких стеклянных дверей розового здания. Швейцар в небесно-голубой форме открыл дверь такси и потянулся за чемоданом Бонда. Бонд

вышел из такси в палящую жару, и когда он проходил к двери, то услышал, как Эрни Курсо сказал швейцару:

— Какой-то сумасшедший англичанин. Нанял меня за пятьдесят долларов в день! Что ты об этом думаешь?

Затем за Бондом захлопнулась дверь, и приятный, прохладный воздух приветствовал его в сверкающем дворце С. Спенга.

Глава 16
«Тиара»

Бонд пообедал в роскошном зале, расположенном около овального бассейна, и, глядя на купающихся, решил, что только одному проценту посетителей этого бассейна стоило носить купальные костюмы. Затем он медленно пошел через полосу, отделяющую центральное здание от корпуса, в котором находился его номер, вошел к себе, разделся и бросился на кровать. В этом здании помещались лишь спальные комнаты, всего их было шесть, и назывались они по наименованиям драгоценных камней. Бонд находился на первом этаже, который был окрашен в голубой цвет с темно-синей и белой отделкой. Это было чрезвычайно комфортабельное помещение с мебелью из серебристого дерева, возможно, березы. Около его кровати стоял приемник, а телевизор был у окна. За окном находился маленький закрытый внутренний дворик, и котором завтракали многие из посетителей, там было тихо, так как туда не доносился шум от кондиционеров.

Бонд почти мгновенно заснул.

Он проспал четыре часа. И за это время магнитофон, соединяющийся с телефоном и помещенный в тумбочке около кровати, прокрутил несколько сот футов ленты, записывая тишину.

Когда он проснулся, было уже семь часов. Магнитофон зафиксировал, что он взял телефонную трубку и попросил к телефону мисс Тиффани Кейс. После небольшой паузы Бонд произнес: «Скажите ей, пожалуйста, что звонил Джеймс Бонд», — и положил трубку. Затем магнитофон зафиксировал шум, производимый Бондом, шум от душа, а в семь тридцать щелчок ключа в замке, когда тот вышел и запер за собой дверь.

Полчаса спустя магнитофон зафиксировал стук в дверь и шум открывающейся двери. Мужчина в форме официанта с корзиной фруктов, на которой было написано: «С наилучшими пожеланиями от управления», вошел в комнату, быстро подошел к тумбочке у кровати, открутил два винта и, сняв катушку с лентой, поставил туда новую. Корзину с фруктами он поставил на стол. Затем вышел и запер за собой дверь.

После этого в течение нескольких часов магнитофон снова записывал тишину.

Бонд сидел у длинного бара «Тиары», тянул «Мартини» и взглядом профессионала изучал

большой игорный зал.

Первое, на что он обратил внимание, было необычное оформление помещений. «Незаметная ловушка для мышей», — так он назвал его. Главной целью было загнать посетителя-мышку в игорную ловушку независимо от того, хочет он этого или нет.

Там было только два входа: один с улицы, другой из спальных корпусов и бассейна.

Если ты вошел в одну из этих дверей и захотел бы купить газету, сигареты в киоске или выпить, или заказать что-либо в одном из двух ресторанов, или просто зайти в туалет, ты не мог бы не пройти мимо ряда автоматов и игорных столов. И когда человек попадал в водоворот жужжащих машин, среди которых все время слышался отравляющий звук серебряного каскада монет, падающих в серебряную чашечку, или внезапный крик: «Делайте вашу игру!» одной из девушек у столов, человек был потерян. Не плененным возбужденным говором, доносившимся из-за столов для игры в кости, шумом двух рулеток и лязгом серебряных долларов мог быть только стальной мышонок, который пробежал бы мимо, не откусив кусочка от вкусной головки сыра. Это была элегантная ловушка, весьма

очевидная и вульгарная. Шум машин походил на непрерывный шум мотора старого грузовика, едущего на свалку, несмазанного и приговоренного к смерти.

Игроки с силой тянули ручки машин, как будто они ненавидели то, что делали, и если однажды им улыбнулась фортуна в маленьком стеклянном окошечке, они уже больше не ожидали того момента, когда колесо перестанет вращаться, и бросали следующую монету, протягивая правую руку точно, куда надо. Нажим на рукоятку, лязг монеты и металлический звон. А когда внезапно возникал серебряный водопад и металлическая чашечка переполнялась монетами, игроку приходилось опускаться на колени и подбирать упавшие монеты. И как сказал Лейтер, это были главным образом пожилые женщины — представительницы процветающего класса домашних хозяек. И толпы их стояли около машин, охваченные приятной прохладой комнаты и музыкой вращающихся колес. И они играли до тех пор, пока не проигрывали всех своих денег.

Затем Бонд услышал, как одна из девушек, обслуживающих рулетку, воскликнула: «Банк!» Некоторые из женщин подняли головы, и картина изменилась: Бонд содрогнулся от вида этих

пустых глаз и полуоткрытых ртов.

Он отвернулся от них и, потягивая «Мартини», стал слушать музыку, доносившуюся из конца зала, где находился оркестр.

Над одним из киосков была бледная надпись: «Дом алмазов». Бонд кивнул официанту и, когда тот подошел, спросил его:

— Мистер Спенг был здесь сегодня вечером?

— Я его не видел, — ответил человек. — Он обычно приходит после первого сеанса, около одиннадцати. Вы его знаете?

— Лично нет.

Бонд расплатился, пошел к столам для игры в очко и остановился у центрального столика. Надо сесть за этот столик ровно пять минут одиннадцатого. Он взглянул на часы. Было восемь тридцать.

Столик был маленьким, покрыт зеленым сукном. Восемь игроков на высоких стульях сидели лицом к сдающему карты, который стоял опершись животом о край стола и раздавал по две карты, кладя их в восемь пронумерованных квадратов на столе перед ставками.

Основные ставки были по 5, 10 или 20 долларов.

Сдающему карты было на вид лет сорок, на

лице его застыла приятная улыбка. Он был одет в униформу. Белая рубашка и тонкий черный галстук. На черные брюки был повязан зеленый фартук из сукна, чтобы не протирать брюки. На переднике, на одном из уголков, было вышито «Джейк».

Сдающий карты со спокойной улыбкой брал ставки и сдавал карты. За столом не было никаких разговоров, кроме тех случаев, когда игрок заказывал какой-нибудь напиток одному из официантов в черной шелковой пижаме, которые двигались в проходах между столами. В центральном проходе стояли два полицейских с пистолетами и наблюдали за игрой.

Игра была быстрой, продуманной и монотонной. Она была настолько механической, что напоминала автомат. Бонд немного понаблюдал за игрой, потом направился к двери с табличкой: «Курительная» и «Дамская туалетная комната», находившейся в дальнем конце казино. По дороге он прошел мимо четырех шерифов в опрятной синей форме. Эти люди скромно стояли и замечали все, не глядя ни на кого. У каждого на бедре висело по пистолету в открытой кобуре и сверкал патронташ с пятьюдесятью нумерованными патронами.

«Много охраны», — подумал Бонд, толкнув качающуюся дверь в курительную комнату. Там на кафельной стене была надпись: «Становитесь ближе, он короче, чем вы думаете». Бонд вышел из курительной и снова прошел мимо столов к двери с неоновой надписью «Опаловая комната».

Низкий круглый зал ресторана в розовых, белых, серых тонах был заполнен лишь наполовину. «Хозяйка» подплыла к нему и проводила его к угловому столику. Она наклонилась, чтобы поправить цветы в центре столика, и, показав ему свою прекрасную грудь, которая наполовину была бутафорией, подарила ему очаровательную улыбку и удалилась.

Через десять минут появилась официантка с подносом и положила на его тарелку булочку и кусок масла. Она также поставила блюдо, на котором были оливки и сельдерей, украшенные оранжевым сыром. Затем подошла вторая и подала ему меню, сказав: «Вас обслужат».

Через двадцать минут после того, как он пришел, Бонд смог заказать дюжину молюсков и бифштекс, и так как он считал, что ему придется ждать долго, то заказал еще «Мартини».

— Сейчас подойдет официант, разносящий

вина, — чопорно проговорила официантка и исчезла в направлении кухни.

«Много вежливости и довольно быстрое обслуживание», — заметил Бонд и принялся за обед, во время которого он думал о предстоящем вечере и о том, как бы заставить гангстеров принять его к ним на службу.

Он был немного озадачен ролью испытуемого, которому должны были уплатить за первую исполненную работу и которому затем, если он понравится мистеру Спенгу, могли предоставить постоянную работу наравне с остальными членами, входящими в гангстерский синдикат. Его раздражало то, что он не мог действовать сам. Быть посланным в Саратогу, затем в эту укромную ловушку, где находилось множество воротил гангстерского мира, есть их обед, спать в их кровати, в то время как они следили за ним, Джеймсом Бондом, взвешивая и рассуждая, достаточно ли твердая у него рука, достаточно ли доверия вызывает его личность и позволит ли ему здоровье участвовать в одном из темных дел.

Бонд жевал бифштекс и думал о том дне, когда взялся за это идиотское дело, но потом заставил себя не думать об этом и успокоиться. Какого черта беспокоиться об этом! Это была хорошо за-

думанная операция, которая проходила успешно. Теперь он добрался до конца «алмазной трубки», прямо до обители С. Спенга, который вместе с братом в Лондоне и таинственным АВС занимался самой большой контрабандой в мире. Чего же стоит в таком случае самочувствие Бонда? Это был только момент неудовлетворенности, какое-то отвращение ко всему происходящему и чувство бессилия против американских гангстеров.

На самом же деле, как решил Бонд, все эти ощущения были от того, что он внезапно почувствовал тоску по родине. Он пожал плечами. К черту Спенгов и гангстерский притон. К черту Лас-Вегас. Он взглянул на часы.

Было ровно десять часов. Он закурил сигару, встал и медленно пошел через зал по направлению к казино.

В настоящей игре было два пути: вести себя тихо, ждать случая или ускорить то, что должно было случиться.

Глава 17
Благодарю за прогулку

Картина в большом игорном зале изменилась. Стало немного тише. Оркестр ушел, и толпы женщин тоже. За столиками осталось всего несколько игроков. Там были две или три привлекательные девушки в вечерних туалетах, которым платили пятьдесят долларов за то, чтобы они вносили веселье в среду игроков, и также пьяный мужчина, который держался за один из столов и выкрикивал ругательства.

И еще: сдающей карты у центрального столика для игры в очко была Тиффани Кейс.

Затем Бонд увидел, что все сдающие карты были приятного вида женщины, одетые в одинаковые костюмы серого цвета с черным: короткая серая юбка с широким черным поясом с пряжкой, серая блузка с черным шарфом на шее. Серое сомбреро, свисающее на спинку стула на черном шнурке, черные туфли и нейлоновые чулки бежевого цвета.

Бонд снова взглянул на часы и двинулся к столу. Итак, Тиффани должна была сдать ему карты

так, чтобы он смог выиграть 5000 долларов. Он будет с ней за столиком один. Не будет никаких свидетелей в случае, если она вынет не ту карту.

Точно в 10.05 Бонд легкой походкой подошел к столу и сел лицом к Тиффани.

— Добрый вечер.

— Добрый вечер, — Она улыбнулась ему тонкой, привычной улыбкой.

— Какая максимальная ставка?

— Тысяча долларов.

Когда Бонд положил десять стодолларовых бумажек, полицейский подошел и остановился около Тиффани Кейс. Он едва взглянул на Бонда.

— Может быть, этот парень желает новую колоду карт, мисс Тиффани, — сказал он и протянул ей новую колоду.

Девушка вскрыла новую колоду и протянула полицейскому старую, перетасовала колоду ловким движением рук, разделила ее, положила две половины на стол и проделала то, что называется честным тасованием карт. Но Бонд заметил, что обе половины не совсем одинаковы и что, когда она подняла колоду со стола, снова произвела безобидную перетасовку и снова составила колоду. Потом опять повторила манипуляцию, после чего положила колоду перед Бондом, предлагая

ему снять. Бонд снял карты и с одобрением проследил, как она проделала один из труднейших гамбитов в раскладке карт. Таким образом, новая колода была расфасована, и единственной целью всей этой операции было разложить все карты в таком порядке, в каком они находились, когда она их развернула. Тиффани продемонстрировала превосходную технику, и Бонд был в совершенном восторге от ее ловкости.

Она сдала ему две карты и затем две себе. Внезапно Бонд понял, что ему придется быть очень внимательным. Он должен играть точно установленную игру или испортит всю последовательность, в которой были приготовлены карты.

На другом конце стола были напечатаны слова: «Сдающие карты должны набирать 16 и останавливаться на 17 очках».

Скорее всего, они дали ему выигрышные карты на случай, если бы был еще игрок или наблюдатель за игрой. Они должны устроить так, чтобы выигрыш казался естественной удачей. Девушка не должна была каждый раз сдавать ему 21 или 17.

Он посмотрел на свои две карты. Валет и десятка. Взглянул на девушку и покачал головой.

У нее было 16, и она вытащила карту, сбросив у себя короля.

Около нее стоял поднос, на котором были только серебряные доллары и банкноты по 20 долларов, но полицейский быстро оказался около нее с жетоном на 1000 долларов. Она взяла его и передала Бонду, а тот положил его как ставку, а свои 1000 долларов убрал в карман. Она опять сдала ему и себе по две карты. У Бонда было 17, и он опять покачал головой. У нее было 12, она прикупила еще 3, а затем 9, итого 24. Опять проигрыш.

Полицейский снова подошел с жетоном. Бонд опустил его в карман, оставив прежний как ставку. На сей раз у него было 19, а у нее оказалось 10 и 17, по правилам, она должна была остановиться. Следующий жетон опять попал в карман Бонда.

Послеобеденное ревю окончилось. Широкие двери в конце зала открылись, и поток людей устремился в игровой зал. Скоро они заполнят столики. Для Бонда и Тиффани была последняя игра. После этого он должен встать из-за стола и уйти. Она с нетерпением взглянула на него. Он взял карты, которые она сдала ему: 20. У нее тоже были две десятки. Бонд улыбнулся такому совпадению. Она быстро сдала ему еще две карты как

раз в тот момент, когда три игрока подсели к столу. У него было 19, а у нее 16. Получилось то, что требовалось. Полицейский даже не удосужился передать четвертый жетон девушке, а протянул его через стол Бонду и едва заметно усмехнулся.

— Повезло, — сказал один из новых игроков, когда Бонд положил жетон в карман и встал со своего места.

Бонд через стол взглянул на девушку.

— Спасибо, — сказал он. — Вы прекрасно сдаете.

— Я бы не сказал! — сказал другой игрок.

Тиффани Кейс строго взглянула на Бонда.

— Заходите, пожалуйста, — сказала она и довольно долго смотрела на Бонда, затем отвела взгляд на карты. Тщательно перетасовала их и протянула одному из игроков, чтобы он снял их.

Бонд почувствовал уколы ревности.

Он подошел к бару и заказал себе «бурбон» с водой, чтобы отпраздновать наличие пяти тысяч долларов в кармане.

Бармен достал неоткупоренную бутылку и поставил ее перед Бондом.

— Откуда эта вода? — спросил Бонд.

— Из Баудар Дем, — серьезно ответил бармен. — Каждый день привозят на грузовиках. Не

беспокойтесь, — добавил он, — это настоящая ключевая вода.

Бонд бросил на стойку бара серебряный доллар.

— Я уверен, что это так, — ответил он. — Сдачу оставьте себе.

Он стоял, повернувшись спиной к бару, держа бокал в руке и решая, что же теперь ему делать. Итак, с ним расплатились, и Шеди Трик сказал ему, чтобы он ни в коем случае не подходил больше к игорным столам.

Бонд допил бокал и пошел к ближайшему столу с рулеткой. Около него было всего несколько человек, играющих по малым ставкам.

— Максимальная ставка? — спросил он у пожилого человека с мертвыми глазами и с тростью.

— Пять тысяч долларов, — безразлично ответил мужчина.

Бонд вынул четыре жетона и десять 100-долларовых билетов и положил их рядом с крупье.

— На красное!

Крупье выпрямился на стуле и украдкой взглянул на Бонда. Он положил один за другим четыре жетона на красное, подвигая их своей палочкой. Потом сосчитал банкноты Бонда и сбросил их в отверстие в столе и, взяв пятый жетон с полки

около него, положил его рядом с остальными. Бонд увидел, как его колени поднялись под столом. Полицейский услышал гудок и подошел к столу, как только крупье пустил рулетку.

Бонд вынул сигарету и закурил ее. Его рука была твердой. Он почувствовал прекрасное ощущение свободы, избавление от опеки этих людей. Он считал, что выиграет, смотрел на рулетку, как она замедлила бег, и маленький шарик из слоновой кости упал в отверстие — 36. Красное. Высокие и четные.

Крупье забрал доллары проигравших и передал деньги выигравшим. Затем он взял тонкий жетон, величиной с молитвенник, и положил его перед Бондом.

— Черное, — сказал Бонд.

Мужчина бросил один жетон в 5000 долларов на черное и снял ставку Бонда с красного.

Вокруг стола стало шумно. Подошли еще несколько наблюдателей. Бонд почувствовал на себе любопытные взгляды, но он смотрел через стол в глаза полицейского. Они были враждебны, как глаза гадюки, и все же немного испуганны.

Бонд слегка улыбнулся ему. Рулетка закрутилась, раздался грохот маленького шарика, и он остановился.

— Семнадцать. Черное. Нижние и нечетные, — сказал крупье. Послышался вздох толпы, и голодные глаза проследили, как перед Бондом положили большой жетон.

«Еще раз, — подумал Бонд — но только не сейчас».

— Я сейчас не буду играть, — сказал он крупье. Тот посмотрел на Бонда и с помощью лопатки придвинул ему его ставку. Рядом с полицейским появился человек, смотревший на Бонда светлыми глазами тяжелым взглядом. Сигара в центре красных губ торчала как ружье и была направлена на Бонда. Большое неподвижное квадратное тело в синем смокинге. У него было сходство с тигром, следящим за добычей и опасающимся ее. Бледное лицо напоминало цветом слоновую кость. Но он был похож на своего брата в Лондоне прямыми сердитыми бровями, короткой стрижкой жестких волос «под щетку» и тяжелым, выступающим вперед подбородком.

Колесо снова закрутилось, и глаза устремились к нему. Шарик попал в одно из двух отверстий в колесе, и Бонд порадовался, что пропустил эту игру.

«Теперь в последний раз, — подумал он, — а затем прочь отсюда с 20 000 долларов Спенга». Он

взглянул на своего хозяина: красная линия рта и сигара в центре ее были все так же устремлены на него, но на бледном лице ничего нельзя было прочесть.

— Красное! — Бонд протянул крупье 5-тысячный жетон и проследил, как он скользнул по столу.

Не слишком ли он положился на свою удачу? «Нет, — с уверенностью сказал себе Бонд, — все будет в порядке».

— Пять. Красное. Нижние и нечетные, — сказал крупье.

— Я заберу ставку, — сказал Бонд, — и благодарю за доставленное удовольствие.

— Приходите снова, — спокойно проговорил крупье.

Бонд сунул руку с четырьмя выигранными жетонами в карман пиджака и стал пробираться через толпу, окружавшую стол, направляясь через зал к кассе.

— Три банкноты по пять тысяч и пять по одной, — сказал он кассиру. Мужчина взял четыре жетона Бонда и отсчитал банкноты. Бонд положил их в карман и подошел к почтовому киоску.

— Конверт авиапочты, пожалуйста, — сказал он, подойдя к письменному столу, стоявшему

около стены, вложил в конверт три банкноты по пять тысяч долларов и написал на конверте: «Личное. Директору Универсального экспорта, Риджент-Парк, Лондон». Затем он купил в киоске марки, наклеил их на конверт и опустил его в ящик с надписью: «Почта США» в надежде, что там конверт будет находиться в безопасности.

Потом он посмотрел на часы. Было без пяти двенадцать. Он в последний раз осмотрел комнату и заметил, что за столом Тиффани Кейс появился новый человек, сдающий карты, и что нигде не было видно мистера Спенга. Бонд вышел через стеклянную дверь на жаркую, душную улицу, прошел через лужайку к зданию со спальными комнатами, вошел в свою комнату и запер за собой дверь.

Глава 18
Под прикрытием ночи

— Как дела?

Был вечер следующего дня, и машина Эрни Курсо медленно ехала по «Стрипу» в направлении к деловой части Лас-Вегаса. Бонду надоело ждать, когда что-нибудь произойдет, и он позвонил агенту Пинкертонов и предложил ему встретиться и поговорить.

— Неплохо, — ответил Бонд. — Вытряс из них на рулетке кое-какие деньги, но мне кажется, что это мало беспокоит нашего друга. Говорят, у него много лишних денег.

Эрни Курсо фыркнул.

— Я бы сказал, — заметил он, — что у этого парня их столько, что ему не надо носить очки, когда он ведет машину. Ветровое стекло его «кадиллака» сделано по предписанию окулиста.

Бонд засмеялся.

— Сколько же денег он потратил на это?

— Он сумасшедший, — ответил шофер, — без ума от старого Запада. Он купил себе целую улицу призрачного города на Хайвей, 95 и полностью

перестроил это место: сделал деревянные тротуары, причудливый бар, деревянный отель, в котором он поселяет своих парней, и даже старую железнодорожную станцию. Недалеко от этого места находится возвышенность, она называется Спектрвилл, там производилась добыча серебра. Около трех лет назад они из этих гор добывали и отправляли по железной дороге серебро в Риолит, который находится приблизительно в пятидесяти милях отсюда, делая на этом миллионы долларов. Риолит — еще один призрачный город. Сейчас — это туристский центр. Он построил там дом из бутылок из-под виски. Этот город был временным пунктом, откуда серебро доставлялось на побережье. Спенг купил себе старый паровоз, когда проложили железную дорогу, и держит его на станции «Спектрвилл», катает на нем своих приятелей в Риолит и обратно. Он сам ведет поезд, и там есть все: шампанское, игра, оркестр, девушки! Вот как они развлекаются. Должно быть, это интересно. Сам я этого ничего не видел: туда совершенно невозможно подобраться близко. Да, сэр, — шофер опустил боковое стекло и с чувством плюнул на дорогу, — вот как мистер Спенг тратит свои деньги. Я вам уже сказал, что он сумасшедший.

«Вот и объяснение, — подумал Бонд. — Вот почему весь день он не слышал ничего о мистере Спенге или его друзьях, ведь сейчас конец недели. Они все там, в этом городке, играют в поезда в то время, как он спит, плавает, спокойно слоняется весь день по «Тиаре» в ожидании, что что-нибудь произойдет». Но в действительности он заметил, как от него отводили взгляды и что все время поблизости находился или слуга, или один из шерифов в форме. Они не доверяли ему, хотя он ничего конкретного не делал и мог оказаться просто одним из гостей отеля.

Около десяти часов утра, после ванны и завтрака, Бонд решил постричься в парикмахерской. Возле нее стояли несколько человек, но единственным посетителем, кроме Бонда, был крупный мужчина в купальном халате, чье лицо было спрятано под горячим полотенцем, а сам он лежал в откидном кресле. Его правой рукой, свисавшей с ручки кресла, занималась красивая маникюрша. У нее было кукольное розово-мраморное лицо и светлые, коротко постриженные волосы. Она сидела около него на низенькой скамеечке, держа на коленях поднос с инструментами.

Бонд, глядя в зеркало перед креслом, с интере-

сом следил за тем, как парикмахер осторожно поднял один уголок горячего полотенца, а затем с чрезвычайной осторожностью вырезал волосы из ушей клиента с помощью маленьких тонких ножниц. Перед тем, как снять краешек полотенца с другого уха, он нагнулся и спросил:

— А ноздри, сэр?

Из-под горячего полотенца раздалось утвердительное мычание, и парикмахер высвободил из-под полотенца нос. Затем он снова с величайшей осторожностью продолжил свою работу. Во время этой процедуры в маленьком зале воцарилась мертвая тишина, нарушаемая мягким лязгом ножниц у головы Бонда и случайным позвякиванием металла, когда маникюрша клала инструмент на поднос. Потом раздался легкий скрип, когда парикмахер осторожно нажал на ручку кресла, чтобы оно стало в вертикальное положение.

— Ну как, сэр? — спросил Бонда парикмахер, держа перед ним ручное зеркало.

Это произошло тогда, когда Бонд рассматривал в зеркало свой затылок. Вероятно, когда приподнялось кресло, рука девушки соскользнула, и внезапно раздался приглушенный рев. Мужчина в купальном халате вскочил с кресла, сорвал с

лица полотенце и сунул палец в рот. Затем он вынул его и, быстро нагнувшись, с размаху ударил девушку по щеке так, что она упала со скамеечки, а поднос с инструментами пролетел через всю комнату. Мужчина выпрямился и повернул разъяренное лицо к парикмахеру.

— Сука! — прорычал он. Он сунул палец обратно в рот и, спотыкаясь о разбросанный инструмент, выскочил из зала.

— Да, мистер Спенг, — пролепетал парикмахер дрожащим голосом и стал кричать на всхлипывающую девушку. Бонд повернул голову и тихо сказал:

— Перестаньте кричать. — Он встал и снял полотенце, обернутое вокруг его шеи.

Парикмахер удивленно посмотрел на него, затем быстро проговорил:

— Да, сэр, — и нагнулся, чтобы помочь девушке собрать инструменты.

Расплачиваясь за стрижку, Бонд слышал, как стоявшая на коленях девушка жалобно оправдывалась:

— Это не моя вина, мистер Люциан. Он сегодня был очень нервный. Его руки дрожали. Я никогда не видела его в таком состоянии. Он был весь напряжен.

Бонд получил удовольствие при мысли о напряженном состоянии Спенга. Голос Эрни Курсо резко оборвал его мысли:

— Мы прихватили хвост, мистер, — проговорил он краешком рта. — Их двое, спереди и сзади. Не оглядывайтесь. Видите, впереди «шеви седан»? Там двое парней, у них два зеркала, и они уже некоторое время едут недалеко от нас. За нами — небольшая машина интимного типа (секс-тип), старая спортивная модель «ягуара» с откидным сиденьем. Сзади в ней лежат вещи для игры в гольф. По чистой случайности, я знаю этих парней: пара продажных шкур. Они любят модно одеваться, и гольф не их игра. Единственный металл, которым они владеют, лежит в их карманах. Посмотрите кругом, как бы восхищаясь пейзажем, и следите за их правыми руками, пока я немного их развлеку. Готовы?

Бонд сделал то, что было ему сказано. Шофер поставил ногу на педаль газа и одновременно выключил зажигание. Раздался звук, подобный выстрелу из 88-миллиметрового орудия. Бонд увидел, как две правые руки скользнули в карманы ярких спортивных курток. Бонд быстро повернул голову, — Вы правы, — сказал он, — Лучше высадите меня, Эрни, я не хочу навлекать

на вас беду.

— Ерунда, — возразил разгоряченный шофер. — Они ничего не смогут мне сделать. Вы платите за любое повреждение машины, а я попробую подбить их. О'кей?

Бонд вытащил из бумажника банкноту в 1000 долларов и сунул ее в карман куртки шофера.

— Вот для начала 1000 долларов, — сказал он. — И спасибо, Эрни. Посмотрим, на что ты способен.

Потом он вытащил «Беретту» из кобуры и зажал в руке. Это — было как раз то, чего Эрни ждал.

— О'кей, парень, — весело сказал шофер. — Я всегда мечтал о возможности подшутить над гангстерами. Я не люблю, когда мной повелевают, а они слишком долго повелевали мной и некоторыми моими друзьями. Приготовься!

Впереди была прямая дорога с редко попадающимися встречными машинами. Вершины дальних гор были озарены заходящим солнцем, а дорогу начали окутывать сумерки, но еще рано было включать фары.

Они ехали со скоростью около сорока миль в час, и приземистый «ягуар» висел у них на хвосте. Впереди был еще целый квартал. Внезапно Эрни так нажал на тормоза, что Бонд подался вперед. Машина резко затормозила, засвистели покрыш-

ки. Раздался звон металла и разбитых стекол… «Ягуар» стукнулся об их бампер. Шофер такси наклонился вперед, отпустил тормоз, включил газ и с ужасным металлическим скрежетом освободил свою машину от исковерканного радиатора «ягуара», потом быстро стал набирать скорость.

— Хорошо сработано, — с удовольствием проговорил Эрни Курсо. — Как они там?

— Разбит радиатор, — ответил Бонд, вглядываясь через заднее стекло. — Оба передних крыла расплющены. Капот весь в трещинах, возможно, полностью разбит. — Он потерял машину из виду и повернулся к таксисту. — Они вышли на дорогу и пытаются снять передние крылья. Возможно, через некоторое время они смогут двигаться, но это во всяком случае хорошее начало. У тебя есть еще что-нибудь в запасе, вроде этой шутки?

— Теперь это не так легко, — проворчал шофер. — Война объявлена. Следи за ее ходом. Лучше опустить голову. «Шеви» остановился у обочины дороги. Они могут открыть огонь. Мы подъезжаем.

Бонд почувствовал, как машина рванулась вперед.

Эрни Курсо полулежал на переднем сиденье, ведя машину одной рукой и следя за дорогой,

тянущейся впереди. Когда они стремительно промчались мимо «шевроле», послышались лязг и два выстрела. Множество мелких осколков стекол посыпалось на Бонда. Эрни Курсо выругался, а машина немного свернула в сторону и снова выровнялась.

Бонд встал на колени на заднем сиденье, выбил заднее стекло рукояткой пистолета. Сверкая фарами, «шевроле» ехал за ними.

— Задержи их, — сказал Курсо приглушенным голосом. — Я собираюсь сделать резкий поворот и остановиться за следующим домом. Даю тебе возможность стрелять, когда они появятся из-за угла.

Бонд весь подобрался, а покрышки опять засвистели. Машина пробалансировала на двух колесах, выпрямилась и остановилась. Он выскочил из машины и, бросившись на землю, выставил руку с пистолетом. Огни «шевроле» осветили боковую дорогу, раздался визг шин, когда машина повернула в противоположную сторону. — Сейчас, — подумал Бонд, — успеть до того времени, пока они успеют опомниться.

Щелк! Щелк!.. Четыре пули на расстоянии 20 ярдов прямо в цель.

«Шевроле» не выровнялся. Он переехал через

обочину на другую сторону дороги, ударился о толстое дерево, отскочил от него, врезался в фонарь, развернулся на 180 градусов и медленно перевернулся набок.

В то время как Бонд следил за машиной, ожидая, когда отзвуки металлического скрежета затихнут у него в ушах, из хромированного зева машины стремительно вылетел язык пламени. Кто-то пытался вылезти из окна. В любой момент пламя могло достигнуть бензопровода, по нему добраться до бака с горючим, и тогда для людей в машине было бы слишком поздно думать о спасении.

Бонд собирался перебежать через дорогу, когда услышал стон с переднего сиденья такси и, повернувшись, увидел, как Эрни Курсо сползал на пол. Забыв о горящей машине, Бонд рванул дверь такси и наклонился над шофером. Повсюду была кровь. Левая рука шофера была залита кровью. Бонду кое-как удалось усадить его на место, и глаза шофера открылись.

— О боже, — простонал он сквозь сжатые зубы. — Вытащите меня с этого сиденья и гоните машину как черт.

Может появиться «ягуар». Отвезите меня к врачу!

— О’кей, Эрни! — сказал Бонд, садясь за руль.

Я позабочусь обо всем. — Он завел мотор и быстро двинулся по дороге, прочь от горевшей машины и испуганных людей, появившихся из домов и с ужасом глядевших на пламя.

— Продолжайте ехать прямо, — проговорил Эрни, — эта дорога выведет нас на шоссе Баудер Дем. Вы видите что-нибудь в зеркало?

— За нами быстро едет приземистая машина с затемненными фарами. Может быть, это и «ягуар». Сейчас она находится приблизительно в двух кварталах от нас. — Он прибавил скорость, и такси стремительно рванулось по пустынным улицам.

— Быстрее, — сказал Эрни Курсо. — Мы должны где-нибудь спрятаться, сделать так, чтобы они нас потеряли. Вот что я вам скажу: номер 95 на этой улице — это кинотеатр для автомобилистов под названием «Пейнен Пит». Мы скоро будем там. Теперь медленнее и резко вправо. Видите те огни? Быстро заезжайте туда, направо, прямо по песку, и встаньте между машинами. Выключите огни. Спокойно. Стоп!

Машина остановилась в заднем ряду машин, выстроившихся по одной прямой, перед огромным экраном, поднимающимся к небу, на

котором громадный мужчина что-то говорил симпатичной огромной девушке.

Бонд оглянулся и увидел линию столбов, от которых громкоговорители присоединялись к машинам. Пока он смотрел, съехали еще две машины и пристроились в заднем ряду. Ни одна из них не была похожа на «ягуар». Было темно, и разглядеть что-либо не представлялось возможным. Он так и остался сидеть, повернувшись лицом к въезду.

К их машине подошла девушка-служитель с подносом.

— С вас один доллар, — сказала она и заглянула в машину, чтобы убедиться, что там нет третьего пассажира. Она взяла штекер динамика и вставила его в гнездо на столбе, после чего повесила маленький громкоговоритель на окно около Бонда. Громадные мужчина и женщина на экране начали ссориться.

— Кока-кола, сигареты, сладости, — беря доллар, протянутый Бондом, предложила девушка.

— Нет, благодарю, — ответил Бонд.

— Как хотите, — сказала девушка и подошла к другим, позже приехавшим пассажирам.

— Мистер, ради бога, выключите свет, — сквозь зубы прошептал Эрни Курсо, — и продолжайте

следить. Подождем немного, а затем отвезите меня к доктору. Надо извлечь пулю. — Его голос был слабым, и теперь, когда девушка отошла, он лег на сиденье, прислонившись головой к двери.

— Подожди немного, Эрни, постарайся потерпеть, — Бонд нашел выключатель у громкоговорителя и выключил его. Мужчина на экране собирался ударить женщину, и ее рот был открыт в бесшумном крике.

Бонд обернулся и уставился в темное пространство позади машины. Ничего. Он взглянул на соседние машины. Два лица слились в одно. Бесформенная масса на заднем сиденье. Два чопорных пожилых лица уставились вверх. Блеск света на перевернутой бутылке.

Затем до него дошел запах лосьона для бритья, темная фигура поднялась с земли и направила пистолет ему в лицо, а голос с другой стороны, около Эрни Курсо, мягко прошептал:

— О'кей, ребята. Спокойно!

Бонд взглянул на жирное лицо стоявшего перед ним человека с холодными глазами и жесткой улыбкой. Губы его прошептали:

— Выходи, или твой друг станет трупом. У моего приятеля на пистолете глушитель. Мы сейчас совершим прогулку.

Бонд повернул голову и увидел черное дуло пистолета, приставленное к горлу Эрни Курсо. Он взвесил обстоятельства.

— О'кей, Эрни, — сказал он. — Я пойду с ними. Лучше один, чем два. Я скоро вернусь и доставлю тебя в госпиталь. Позаботься о себе.

— Забавный малый, — сказал мужчина с толстой рожей. Он открыл дверь, не отводя пистолета от головы Бонда.

— Прости, друг, — сказал Эрни Курсо слабым голосом. — Я догадываюсь… — Он не договорил и упал после удара пистолетом по уху. Бонд заскрипел зубами и весь напрягся, думая о том, сможет ли он достать «Беретту». Он переводил взгляд с одного бандита на другого и взвешивал шансы. Четыре глаза и два дула были алчными и ждали любого повода, чтобы пристрелить его. Оба рта улыбались, как бы вызывая его сделать что-нибудь. Бонд похолодел. Он выждал мгновение и потом с поднятыми руками вышел из машины.

— Идите к воротам, — мягко проговорил толсторожий. — Примите естественный вид. Я за вами слежу. Его пистолет исчез, но рука была в кармане. Второй присоединился к нему и, встав по другую сторону от Бонда, положил руку на ремень брюк. Все трое быстро напри вились к вы-

ходу, и поднимающаяся луна осветила длинные тени, движущиеся впереди них по блестящему бетонному покрытию.

Глава 19
Спектрвилл

Красный «ягуар» стоял за воротами. Бонд позволил им забрать свой пистолет и сел рядом с шофером.

— Никаких выходок, если хотите сохранить свою голову на плечах, — сказал толстяк, садясь на место для багажа рядом с шарами для гольфа. — Пистолет направлен на вас.

— Да, когда-то у вас была хорошая машина! — сказал Бонд. Разбитое ветровое стекло было опущено, а кусок хромированного бампера висел между передними колесами без крыльев. — Куда же мы направимся в этих останках?

— Увидишь, — ответил шофер, сухощавый человек с жестким лицом и баками. Он вывел машину на дорогу и погнал обратно в город, и вскоре они уже оказались в джунглях неона. Проехав город, Они быстро помчались по двухсторонней автостраде по направлению к горам.

Вспомнив о том, что говорил ему Эрни Курсо, Бонд понял, что они ехали в Спектрвилл. Он откинулся на сиденье и закрыл глаза, чтобы защитить

их от пыли, и стал думать о будущем, о том, как он сможет отомстить за своего друга.

Итак, эти двое и другие двое в «шевроле» были посланы, чтобы доставить его к мистеру Спенгу. Почему для этого потребовались четыре человека? Вероятно, это было ответом на его открытое неповиновение, которое он проявил, играя в казино?

Машина ехала прямо по пустынной дороге, и стрелка спидометра колебалась до 80 миль. Мимо них размеренно проносились телеграфные столбы.

Бонд внезапно почувствовал, что он не совсем уверен в ответах на возникшие у него вопросы.

Был ли он раскрыт как враг «Спенгл Моб»? Он мог бы оправдаться по поводу игры в рулетку тем, что не понял приказа, а на то, что он причинил вред этим четверым, он мог сказать, что решил, будто это был хвост соперничающей организации. «Если вы хотели видеть меня, почему просто не позвонили в мой номер?» Бонд почти слышал, как он говорил это с обидой в голосе. По крайней мере он показал им, что достаточно сильный человек и годится для любой работы, которую мог бы предложить ему мистер Спенг. «В любом случае, — заверил себя Бонд, — моей

конечной целью было добраться до конца, «алмазной трубки» и связать каким-либо образом Серафима Спенга с его братом в Лондоне».

Бонд наклонился, устремив взор на круги света перед собой на дороге, сосредоточив свои мысли на предстоящем разговоре и на том, какую информацию об «алмазной трубке» он сможет вынести из этого разговора. Затем он подумал об Эрни Курсо и о том, как отомстит за него.

Это было не в его натуре — думать, как он сам сможет выбраться отсюда, когда достигнет своей цели. Он совершенно не думал о собственной безопасности, не боялся этих людей, питая к ним только презрение и отвращение.

Бонд все репетировал воображаемый разговор с мистером Спенгом, когда после двух часов езды почувствовал, что скорость машины снижается. Он поднял голову. Машина подъехала к высокому проволочному забору, к воротам с большой надписью: «Спектрвилл. Граница города. Не въезжать. Злые собаки».

Машина остановилась под объявлением рядом с металлическим столбом, вмонтированным в бетон. На столбе находился звонок и красными буквами было написано: «Позвоните и доложите о деле».

Не оставляя руля, человек с баками высунулся из окна и нажал на кнопку звонка. Пауза. Затем металлический голос произнес: «Да?»

— Фрассо и Мак Голинг, — громко сказал шофер.

— О'кей, — сказал голос, и послышался резкий щелчок. Высокие ворота медленно раскрылись. Они въехали по узкой металлической полосе, пролегающей по грязной дороге. Бонд оглянулся через плечо и увидел, как ворота закрылись. Он также с удовольствием отметил, что их лица, особенно у Мака Голинга, были покрыты пылью и кровью.

Грязная дорога продолжалась примерно еще с милю через грубую каменную поверхность пустыни, однообразие которой нарушали одинокие кактусы.

Потом впереди показался свет, они обогнули уступ горы и стали спускаться вниз в ярко освещенное пространство, заполненное нелепыми сооружениями. Сверху при свете луны была видна узкоколейная железная дорога, которая тянулась к горизонту.

Проехали мимо серых деревянных домов с вывесками: «Аптека», «Парикмахерская», «Фермерский банк», — и остановились около двух-

этажного здания с шипящей газовой рекламой, на которой блеклым золотом было написано: «Пинк Гартер салон, они же Пиво и вина». Из-за традиционных, не доходящих до верха дверей лился желтый свет на улицу и на машины, стоявшие у тротуара. Из здания доносился легкий, приглушенный, мелодично-гнусавый звук фисгармонии, под аккомпанемент которой исполняли песню «Интересно, кто теперь целует ее».

Музыка напоминала Бонду покрытые опилками полы, изысканные напитки и ножки девушек в сетчатых чулках. Все это казалось сценой из плохо поставленного фильма о Западе.

— Выходи, — сказал шофер, и все трое вышли из машины на деревянную дорожку. Бонд нагнулся, чтобы помассировать затекшие ноги, следя за ногами двух других.

— Иди, иди, неженка, — сказал один из них, подталкивая Бонда дулом пистолета. Бонд медленно выпрямился. Он тяжело захромал, следуя за мужчиной, шедшим к дверям салона. Когда качающиеся двери распахнулись перед ним, он остановился и почувствовал на спине дуло пистолета Фрассо.

— Сейчас! — Бонд выпрямился и прошел через

качающуюся дверь. Прямо перед ним была спина Мак Голинга, а еще дальше был освещенный зал с баром, в котором автоматическая фисгармония играла для самой себя.

Мгновенно Бонд схватил выше локтей впереди идущего, оторвал его от земли, перевернул и бросил на Фрассо, в этот момент входящего через качающуюся дверь.

Весь деревянный дом задрожал, когда эти два тела столкнулись. И Фрассо вылетел через дверь на деревянный тротуар.

Мак Болинг вскочил и повернулся к Бонду: в его руке был пистолет. Бонд левой рукой схватил его за плечо, в то же время открытой правой резко ударил вниз по пистолету. Мак Голинг опустился на пол около дверного косяка. Пистолет выпал из его руки.

Через качающуюся дверь показалось дуло пистолета Фрассо, и оно быстро приближалось к Бонду. Когда из него блеснуло голубое с желтым пламя, Бонд, кровь которого словно играла перед битвой, мгновенно упал на пол, поближе к пистолету, лежащему у ног Мак Голинга. Он положил на него руку и дважды выстрелил снизу вверх, пока Мак Голинг не наступил на его руку, а потом и не уселся на него верхом. Когда Бонд падал,

он видел дуло пистолета Фрассо, пули которого полетели в потолок, и в этот момент грохот падающих тел прозвучал финальным аккордом.

Затем Мак Голинг схватил его за руку, и Бонд старался защитить свои глаза. Пистолет все еще лежал на полу, и любой из них мог свободно дотянуться до него.

Несколько секунд они, как звери, боролись молча. Затем Бонд, приподнявшись на колени, резко выпрямил плечи и, стремительно встав, сбросил с себя груз, приготовившись к новому падению. В это время Мак Голинг поднял колено к подбородку Бонда и сбил его с ног так, что тот упал, щелкнув зубами.

У Бонда не было времени защитить голову от удара, когда гангстер, издав рев, набросился на него, нагнув голову и колотя его обеими руками.

Бонд согнулся, прикрыв живот, и голова гангстера ударила его в ребра, а кулаки его начали колотить Бонда.

Дыхание Бонда со свистом вырывалось сквозь сжатые зубы, но он все же фиксировал взгляд на голове Мак Голинга, которая была перед ним, и, резко повернув корпус, отвел плечо, и когда гангстер поднял голову, он ударил его правой рукой. После этих двух ударов Мак Голинг сперва

выпрямился, потом снова рухнул на пол. Бонд сидел на нем и наносил ему удары до тех пор, пока гангстер не стал ослабевать. Бонд схватил его за запястье и лодыжку и сдернул с пола, а затем, собрав все силы, сделал почти полный поворот и бросил его тело в комнату.

Раздалось дребезжание струн, когда летящее человеческое тело грохнулось на фисгармонию, затем с металлическим лязгом и грохотом ломающегося дерева умирающий инструмент перевернулся и вместе с распластанным на нем телом рухнул на пол.

Бонд стоял посредине комнаты в отголосках эха, широко расставив ноги и держась на них из последних сил: дыхание с трудом вырывалось из его горла. Он медленно поднял одну изувеченную руку и провел ею по влажным волосам.

— Хватит!

Это был женский голос, и он доносился из бара. Бонд, встряхнувшись, медленно оглянулся.

В салон вошли четверо. Они стояли в ряд спиной к бару из красного дерева, за их спинами ряды сверкающих бутылок поднимались до потолка. Бонд не представлял себе, сколько времени они уже присутствовали при драке.

Впереди других стоял главный гражданин

Спектрвилла — великолепный, неподвижный, властный.

Мистер Спенг был одет в костюм ковбоя вплоть до серебряных шпор на блестящих сапогах. Пиджак и широкие ковбойские штаны черного цвета были оторочены серебром. Большие спокойные руки лежали на рукоятках пистолетов из слоновой кости, которые торчали из кобур, висевших на бедрах. На широком черном поясе — патронташ.

Мистер Спенг мог выглядеть смешным, но это было не так. Его голова была немного наклонена вперед, прищуренные глаза — холодны и жестоки.

Справа от мистера Спенга стояла Тиффани Кейс, положив руки на бедра. В ковбойском костюме она выглядела как героиня фильма. Она стояла и следила за Бондом. Ее глаза блестели, а мягкие красные губы были слегка приоткрыты, как будто она до этого целовалась. Было еще двое мужчин в черных капюшонах, знакомых Бонду по Саратоге. Каждый из них держал пистолет, направленный в живот Бонду.

Бонд медленно вынул носовой платок и вытер им лицо. Его голова прояснилась, и происходящее в ярко освещенном салоне с медной отделкой и

рекламой пива и виски внезапно стало казаться роковым.

Мистер Спенг нарушил молчание.

— Подведите его. — Тяжелые скулы и большие губы двигались, чеканя каждое слово. — И скажите кому-нибудь, чтобы позвонили в Детройт и сообщили о том, что мальчики страдают галлюцинациями. И скажите, чтобы выслали еще двоих, получше этих последних. А также прикажите здесь убрать. Понятно?

По деревянному полу раздался звон шпор, когда мистер Спенг, покидая комнату, бросил на Бонда взгляд, содержащий в себе гораздо больше, чем предупреждение. Девушка последовала за ним. Двое мужчин подошли к Бонду, и высокий сказал:

— Ты слышал?

Бонд медленно двинулся за девушкой, и двое, встав по его бокам, пошли за ним.

За баром находилась дверь. Бонд прошел через нее и оказался в зале ожидания вокзала со скамейками, старинным расписанием поездов и объявлениями: «Не плюйте на пол» и тому подобными.

— Направо, — сказал один из мужчин, и Бонд, повернув, прошел через дверь и оказался на же-

лезнодорожной платформе.

Он остановился как вкопанный и сразу же почувствовал, как дуло пистолета уперлось ему в спину.

Это был, вероятно, самый красивый поезд в мире. Старый локомотив класса Лайта, примерно 1870 года, о котором Бонд слышал как о самом красивом паровозе, когда-либо созданном людьми. Его полированные медные поручни, тяжелый колпак над дымной трубой блестели при свете газовых фонарей. Из трубы старой топки раздавался свист пара. Над двумя высокими колесами золотыми буквами было написано: «Пушечное ядро», и это название повторялось на покрытом золотом тендере, находящемся за высокой квадратной кабиной машиниста.

К тендеру присоединялся пульмановский вагон коричневого цвета, а его закругленные окошки были в рамах из красного дерева. На овальной металлической доске было написано: «Сьерра-Белла». Над окнами, немного ниже крыши, заглавными буквами кремового цвета было выведено: «Тонопах».

— Я уверен, что ты никогда ничего подобного не видел, — с гордостью проговорил один из конвоиров. — Ну, а теперь топай! — Его голос был

приглушен черным капюшоном.

Бонд медленно пошел вперед и поднялся на площадку с медными перилами. Впервые в своей жизни он увидел реальный смысл того, что означало «быть миллионером», и понял, что у Спенгов было гораздо больше денег, чем он думал.

Интерьер вагона был роскошным. Свет, льющийся из маленьких хрустальных люстр на потолке, отражался на полированной красного дерева мебели, на серебряных и стеклянных вазах. Ковры и шторы были темно-красного цвета, а потолок, расписанный картинами, — кремового.

В начале вагона была столовая с остатками ужина на двоих: корзина с фруктами и открытая бутылка шампанского в серебряном ведерке. Дальше тянулся узкий коридор с тремя дверями, за которыми, вероятно, были спальни и туалет. Бонд все еще думал об этом сооружении, когда перед ним распахнули дверь в вагон.

В дальнем конце приемной, повернувшись спиной г. открытому мраморному, обрамленному золотом камину стоял мистер Спенг. В красном кожаном кресле около маленького письменного стола совершенно прямо сидела Тиффани Кейс. Бонд обратил внимание на то, как она курила сигарету: она нервничала и держалась неесте-

ственно. Казалось, она испугана.

Бонд сделал несколько шагов внутрь вагона, направляясь к удобному креслу. Он повернул кресло, чтобы видеть их лица, и сел, положив ногу на ногу. Потом вытащил портсигар, достал сигарету, закурил и, затянувшись, выпустил дым.

Во рту у мистера Спенга находилась незажженная сигара. Он вынул ее.

— Останьтесь здесь, Винт. Кидд пойдет делать то, что я сказал. — Он опять чеканил слова. — Теперь вы. — Его глаза сердито уставились на Бонда. — Кто вы? И что вы здесь делаете?

— Если мы собираемся поговорить, то мне надо выпить, — сказал Бонд.

Мистер Спенг холодно оглядел его.

— Принесите ему выпить, Винт.

Бонд немного повернул голову.

— «Бурбон» с водой, — сказал он, — пополам.

Раздалось сердитое рычание, и Бонд услышал, как заскрипел пол под ногами мужчины, шедшего за вином.

Бонду понравился вопрос Спенга. Он изложит ему свою историю. Пока, кажется, все в порядке. Он сидел, курил и оценивающе посматривал на мистера Спенга.

Винт принес напиток и так резко передал его Бонду, что часть его пролилась.

— Спасибо, Винт, — сказал Бонд и сделал большой глоток. Напиток был хорошим: крепким и холодным. Он сделал еще глоток, а затем поставил стакан на пол перед собой. Потом снова посмотрел на напряженное, жесткое лицо Спенга.

— Я не люблю, когда меня испытывают, — непринужденно проговорил он. — Я сделал свою работу и получил за нее деньги. И если я решил играть на них, то это мое личное дело. Я ведь мог и проиграть их. А затем ваши парни стали дышать мне в шею и заставили меня немного поволноваться. А если вы хотите меня видеть, почему же вы не позвонили мне или не послали за мной? Следить за мной было не по-дружески, а когда они стали вести себя грубо и начали стрелять, я решил, что теперь моя очередь проучить их.

— Вы не получили сообщения, молодой человек, — мягко проговорил Спенг, — вероятно, будет лучше, если я введу вас в курс дела. Вчера я получил из Лондона кодированное донесение. — Он сунул руку в карман и вытащил листок бумаги, не спуская с Бонда глаз.

Бонд понял, что в этой бумаге были плохие

новости.

— Это от хорошего друга из Лондона, — сказал Спенг. Он медленно перевел взгляд с Бонда на текст. — Здесь говорится: «Точно известно, что Питер Франк задержан полицией без обвинения. Приложите все усилия для задержания подставного курьера. В случае необходимости устраните его и доложите».

В вагоне стояла тишина, мистер Спенг поднял глаза и посмотрел на Бонда. — Ну, мистер, как вас там? Кажется, все складывается удачно, чтобы покончить с вами.

Бонд понял, что это было весьма вероятно, и мысленно прикинул, что с ним может случиться. Он понимал, что узнал все, что хотел, когда приехал в Америку. Он уже полностью завершил свою работу. Два брата Спенга на самом деле представляли собой начало и конец «алмазной трубки». Теперь у него были ответы на все поставленные вопросы, и он должен был каким-то образом передать эти сведения.

Бонд нагнулся за стаканом, и когда он поднял его, на дне задрожали льдинки; сделав последний глоток, он поставил стакан опять на пол. Потом прямо посмотрел в глаза Спенга.

— Мне передал работу Питер Франк. Ему она не

нравилась, а мне были нужны деньги.

— Не говорите мне эту чепуху, — прямо сказал мистер Спенг. — Вы — политический или частный детектив, и я собираюсь узнать, на кого вы работаете и что вам известно о нас. Что вы делали в грязелечебнице, рядом с этим проклятым жокеем? Почему у вас имеется оружие и где вы так научились обращаться с ним? Каким образом вы связаны с Пинкертонами, кроме этого подставного шофера такси, и тому подобное? Вы ведете себя как частный детектив. — С внезапной злостью он обернулся к Тиффани Кейс. — Как это вы могли попасться к нему на удочку, вы, глупая сука! Я просто не могу понять!

— Черт возьми, это нетрудно понять! — вспыхнула Тиффани Кейс. — Мне прислал его АВС, и он работал совершенно нормально. Может быть, вы считаете, что я должна была сказать АВС, чтобы он подыскал себе другого человека? Только я этого не сделала бы! Я знаю свое место! Не воображайте, что можете упрекать меня. И все же, не исключено, что этот парень говорит правду. — Ее сердитые глаза скользнули по Бонду, и он заметил в них страх за него.

— Мы это и собираемся узнать и будем вести допрос до тех пор, пока этот парень не заговорит

или умрет. Пусть он не думает, что ему удастся вынести пытки. — Он посмотрел на охрану, стоявшую позади Бонда. — Винт, возьми Кидда и возвратитесь с сапогами.

— Сапогами?

Бонд сидел молча, собирая все свое мужество и все силы. Было бы простой потерей времени спорить с мистером Спенгом или пытаться убежать отсюда. 80 миль по пустыне! Он выбирался и из худших ситуаций. Пока он жив и ничего не сделал, а они вряд ли собирались убить его, не следовало терять надежды. Существовали еще и Феликс Лейтер, и Эрни Курсо, и, возможно, Тиффани Кейс. Он взглянул на нее: ее голова была опущена, и она внимательно разглядывала свои ногти.

Бонд услышал, как двое подошли и стали позади него.

— Выведите его на платформу, — сказал мистер Спенг, и Бонд увидел, как кончик его языка высунулся изо рта и облизнул тонкие губы. — Бруклинский вариант, 80 процентов, понятно?

— О'кей, босс! — Этот голос принадлежал Винту, и в нем чувствовалась алчность.

Двое в капюшонах вошли и сели напротив Бонда. Они поставили футбольные бутсы на толстый

ковер рядом с собой и начали расшнуровывать их.

Глава 20
Пламя из трубы

Черный водолазный костюм плотно облегал тело и сильно сжимал его. Почему, черт возьми, не согласовали с морским министерством точные размеры костюма. Под водой, в море, было очень темно и течение настолько сильно, что его то и дело бросало на коралловый риф. Ему придется плыть с большими усилиями, чтобы преодолеть этот риф. Вдруг кто-то схватил его за руку, Кто это, черт возьми!

— Джеймс! Ради бога, Джеймс! — Тиффани отстранилась от его уха и, насколько было сил, встряхнула его окровавленные руки. Наконец глаза Бонда раскрылись, и он, глубоко вздохнув, взглянул на нее.

Она наклонилась над ним, боясь, что он снова ускользнет от нее. Но он, казалось, пришел, наконец, в себя, перевернулся и встал на четвереньки, опустив голову к земле, как раненый зверь.

— Вы можете идти?

— Подождите. — Его собственный голос казался ему незнакомым, и, возможно, она не поняла

его.

— Подождите, — снова сказал Бонд и стал изучать свое тело, чтобы понять, что от него осталось. Он ощущал свои ноги и руки, мог двигать головой из стороны в сторону. Бонд видел полосы лунного света на полу. Вероятно, все было в порядке, но он не хотел двигаться. Его сила воли исчезла, и просто хотелось спать или даже умереть, чтобы только не чувствовать боли, которая раздирала его тело. Ему хотелось заглушить воспоминание о двух парах сапог, вонзающихся в его тело, и о реве, доносившемся из-под двух капюшонов.

В тот же миг, когда он подумал о мистере Спенге и обоих гангстерах, желание жить снова появилось в нем, и он простонал:

— О'кей, — и затем снова: — О'кей, — для того, чтобы быть уверенным, что она поняла его.

— Мы находимся в зале ожидания, — прошептала девушка. — Мы должны добраться до конца станции, выйдя из двери налево. Вы слышите меня, Джеймс? — Она протянула руку и откинула его влажные, слипшиеся волосы со лба.

— Надо двигаться, — сказал Бонд. — Я пойду за вами.

Девушка поднялась и открыла дверь. Бонд сжал зубы и выполз на освещенную луной платформу,

а когда он увидел на земле темное пятно, злость и жажда мщения придали ему силы. Он с трудом поднялся на ноги, покачивая головой, чтобы отогнать круги перед глазами. Тиффани Кейс обхватила его за талию, и он захромал к концу деревянной платформы, по ступенькам которой они спустились на землю к блестящим рельсам.

Там, на одноколейной дороге, стояла дрезина. Бои остановился.

— Бензин есть? — спросил он.

Тиффани Кейс показала на ряд бочек, стоявших у стены станции.

— Я уже заправила ее, — прошептала она. — Они пользуются дрезиной для проверки исправности желез ной дороги. Я умею управлять ею и уже убрала подпорки. Торопитесь. Следующая станция Риолит.

— Боже мой, вы чудесная девушка, — прошептал Бонд. — Но будет чертовски много шума, когда мы сдвинемся с места. Подождите, я придумал. У вас есть спички? — Он уже почти не чувствовал боли. Дыхание его с шумом вырывалось сквозь сжатые зубы, когда он обернулся, чтобы посмотреть на молчаливые деревянные здания.

На Тиффани были надеты спортивные брюки и блузка. Она сунула руку в карман и протянула

ему зажигалку.

— Что вы придумали? — спросила она. — Мы должны двигаться!

Но Бонд прошел к ряду бочек с бензином, стал открывать их и лить их содержимое на деревянную платформу вокзала. Он вылил бензин из шестой бочки и вернулся к девушке.

— Поехали! — Он нагнулся и поднял газету, валявшуюся у рельс. Раздался шум стартера, и застучал мотор.

Бонд щелкнул зажигалкой, газета загорелась, и он бросил ее на платформу. Его самого чуть не охватило пламенем, когда он взбирался на дрезину, но девушка быстро повернула рукоятку, и дрезина тронулась.

Раздался грохот, дрезина закачалась, и они выехали на главную линию. Стрелка спидометра дрожала около цифры 30. От встречного ветра волосы девушки откинулись назад и развевались перед Бондом как золотое знамя.

Бонд оглянулся и посмотрел на большое огненное зарево, которое они оставили позади себя. Ему казалось, что он слышит треск сухих досок и крики людей, выскакивающих из своих комнат. Если бы только пламя добралось до Винта и Кидда, зажгло бы дрова в тендере и краску на

пульмановском вагоне и покончило бы с этой гангстерской коробкой с игрушками!

Который был сейчас час? Бонд глотнул прохладный ночной воздух и заставил работать свой мозг. Луна висела низко. Четыре часа? Бонд, согнувшись от боли, прошел по платформе дрезины к двум сиденьям из ведер, каким-то образом перебрался через них и стал рядом с девушкой.

Он положил ей на плечо руку, она обернулась и улыбнулась ему. Потом, стараясь перекричать шум работающего двигателя и перестук колес на рельсах, крикнула ему:

— Джеймс, это был отличный выход, что-то наподобие финала старого Бастора. Как вы себя чувствуете? — Она внимательно посмотрела на его разбитое лицо. — Вы выглядите ужасно.

— У меня ничего не сломано, — сказал Бонд, — и мне кажется, что на 80 процентов это уже неплохо. — Он попробовал улыбнуться. — Все же лучше, когда тебя избивают, чем когда стреляют.

На лице девушки было восхищение.

— Мне пришлось сидеть там и притворяться, что это меня совершенно не трогает. Спенг сидел, слушал и следил за мной. Затем они проверили веревки, перетащили вас в зал ожидания и, довольные, отправились спать. Я выждала час в

своей комнате, затем стала действовать. Самым трудным было заставить вас встать.

Бонд крепко сжал ее плечи.

— Я скажу вам, что я думаю о вас, когда боль немного утихнет. Но что будет с вами, Тиффани? Вам придется нелегко, если они нас поймают. И кто же все-таки эти два человека в капюшонах, Винт и Кидд? Что они собираются делать дальше? Мне бы хотелось еще раз увидеться с ними.

Девушка мельком взглянула на разбитые губы Бонда.

— Я никогда не видела их без капюшонов, — искренне проговорила она. — Кажется, один из Детройта. О них ходит множество отвратительных слухов. Они выполняют работу, требующую применения силы, и специальные задания. Сейчас они всей сворой ринутся за нами, но не беспокойтесь обо мне. — Она снова взглянула на пего, и ее глаза заблестели от счастья. — Первое, что надо сделать, — это добраться до Риолита, там мы найдем машину и доедем до Калифорнии через границу. У меня с собой много денег. Потом мы пойдем к врачу, вы примете ванну, мы купим вам костюм и подумаем, что делать дальше. Я захватила ваш пистолет. Один из помощников Спенга принес его после того, как они собирались

разделаться с вами там, в Пингатторе. Я за брала его после того, как Спенг отправился спать. — Расстегнув блузку, она вытащила пистолет из-за ремни брюк.

Бонд взял у нее «Беретту» и почувствовал тепло тела Тиффани на металле. Он вынул магазин, в нем осталось три патрона, вставил его на место и поставил пистолет на предохранитель, затем сунул его за ремень брюк. Впервые он вспомнил, что его пиджак исчез. Один из рукавов рубашки был полуоторван. Он оторвал его совсем и выбросил. Потом потянулся за портсигаром, лежащим обычно в правом кармане его брюк. Портсигар исчез. Но в левом кармане все же остались бумажник и паспорт. Бонд вытащил их. При свете луны смог увидеть, что они порядочно измяты. Он проверил наличие денег в бумажнике: деньги были на месте. Он все положил обратно в карман.

Некоторое время они ехали, слыша лишь гул маленького двигателя и стук колес, нарушавших тишину ночи. Впереди них тонкая серебристая линия рельс тянулась к горизонту, обрываясь лишь в одном месте, отмеченном указателем, где железнодорожное полотно поворачивало направо к черной массе гор Спектра. Слева не было ничего, кроме бесконечной пустыни, пер-

вые отблески зари начали окрашивать верхушки кактусов в голубой цвет. Дрезина пела свою песню, катясь по рельсам. На ней не было ручек управления, кроме тормоза и газа, на который девушка жала до отказа. Спидометр показывал 30 миль. Пробегали минуты и мили. Бонд, с усилием превозмогая боль, часто оборачивался и рассматривал отдаляющееся и разгорающееся позади них пламя.

Они ехали так уже около часа, когда тонкий гудящий звук заставил Бонда прислушаться. Звук на рельсах или в воздухе? Он снова взглянул через плечо. Было ли слабое мерцание между ними и красным заревом горящего призрачного города? В голове у Бонда звенело.

— Вы что-нибудь видите позади?

Она повернула голову. Затем, ничего не отвечая, выключила двигатель, так что они некоторое время ехали бесшумно. Оба прислушались. Да, звук шел по рельсам. Мягкая дрожь, не более чем отдаленный вздох.

— Это Какканбал, — решительно сказала Тиффани.

Она быстро повернула ручку газа, и дрезина снова ускорила ход.

— Сколько он может давать? — спросил Бонд.

— Может быть, шестьдесят.

— А сколько до Риолита?

— Около тридцати.

Некоторое время Бонд молча размышлял.

— Он должен быть недалеко. Точно трудно сказать, какое расстояние отделяет нас от него. Вы можете выжать что-нибудь еще из этой машины?

— Нет, — мрачно ответила она, — даже если бы мое имя было Кейси Джонс вместо Кейс.

— Все будет хорошо, — сказал Бонд. — Продолжим езду. Может быть, Какканбал взлетит на воздух или что-нибудь еще в этом роде?

— О, конечно, — сказала она, — или пружина, может быть, расслабится, или он оставил ключ от двигателя дома, в кармане пижамы.

В течение пятнадцати минут они ехали молча, и теперь Бонд мог отчетливо видеть свет большого прожектора паровоза, прорезавшего ночь не более чем в пяти милях от них, и столб огненных искр из большой трубы. Рельсы под их дрезиной сильно дрожали, а то, что было отдаленным вздохом, перешло в низкий, угрожающий звук.

— Может быть, у него не хватит топлива? — подумал Бонд и тут же, как бы мимоходом, спросил у девушки:

— Я надеюсь, что у нас достаточно горючего.

— Ода! — ответила Тиффани. — Я заправила целый бак. Здесь нет индикатора, но эти машины могут ехать вечно на одном баллоне с горючим.

Почти опережая ее слова и как бы разубеждая, двигатель закашлял. «Пуф, пуф!» Затем снова весело застучал.

— О боже! — воскликнула Тиффани. — Вы слышите?

Бонд ничего не ответил. Он почувствовал, что его ладони стали влажными.

И снова: «Пуф, пуф!»

Тиффани Кейс осторожно крутила ручку газа.

— О, дорогая маленькая машина, — умоляла она. — Прекрасная, умная, маленькая машина! Пожалуйста, будь доброй!

«Пуф, пуф!» — и дрезина зашипела. И вдруг они покатили в тишине. На спидометре было: 25, 20… 15… 10…

5… Последний резкий поворот ручки газа. Тиффани ударила по ней. Они остановились.

Превозмогая боль и ругаясь, Бонд прохромал по дрезине к баку с бензином. Вытащив свой окровавленный платок из кармана брюк, он опустил его в бак и дотянулся до дна. Потом, вытащив его, понюхал и пощупал: он был совершенно сухим.

— Так и есть, — сказал он девушке. — Теперь нам надо хорошенько подумать. — Он огляделся. Налево никакого прикрытия, и по крайней мере две мили до дороги. Направо, примерно в четверти мили, — горы. Они могли бы добраться туда и спрятаться там. Но надолго ли?.. Это был, казалось, наилучший вариант. Земля под его ногами дрожала. Он взглянул вдоль рельс на сверкающий неумолимый прожектор. Сколько до него? Две мили? Увидит ли Спенг дрезину вовремя? Сможет ли он остановить поезд? Может быть, поезд сойдет с рельс? Но затем Бонд вспомнил о хватающем устройстве, которое сбросит дрезину с рельс, как стог сена.

— Пошли, Тиффани, — сказал он. — Мы должны добраться до гор. Где же вы? — Он захромал около дрезины.

Она бежала обратно по рельсам и, запыхавшись, проговорила:

— Здесь, совсем недалеко, есть другая ветка, — выдохнула она. — Если бы мы смогли откатить туда дрезину и перевести проржавевшую стрелку, он, может быть, проехал бы мимо нас.

— Боже мой, — медленно проговорил Бонд, затем с надеждой в голосе добавил — Дайте мне руку. — Он наклонился и, сжав зубы от боли, стал

толкать дрезину.

Когда дрезину сдвинули с места, она стала легко катиться: им надо было только идти за ней и следить, чтобы она не остановилась. Так они дошли до стрелки. Бонд продолжал толкать дрезину, пока они не прошли- еще двадцать ярдов.

— Какого черта? — задыхаясь спросила Тиффани.

— Пошли, — ответил Бонд. Он, спотыкаясь, побежал обратно к тому месту, где была стрелка. — Мы собираемся пустить Какканбала на ответвление.

— О боже! — восхищенно воскликнула Тиффани. И они оба кинулись к стрелке. Мускулы Бонда напряглись, когда он взялся за рукоятку перевода стрелки. Ржавый металл поддавался медленно: впервые за пять-десять лет переводили эту стрелку, и рельсы передвигались миллиметр за миллиметром. Когда все было сделано, Бонд опустился на колени на землю, наклонив голову и стараясь побороть боль, которая снова охватила все тело.

Но вспышки света продолжали неумолимо приближаться, Тиффани наклонилась к нему с немой мольбой. Он через силу встал на ноги, и, спотыкаясь, они побежали к дрезине. Все пространство

было заполнено грохотом и звоном колокола, когда большое металлическое животное, из трубы которого огненным снопом летели искры, стало стремительно приближаться к ним.

— Ложись и не двигайся! — закричал девушке Бонд и толкнул ее на землю, за дрезину. Затем он быстро прохромал к другой стороне дрезины, вытащил пистолет и остановился, держа руку с пистолетом как дуэлянт, повернувшись лицом к приближающемуся прожектору.

— Боже, какая громадина! Сможет ли она повернуть и пойти по другой колее! Не ринется ли она на них и Не сомнет ли?

Поезд приближался.

Пуф! Что-то впилось в землю рядом с ним, и он увидел в кабине вспышку. Следующая вспышка — и пуля, ударив в рельс, исчезла.

Крек! Крек! Крек! Теперь он слышал автоматную очередь, перекрывающую рев двигателя. Это прозвучало для него музыкой. Сам он не открывал огонь. У него было только четыре пули, и он знал, когда наступит его очередь.

И вот в двадцати ярдах от него летящий паровоз пошел на поворот, наклонившись так, что пламя из трубы тендера полыхнуло в сторону Бонда.

Раздался лязг металла. Дым и пламя рванули

к небу. В кабине, в черно-серебристом костюме, Спенг одной рукой держался за дверь кабины, а другой тянулся к длинной металлической ручке регулятора пара.

Пистолет Бонда выстрелил четыре раза. На мгновение он увидел выражение побледневшего лица, а затем большой черный с золотом поезд промчался мимо к темной стене гор Спектра: луч прожектора все так же прорезал темноту, а колокол продолжал звонить.

Бонд медленно засунул «Беретту» за ремень и стоял, провожая взглядом гроб мистера Спенга. На мгновенье показалась луна.

Тиффани Кейс подбежала к нему, и, стоя рядом, они следили за полыхающим заревом из высокой трубы и слушали, как горы отбрасывали эхо удаляющегося паровоза. Девушка сжала его руку, когда поезд внезапно свернул в сторону и исчез за выступом скалы. Теперь слышался лишь сильный гул в горах и виднелись отблески света от стремительно летевшего паровоза.

А потом полыхнуло пламя и раздался ужасный грохот металла, как будто корабль натолкнулся на риф. До них донеслись отклики эха, и появилось большое зарево. Затем шум стих, и наступила тишина.

Бонд глубоко вздохнул, как будто он только что проснулся. Итак, это был конец одного из Спенгов. Одного из двух жестоких гангстеров, несущих смерть и создавших «Спенгл Моб». В этом гангстере было что-то театральное, и окружал он себя подобными же людьми.

— Пошли отсюда, — проговорила Тиффани Кейс. — С меня хватит.

Когда напряжение прошло, Бонд почувствовал, как боль снова начала охватывать его тело.

— Да, — кратко ответил он. Бонд был рад уйти от воспоминаний о повернутом в его сторону белом лице в красивом паровозе. Он почувствовал в голове какую-то легкость.

— Мы должны добраться до дороги, и нам придется долго идти. Пошли!

Им понадобилось два часа, чтобы пройти две мили, и когда они добрались до дороги, Бонд был почти в бреду. Девушка тащила его на себе. Если бы не она, он никогда не смог бы выбраться на дорогу сам: он бродил бы среди кактусов и камней до тех пор, пока силы не оставили бы его и солнце не прикончило бы.

А теперь она наклонилась и, нежно говоря с ним, вытирала своей блузкой пот с его лица. Взгляд ее все время устремлялся на бетонную

дорогу, пустынную в теплых волнах этого раннего утра.

После часового ожидания она вскочила на ноги, заправила блузку в брюки и встала посредине дороги. Низкая черная машина показалась со стороны Лас-Вегаса. Машина остановилась перед ней, и человек с копной волос цвета соломы и пронзительными серыми глазами быстро оглядел ее. Он взглянул на распростертую фигуру у дороги и снова на Тиффани. Затем дружеским техасским говором шофер сказал:

— Феликс Лейтер, мэм, к вашим услугам. Что я могу сделать для вас в это прекрасное утро?

Глава 21
Ничто так не сближает, как близость

— …А когда я приехал в город, я позвонил Эрни Курсо, Джеймс Бонд его знает. Его жена была в истерике, а Эрни в госпитале. Я сразу же поехал к нему, и он все рассказал мне. И мне пришло в голову, что, возможно, Бонд нуждается в помощи. Итак, я вскакиваю на мою угольно-черную кобылу и скачу всю ночь, а когда стал подъезжать к окрестностям Спектрвилла, увидел в небе свет. Насколько я понял, мистер Спенг закатил для себя праздник, и так как ворота были открыты, я решил присоединиться к пиршеству. И вот, хотите верьте, хотите нет, но там не было ни души, кроме парня с перебитой ногой и контузией, который ползал по дороге, стараясь куда-нибудь укрыться. Он очень напомнил мне молодого парня из Детройта по имени Фрассо, носящего капюшон. И как мне сказал Эрни Курсо, он был одним из тех, кто брал Джеймса. Парень был в таком состоянии, что я представил себе предшествующую всему этому картину и решил: мне необходимо направиться

в Риолит. Я сказал парню, что здесь скоро будет много народу из пожарного депо, дотащил его до ворот и оставил там. Потом, спустя некоторое время, я вижу девушку, которая выглядела так, как будто ею только что выстрелили из пушки. И вот мы все вместе. Теперь рассказывайте вы.

— Итак, это все не сон, — думал Бонд, — я лежу на заднем сиденье «студиллака», моя голова лежит на ладонях Тиффани. Это Феликс, и мы едем по дороге в безопасное место, где можно обратиться к врачу, выспаться и поесть. — Бонд шевельнулся и почувствовал руку Тиффани у себя в волосах, и она говорила ему, что все это наяву, что все хорошо. Он снова замер и, ничего не сказав, старался запомнить каждый момент, прислушиваясь к голосам и шороху шин по дороге.

В конце рассказа Тиффани Феликс от удивления присвистнул.

— Да, мэм, — сказал он, — вы двое, кажется, сделали дырку в «Спенгл Моб». Что же, черт возьми, будет дальше? В осином гнезде еще много ос, и все они не допустят, чтобы с ними так обращались, и попробуют предпринять что-нибудь.

— Безусловно, — сказала Тиффани. — Спенг был членом синдиката в Вегасе, и все гангстеры тесно связаны между собой. Затем есть еще Шеди

Трик, Винт с Киддом — два громилы, кто бы они ни были.

— Пока мы едем нормально, — сказал Феликс, — и будем в Беате через десять минут. Затем доберемся до пятьдесят восьмой мили и очутимся за границей через два часа. Потом нам придется пересечь мертвую долину и горы вниз к Эланча, где мы доберемся до поста № 6. Там мы сможем остановиться, свести Джеймса к врачу и привести себя в порядок. Далее, нам придется чертовски долго ехать, но мы должны попасть в Лос-Анджелес к ленчу. Там мы сможем расслабиться. Мне кажется, что вам с Джеймсом надо как можно скорее покинуть страну. Эти мальчики постараются установить для вас все виды ловушек, и если вас засекут, я не поставлю ни на одного из вас. Лучше всего доставить вас к самолету на Нью-Йорк сегодня вечером, а далее в Англию, завтра утром. Оттуда Джеймс сможет добраться домой.

— Я думаю, что вы правы, — сказала Тиффани. — Но кто же все-таки этот Бонд? Каким видом рэкета он занимается? Он что, осведомитель?

Бонд услышал, как Лейтер осторожно ответил:

— Лучше спросите его сами, мэм, но вам не следует очень беспокоиться по этому поводу. Он

позаботится о вас.

Бонд улыбнулся про себя и в длительном молчании, которое последовало за этим, он погрузился в тяжелый сон до тех пор, пока они не проехали половину пути до Калифорнии и не остановились у белых ворот с табличкой: «Отис Феаплай». А затем в бинтах, с полосами ртутной мази, вымытый и побритый, с плотным завтраком в желудке, Бонд снова оказался в машине и вернулся в окружающий его мир. К Тиффани Кейс вернулись ее старые манеры. Бонд старался быть хоть чем-нибудь полезным, следя за полицейскими, наблюдающими за движением машин, в то время как Лейтер вел машину со скоростью 80 миль в час по бесконечной дороге к далекой линии облаков, закрывающих вершины высоких Сьерр.

Затем они быстро проехали по бульвару Заходящего солнца среди лип и изумрудных полян. И покрытый пылью «студиллак» выглядел нелепо между сверкающих «корветов» и «ягуаров». И, наконец, под вечер они оказались в прохладном баре отеля «Беверли Хилл».

В холле стояли их новые чемоданы, а на друзьях была одежда из Голливуда, и даже разбитое лицо Бонда производило такое впечатление, как будто он только что закончил работу в студии. На

столике рядом с их «Мартин» стоял телефон. С момента их прибытия Феликс Лейтер закончил уже четвертый разговор с Нью-Йорком, — Все в порядке, — сказал он, кладя трубку на место. — Мои парни достали для вас билеты на «Куин Элизабет». Корабль был задержан в связи с забастовкой докеров в порту. Он отплывает завтра в восемь вечера. Они встретят вас в Ла Гвардии с билетами, и вы сможете попасть на корабль в любое время после полудня. Они забрали твои оставшиеся в «Асторе» вещи, Джеймс, один небольшой чемодан и знаменитые шары для гольфа. Парни в Вашингтоне занимаются паспортом для Тиффани. В порту будет человек из Департамента, и вам обоим придется заполнить кое-какие бланки. Все должен устроить мой человек, один из старых знакомых в ЦРУ. Я произвел сенсацию своим рассказом про «Призрачный город». Кажется, они еще не обнаружили нашего друга Спенга, и ваши имена еще нигде не фигурируют. Мои ребята сказали, что в полицию еще не звонили по поводу вас; но один из наших секретных агентов сообщил, что гангстеры ищут вас по имеющимся описаниям внешности. За ваши головы дают 10 000 долларов; так что лучше, если на корабль вы поднимитесь порознь. Постарайтесь незаметно

пробраться в свои каюты и оставайтесь там.

— У Пинкертонов, кажется, неплохая машина, — с восхищением сказал Бонд. — Но я буду рад, когда мы оба выберемся отсюда. Я всегда представлял себе ваших гангстеров как группу жирных итальянцев, которые набивают себя пирожками с пивом всю неделю, а по воскресеньям прекращают работу в гаражах и аптеках для того, чтобы поехать на скачки. Это отражается на их доходах.

Тиффани Кейс засмеялась.

— Вам надо проверить голову, — резко проговорила она, — если мы благополучно доберемся до «Элизабет», это будет просто чудом. Толстяки!!!

Феликс Лейтер откашлялся.

— Пошли, голубки, — сказал он, глядя на часы, — Нам надо идти. Я должен вернуться в Вегас сегодня вечером и приступить к поискам скелета нашего бессловесного друга Шай Смайл. А вам надо торопиться на самолет. Вы сможете продолжать вашу пикировку и на высоте 2000 футов, там у вас будет больше времени. Вы даже сможете попробовать помириться и стать друзьями.

Лейтер отвез их в аэропорт и оставил там вдвоем. И Бонд почувствовал комок в горле, когда долговязая фигура после теплого прощания про-

хромала к своей машине.

— У вас очень хороший друг, — сказала девушка, когда они смотрели, как Лейтер захлопнул дверцу машины, и услышали звук включенного стартера, после чего машина, набрав скорость, помчалась в обратный путь через пустыню.

— Да, — ответил Бонд, — Феликс — настоящий парень.

На стальном протезе блеснул отблеск луны, когда Лейтер махнул им на прощание в последний раз, а потом пыль на дороге улеглась, и металлический голос громкоговорителя оповестил:

«Трансконтинентальная авиалиния, рейс 93. Сейчас производится посадка на Чикаго и Нью-Йорк у выхода № 5. Просим всех подняться в самолет».

Они прошли через стеклянные двери и сделали свои первые шаги в длинном путешествии к Лондону.

Новый «Констилейшен Супер Д.» ревел над темным континентом. Бонд лежал в кресле, ожидая, когда сон унесет пронзающую его тело боль, и думал о заснувшей Тиффани и о том, на чем он остановился, выполняя задание.

Он думал о том, насколько невинно и беззащитно это милое лицо во время сна. Из спокойных

серых глаз исчезло насмешливое выражение, не стало иронической усмешки в уголках чувственного рта, и Бонд знал, что он был очень близок к тому, чтобы влюбиться в эту девушку. А как она? Насколько в ней силен протест против мужского пола, который родился в ту ночь в Сан-Франциско, когда мужчины ворвались в ее комнату и забрали ее? Выйдет ли когда-нибудь женщина из-за баррикады, которую она начала строить против всех мужчин в ту ночь? Выйдет ли она когда-нибудь из оболочки, которая становилась все тверже с каждым годом одиночества?

Бонд вспоминал все события, произошедшие с ними за последние 24 часа, в течение которых чуткая, страстная девушка сбрасывала маску жестокости, скрывающую ее от гангстеров, контрабандистов и крупье, и ему хотелось сказать ей: «Возьми меня за руку, открой двери, и мы вместе пойдем навстречу своему счастью. Не беспокойся, я буду идти рядом с тобой. Я всегда жил с мыслью о тебе, но ты не приходила, и я провел свою жизнь, прислушиваясь к различным шагам».

«Да, — подумал он, — все будет хорошо». Но был ли он подготовлен к последствиям? Если однажды он возьмет ее за руку, это будет на-

всегда. Сможет ли он сыграть роль исцелителя, психиатра, которому пациент передаст свою любовь и поверит в излечение своей болезни. Не должно быть никакой силы, влияющей на то, чтобы отпустить ее руку, доверчиво протянутую ему. Был ли он готов к изменению своей жизни и карьеры? Бонд пошевелился в кресле и отбросил эту проблему в сторону. Было еще слишком рано думать об этом. Всему свое время. Он решительно направил мысли на работу, которую ему еще предстояло закончить, на разговор с М., на свои дальнейшие действия. Вот после чего он сможет думать об устройстве своей личной жизни.

Итак, один из врагов был разбит, но был ли он головой предприятия или хвостом, Бонд этого не знал, но склонялся к мысли, что Джек Спенг и таинственный АВС являлись настоящими руководителями контрабанды, а Серафим управлял лишь завершающим этапом. Серафима можно было бы заменить, Тиффани за ненадобностью ликвидировать; Шеди Трик, которого она могла впутать в дело об алмазной контрабанде, мог бы спрятаться на некоторое время, пока все не успокоится, если они считают, что Бонд представляет для них опасность.

Но не было ничего, чем можно привлечь Джека

Спенга или «Алмазный дом». Единственной ниточкой к АВС был телефонный номер, который нужно было как можно скорей узнать у девушки. Этот номер телефона и весь аппарат контактов, связанный с ней, мгновенно изменится, когда станет известно о дезертирстве Тиффани. А об исчезновении Бонда, конечно, уже известно в Лондоне, во всяком случае Шеди Трику. Затем оставалось еще начало «алмазной трубки» в Африке, и к нему можно было добраться только через АВС. И Бонд перед тем, как заснуть, решил, что его первой задачей было сообщить М. о создавшейся ситуации, и сделать это надо будет, как только они попадут на борт «Куин Элизабет». Люди Веленса приступят к работе. Бонду придется делать не так уж много, даже когда они прибудут на место. Придется составлять множество отчетов: все тот же старый, заведенный порядок в его учреждении. А по вечерам будет Тиффани в его скромной квартире на Кинг Роуд. Ему надо послать телеграмму Мей — своей домохозяйке, чтобы все приготовили к встрече. Итак, посмотрим: цветы, хвойный экстракт для ванны, проветрить простыни…

Ровно через десять часов после вылета из Лос-Анджелеса они пролетели над Ла Гвардиа и

повернули вблизи моря на длинную взлетно-посадочную полосу.

Было 8 часов утра. Воскресенье. В аэропорту мало народа, но служащий остановил их, когда они шли по гудронированной дороге, и подвел к боковому входу, где их ожидали два молодых человека — один из Пинкертонов, другой — из Департамента. Пока они говорили о полете, принесли багаж, и их провели через боковую дверь туда, где ждал «понтиак» приятного коричневого цвета с уже заведенным двигателем.

А затем несколько незанятых часов в квартире, принадлежащей человеку от Пинкертонов, до тех пор, когда около четырех часов дня они по очереди, с интервалом в четверть часа, поднялись по покрытому ковром трапу на просторную и, казалось, безопасную палубу «Куин Элизабет». И, наконец, очутились в своих каютах на палубе «М». Двери их были заперты, отгораживая от мира, но тем не менее, когда Тиффани Кейс, а потом Джеймс Бонд поднимались по трапу, какой-то человек быстро прошел к телефонной будке в здании таможни.

Спустя три часа двое американских бизнесменов вышли из черного «седана» на пристань и успели пройти иммиграционную службу и та-

можню, когда оповестили, что провожающих просят покинуть палубу корабля.

Один из бизнесменов выглядел довольно молодо, несмотря на преждевременно поседевшие волосы, и на его чемодане было написано: Е. Киддеридж.

А другой был высокий солидный мужчина, с нервным блеском в маленьких глазках за очками с двухфокусными стеклами, у него все время выступал пот, и он постоянно вытирал лицо большим носовым платком.

Имя его на ярлыке саквояжа было В. Винтер, а под именем красными чернилами было написано: «Моя группа крови „F“».

Глава 23
Любовь и соус «Вернез»

Точно в восемь на «Куин Элизабет» прозвучала сирена с такой силой, что зазвенели стекла. Были отданы швартовы, и, мягко разрезая воду, лайнер медленно двинулся вниз по реке со скоростью пять узлов в час. Затем в Амбруаз Лайт лоцман покинул лайнер, и винты стали взбивать волны моря в густую пену. Наконец, издав прощальный гудок и пройдя по дуге от 45-й к 50-й параллели, лайнер направился к Саутгемптону.

Сидя в своей каюте, прислушиваясь к шуму волн и наблюдая, как карандаш катался по столу между расческой и краем паспорта, Бонд вспомнил о днях, когда курс этого лайнера был иным, когда он делал зигзаг далеко в Южную Антлантику и играл в прятки с группой немецких подводных лодок, направляясь к объятой пламенем Европе. Тогда это было рискованным предприятием, но теперь «Куин Элизабет», оснащенная радиолокаторами, эхолотом и прочими достижениями техники, двигалась с осторожностью восточного владыки, имея на борту

внушительный экипаж и пассажиров. Что касается Бонда, то единственной неприятностью для него могла явиться скука или расстройство желудка. Он поднял телефонную трубку и попросил соединить его с мисс Кейс, и когда она узнала его голос, то издала театральный вздох.

— Матросу плаванье не по душе, я чувствую, что меня укачает.

— Все нормально, — сказал Бонд, — оставайтесь в своей каюте и живите на «Драмамине» и шампанском. Я буду не в форме два, или три дня. Собираюсь вызвать врача и массажиста из турецких бань и попробовать собрать себя по кусочкам. Вообще, нам не повредит, если мы не будем показываться на люди большую часть нашего путешествия. Вполне может быть, что они засекли нас в Нью-Йорке.

— Хорошо, если вы обещаете мне звонить каждый день, — сказала Тиффани, — и обещаете, что сведете меня в ресторан на веранду, как только я почувствую, что смогу проглотить немного икры. О'кей?

Бонд засмеялся.

— Если вы так решительно настаиваете, — согласился он. — А теперь послушайте меня, в обмен на это я хочу, чтобы вы припомнили все

об АВС и лондонском конце этого бизнеса. Тот телефонный номер. Может быть, что-нибудь еще. Я расскажу вам все, и почему я в этом заинтересован, как только мне это удастся, но пока вы должны мне поверить. Идет?

— О, конечно, — безразлично сказала она, как будто эта сторона ее жизни потеряла для нее значение. И в течение десяти минут он задавал ей вопросы, но, кроме незначительных деталей, все они были без ответа. Она ничего не знала об АВС.

Затем он положил трубку и позвонил стюарду, заказал обед и сел за составление отчета, который надо было закодировать и передать этой же ночью.

На лайнер тихо спустились сумерки, и маленький город-корабль с тремя с половиной тысячами душ продолжал свой пятидневный путь, во время которого могло произойти все, что естественно для любого замкнутого общества людей: кражи, драки, совращения, попойки, надувательство, возможно, роды, самоубийства, сотни стычек и, вероятно, даже убийство.

В то время как железный город покачивался на волнах Атлантического океана и мягкий ночной ветер стонал в снастях, дежурный радист начал уже принимать и передавать радиограмы.

Ровно в 10 часов по Гринвичу дежурный радист послал радиограмму, адресованную АВС, «Алмазный дом», Хеттон Гарден Лондон, в которой говорилось: «Субъекты обнаружены, если обстоятельства потребуют, то неизбежно принятие решительных мер. Назначьте оплату в долларах». Подпись: «Винтер».

Часом позже, в то время как радист вздыхал при мысли, что ему придется передать пятьсот пятизначных групп цифр, адресованных: «Директору. Универсальный экспорт. Риджент Парк, Лондон», радиостанция передала короткую радиограмму, адресованную Винтеру, пассажиру первого класса, в которой говорилось: «Желательно аккуратно и быстро убрать Кейс. Повторяю, Кейс. Оплата 20 000 долларов. Другим субъектом займусь сам по прибытии в Лондон. Подтверждаю. АВС».

Радист нашел Винтера в списке пассажиров, положил сообщение в конверт и отправил вниз в каюту, на палубу «А», находящуюся ниже палубы, где обосновались Бонд и его спутница. Там двое мужчин заправлялись джином и ромом, и когда стюард покинул каюту, он услышал, как полный мужчина сказал таинственным шепотом мужчине с седыми волосами:

— Что ты понимаешь, болван! Теперь за то,

чтобы убрать человека, платят 20 000 долларов. Вот так-то, парень!

Только на третий день путешествия Тиффани и Бонд договорились встретиться, чтобы выпить коктейль в Наблюдательном салоне, а попозже пообедать в ресторане на веранде. В полдень погода была совершенно спокойной, и после ленча в своей каюте Бонд получил записку, написанную на листе корабельной бумаги округлым почерком, в которой безапелляционно заявлялось: «Назначьте мне сегодня свидание. Обязательно».

И рука Бонда тотчас же потянулась к телефону.

Они оба страстно желали очутиться рядом друг с другом после трех дней разлуки. Но Тиффани опять была неприступна, когда присоединилась к нему, сидящему за угловым столиком в полумраке коктейль-бара на носу корабля.

— Что это за столик? — саркастически заметила она. — Вы стыдитесь меня или что-нибудь в этом роде? Я надела самое модное и самое шикарное платье из Голливуда, а вы прячете меня, как будто я мисс Рейнгольд 1914 года. Я хочу доставить себе немного удовольствия посмеяться над этим старым пароходом, а вы прячете меня в угол, как будто я в чем-то провинилась.

— Что-то наподобие этого, — ответил Бонд. —

Все, чего вы добиваетесь, — это внимания других мужчин.

— А что бы вы хотели, чтобы девушка делала на «Куин Элизабет»? Ловила рыбу?

Бонд засмеялся. Он подозвал официанта и заказал два «Мартини» с лимоном.

— Я мог бы вам предоставить только один вариант…

— «Милая девушка, — подхватила она, — вы можете прекрасно проводить время с симпатичным англичанином». Только дело в том, что он охотится за моими семейными драгоценностями! Что же мне делать? Я полностью принадлежу ему. — Она внезапно наклонилась вперед и положила свою руку на его. — Послушайте вы, Бонд, я счастлива, как сверчок. Мне нравится быть здесь. Мне нравится быть с вами. И мне тоже нравится этот столик в полумраке, где никто не видит, что я держу вас за руку. Не обращайте внимания на мою болтовню. Я не могу скрывать, что я счастлива. Не обращайте внимания на мои глупые шутки. Ладно?

Она была в блузке из тяжелого шаньунского шелка кремового цвета и черной шерстяной юбке. Нейтраль-ные цвета подчеркивали ее загар. Единственным ее украшением были маленькие

квадратные часики на черном ремешке. Короткие ногти на маленькой загорелой руке не были покрыты лаком. Отраженные лучи солнечного света сверкали на ее золотистых, тяжелых, падающих волосах, в глубине переливающихся серых глаз и на блестящих белых зубах, которые виднелись за полуоткрытыми полными губами.

— Нет, — сказал Бонд, — нет, я не против, Тиффани. Все, что связано с вами, — прекрасно.

Она взглянула в его глаза и была удовлетворена тем, что увидела. Принесли вино, она отдернула руку и стала насмешливо смотреть на него поверх бокала.

— Теперь вы ответьте мне на некоторые вопросы, — сказала она. — Прежде всего, чем вы занимаетесь и на кого вы работаете? Сначала в отеле я подумала, что вы первоклассный обманщик, но потом каким-то чутьем я поняла, что это не так. Я понимаю, что должна была предостеречь вас от АВС, и мы бы избежали всего этого… но я этого не сделала. Ну рассказывайте, Джеймс!

— Я работаю на правительство. Оно собирается прикрыть алмазную контрабанду!

— Что-то наподобие секретного агента?

— Просто государственный служащий.

— О'кей! Итак, что же вы собираетесь делать

со мной, когда мы попадем в Лондон? Посадить в тюрьму?

— Да. В свободной комнате моей квартиры.

— Это уже лучше. Я тоже начну служить королеве, как и вы? Мне хотелось бы быть влиятельной фигурой.

— Я думаю, что это мы сможем как-нибудь устроить.

— Вы женаты? — Она помолчала. — Или что-нибудь в этом роде?

— Нет. Время от времени я вступаю в связь.

— Так вы один из тех старомодных мужчин, которым нравится спать с женщинами? Почему же вы не женились?

— Я считаю, что так я смогу жить более самостоятельно. Большинство браков не соединяют вместе двух людей, а наоборот, делают их отчужденнее.

Тиффани Кейс задумалась.

— Может быть, в этом есть смысл, — сказала она наконец. — Но это зависит также и от того, как вы сами относитесь к брачному союзу, хорошо ли относитесь к своему партнеру. Ведь вы сами не можете считать себя совершенством?

— А как вы?

Девушке не очень хотелось услышать подоб-

ный вопрос.

— Может быть, я просто стала бесчувственной, — кратко ответила она. — За кого, черт возьми, я могла бы выйти замуж? За Шеди Трика?

— Должно быть, было множество других.

— Их не было, — сердито ответила она. — Может быть, вы думаете что я не должна была связываться с этими людьми. Да, я понимаю, что выбрала неправильный путь. — Вспышка угасла, и она жалобно посмотрела на него. — Это случается с людьми, Джеймс, и часто это на самом деле не их вина.

Бонд крепко сжал ее руки.

— Я знаю, Тиффани, — сказал он. — Феликс мне немного рассказывал о происшедшем. Вот почему я не задавал вам вопросов. Просто не стоит думать об этом. Сейчас мы здесь и должны жить сегодняшним днем, а не вчерашним. — Он переменил тему. — Теперь расскажите мне кое о чем, например, почему вас зовут. Тиффани и что, означает быть сдающим карты в «Тиаре»? Каким образом вы научились так искусно это делать? Вы превосходно сдаете карты, значит, вы можете делать многое.

— Спасибо, друг, — иронически проговорила

Тиффани. — Что делать? Играть на равных? А меня назвали Тиффани потому, что, когда я родилась, дорогой папа Кейс был настолько огорчен, что я не мальчик, что он подарил моей матери 1000 долларов и пудреницу, изготовленную из шелка — «Тиффани». И ушел. Он пошел на флот, и вскоре его убили на Ива-Яма. Так что моя мать назвала меня Тиффани Кейс и стала зарабатывать на жизнь для нас обеих. Она начала свою деятельность с подбора девушек, вызываемых для мужчин по телефону. Может быть, вас это шокирует? — Она взглянула на него полувызывающе, полувопросительно.

— Это меня не волнует, — сухо ответил Бонд. — Вы были одной из тех девиц?

Она передернула плечами.

— Затем на это дело наложили лапу гангстеры. — Она помолчала и допила свой «Мартини». — Я сама сбежала. Я работала на обыкновенной работе, на которой работают девушки. Затем дорога привела меня в Рено: там находилась школа, обучающая, как сдавать карты в азартных играх. Я записалась туда и как дьявол стала тренироваться. Прошла полный курс. Специализировалась по игре в кости, рулетке, игре в очко. На сдаче карт можно зарабатывать хоро-

шие деньги. 200 долларов в неделю. Мужчины любят, когда карты сдают девушки, и это придает женщине уверенность. Они рассчитывают на доброту мужчин к ним. Мужчины же, сдающие карты, пользуются меньшим успехом, но не думайте, что приятно делать это. — Она помолчала немного и с улыбкой взглянула на него. — Теперь снова ваша очередь, — сказала она. — Закажите мне еще вина, а затем расскажите, какого типа женщина, как вы думаете, подходит вам?

Бонд сделал официанту заказ. Он закурил сигарету и повернулся к ней.

— Кто-нибудь, кто сможет сделать соус «Вернез» так же хорошо, как и любить.

— Ужасный человек! Просто любая старая, глупая ведьма, которая умеет готовить и лежать на спине?

— О нет! Она должна обладать всеми хорошими качествами, которые имеются у женщин. — Бонд внимательно оглядел ее. — Золотые волосы, серые глаза. Чувственный рот. Идеальная фигура. И, конечно, она должна хорошо говорить, уметь одеваться, играть в карты и тому подобное. Обычные вещи.

— И вы бы женились на такой, если бы нашли ее?

— Не обязательно, — ответил Бонд. — В действительности же, я почти состою в брачном союзе. С мужчиной, его имя начинается с буквы М. Мне придется расторгнуть с ним брак, прежде чем я смогу жениться на женщине. А я не уверен, что хочу этого. Она будет пичкать меня бутербродами в гостиной, имеющей форму «Г», и тому подобное. Это долго не продлится. Я сбегу от этого. Я сделаю так, чтобы меня послали в Японию или еще куда-нибудь.

— А как насчет детей?

— Я хотел бы иметь детей, — кратко ответил Бонд, — но только тогда, когда я уйду со службы. В противном случае, меня это не устраивает. Моя работа не так уж безопасна. — Он взглянул на свою рюмку и опорожнил ее. — А как вы, Тиффани? — спросил он, чтобы переменить тему разговора.

— Я думаю, что каждой девушке хочется, придя домой, видеть шляпу на столе в прихожей. Только все дело в том, что я никогда не находила под шляпой что-либо стоящее. Может быть, я не очень усердно искала или не там, где надо. Вы знаете, как это бывает, когда попадаешь в канаву. Ты остаешься там и доволен, что можешь не заглядывать за ее края. Именно так и было, когда я

работала у Спенгов. Всегда знала, откуда подадут еду в следующий раз. Отложила немного денег. У девушки не могут быть друзья в такой обстановке и такой компании. Она даже может повесить объявление: «Не входить». Но мне кажется, что с меня вполне достаточно одиночества. Вы знаете, что говорят хористки на Бродвее? Стирка вызывает тоску, если в ней нет мужской рубашки.

Бонд засмеялся. Он лукаво взглянул на нее.

— А как насчет мистера Серафима? Те две спальни в пульмановском вагоне и ужин с шампанским, накрытый на двоих?

Не успел он закончить, как ее глаза вспыхнули, она встала из-за стола и направилась к выходу из бара.

Бонд проклинал самого себя. Он положил деньги на счет и поспешил за ней, нагнав ее на половине пути в каюту, на прогулочной палубе.

— Послушайте, Тиффани… — начал он.

Она резко обернулась и взглянула на него.

— Каким низким вы можете быть! — воскликнула она, и сердитые слезы блеснули на ее ресницах. — Зачем вам надо было все испортить таким жестоким замечанием? Зачем, Джеймс? — Она повернулась лицом к иллюминатору, ища платочек в своей сумочке, который поднесла к

глазам. — Вы просто ничего не понимаете.

Бонд обнял ее и прижал к себе.

— Моя дорогая. — Он знал, что только прилив любовной страсти развеет все эти недоразумения, но все же стоило потратить слова и время: — Я не хотел причинить вам боль. Я просто хотел все точно знать. Для меня это была плохая ночь в поезде, и тот столик с ужином причинил мне большую боль, чем та, которая последовала позже. Я должен был спросить вас.

Она недоверчиво взглянула на него.

— Вы действительно имели в виду это? — спросила она, следя за его лицом. — Вы хотите сказать, что уже тогда любили меня?

Она отвернулась от него и взглянула через иллюминатор на бесконечный синий океан и на множество ныряющих чаек, которые путешествовали вместе с чрезвычайно щедрым кораблем. Немного погодя она спросила:

— Вы когда-нибудь читали «Алису в стране чудес»?

— Много лет назад, — с удивлением ответил Бонд. — А что?

— Там есть строчка, о которой я часто думаю, — сказала она. — В ней говорится: «О мышка, ты знаешь выход из этого моря, моря слез? Я очень

устала здесь плавать, о мышка!» Помните? И вот я подумала, что вы собираетесь показать мне выход. Вместо этого, вы толкаете меня в это море. Вот почему я расстроилась. — Она посмотрела на него. — Но я понимаю, что вы не хотели сделать мне больно.

Бонд молча посмотрел на ее рот, потом крепко поцеловал ее в губы.

Она ответила, не вырвалась, и глаза ее снова смеялись. Потом она взяла его под руку и подвела к открытой двери лифта.

— Отведите меня вниз, — сказала она, — Я должна пойти и привести в порядок лицо, и мне потребуется немало времени, чтобы переодеться. — Она немного помолчала, потом приблизила губы к его уху:

— Если вас интересует, Джеймс Бонд, — мягко проговорила она, — то я никогда в жизни, как это говорится, не спала с мужчиной. — Она потянула его за руку. — А теперь пошли, — решительно проговорила она. — И вам тоже пора пойти принять теплую ванну. Я думала, что вам хотелось это знать про меня.

Бонд проводил ее до ее каюты, затем отправился в свою, где принял теплую ванну, а затем прохладный душ. Он лег на кровать и улыбался про

себя некоторым ее словам, пытался представить ее лежащей в ванне и думающей о том, насколько сумасшедшими могут быть англичане.

Послышался стук в дверь: вошел стюард с маленьким подносом, который он поставил на стол.

— Что это, черт возьми? — спросил Бонд.

— Это только что принесли от шеф-повара, — ответил стюард, после чего вышел из каюты.

Бонд встал с кровати и изучил содержимое подноса. Он улыбнулся про себя. На подносе была небольшая бутылка «Боллингера», жаровня с четырьмя небольшими бифштексами на поджаренных кусочках хлеба и маленький соусник. Рядом лежала написанная карандашом записка: «Этот соус «Вернез» был приготовлен мисс Т. Кейс без моей помощи». И подписано: «Шеф-повар».

Бонд наполнил стакан вином, густо намазал бифштекс соусом «Вернез» и тщательно прожевал. Затем он подошел к телефону.

— Тиффани?

Он услышал низкий восторженный смех на другом конце провода.

— Да, вы определенно можете делать прекрасный соус «Вернез»... — Он повесил трубку.

Глава 23
Работа отходит на второй план

Всегда самый опьяняющий момент в любовном взаимоотношении людей, когда впервые, в публичном месте, ресторане или театре, мужчина опускает руку и кладет ее на бедро девушки и когда ее рука тоже опускается вниз и прижимает руку мужчины своей рукой. Эти два жеста говорят обо всем. Все оговорено. Все соглашения подписаны. Затем наступает длительное молчание, во время которого играет кровь.

Было 11 часов вечера, и только немногие пассажиры остались в ресторане на веранде. Слышались мерные вздохи освещенного луной океана, большой лайнер разрезал черные воды Атлантики. И за кормой лишь легкие волны как бы напоминали о мерном дыхании спящего океана двум людям, близко сидящим друг к другу за столиком ресторана.

Подошел официант со счетом, и их руки приняли нормальное положение. Но теперь все время принадлежало им. И не было необходимости в словесных заверениях, и девушка улыбалась Бон-

ду, когда официант убрал со стола и они пошли к выходу. Они поднялись на прогулочную палубу.

— А что теперь, Джеймс? — спросила Тиффани, — Мне бы хотелось еще кофе и виски с содовой и с белым «Мятным кремом», пока мы будем на аукционе. Я столько слышала о нем, и, может быть, нам повезет!

— Хорошо, — сказал Бонд. — Все, что ты скажешь, — Он прижал ее к себе, и они пошли через большой холл, где все еще играл оркестр, в танцевальный зал, в котором музыканты настраивали инструменты. — Но не заставляй меня покупать номер, это чисто азартная игра, из которой пять процентов идет на благотворительные нужды. Шансы выиграть здесь так же минимальны, как и в Вегасе. Но будет весело, если аукционист окажется хорошим. Говорят, что на борту много людей с деньгами.

Зал был еще почти пустым, и они выбрали себе столик подальше от сцены, на которой главный стюард раскладывал принадлежности аукциониера: коробку с пронумерованными билетами, молоток и графин с водой.

— В театре это называется подготовкой мизансцены, — заметила Тиффани, когда они сели за столик в пустом зале. Но только Бонд успел

сделать официанту заказ, как дверь, ведущая в кинотеатр, распахнулась и в зале оказалось около сотни людей.

Аукционер, веселый полный мидлендский бизнесмен с красной гвоздикой в петлице пиджака, слегка ударил по своему столику, призывая к тишине. Он объявил, что капитан считает, что за следующий день они пройдут расстояние в 720–739 миль, и это является нижним полем, а любое расстояние больше 739 миль — верхним полем.

— А теперь, леди и джентльмены, — закончил он свое выступление, — посмотрим, сможет ли кто побить рекорд в этом путешествии, рекорд, который равен весьма впечатляющей цифре. 2400 — в банке!

Раздались аплодисменты.

Стюард предложил коробку с пронумерованными и свернутыми трубочками билетами самой богатой на вид даме в зале, затем поднял кверху бумажку, которую она передала аукционисту.

— Итак, леди и джентльмены, для начала мы имеем чрезвычайно хорошую цифру 738. Точно в самом верхнем пределе, и так как я здесь вижу множество новых лиц (смех), то, я полагаю, мы все согласимся с тем, что море совершенно спокойно! Леди и джентльмены! Какую цену я могу

предложить за 738? Могу я сказать 50? Кто-нибудь предложит мне 50 долларов за этот счастливый номер? Вы сказали 20, сэр? Кто больше?.. 25. Благодарю вас, леди. А вот там 30. Еще 40 и 45 дает мой друг мистер Отблат. Спасибо Чарли. Кто-нибудь дает больше 45-ти за 738? 50. Благодарю вас, мадам, вот мы и опять там, откуда начали! (Смех.) Кто же даст больше? Никто не решается? Высокая цифра, спокойное море. 50 долларов. Кто-нибудь скажет 55? Идет за 50. Продается, раз. Продается, два! — Он поднял молоток и громко ударил в третий раз.

— Ну, слава богу, он хороший аукционист, — сказал Бонд. — Это хороший номер и довольно дешевый, если такая погода простоит и дальше и никто не упадет за борт. Высокое поле сегодня вечером будет стоить крупную сумму денег. Все будут считать, что мы пройдем больше 739 миль при такой погоде.

— Что ты имеешь в виду под крупной суммой денег? — сказала Тиффани.

— 200 фунтов, а может быть, и больше. Я полагаю, что обычные номера будут проданы за 100 фунтов. Первый номер всегда дешевле других. Люди еще не зажглись. Единственное, что ты можешь ловко проделать в этой игре, это купить

первый номер. Любой из них может выиграть, но первый номер всегда стоит меньше.

Как только Бонд кончил говорить, следующий номер был продан за 90 фунтов приятного вида возбужденной девушке, за которую, очевидно, платил ее спутник — седой молодящийся мужчина, похожий на карикатуру пожилого поклонника молодой женщины, делающего ей богатые подарки.

— Купи мне номер, — попросила Тиффани. — Ты просто нехорошо ведешь себя по отношению к девушке. Посмотри, как этот приятный мужчина ведет себя по отношению к своей спутнице.

— У него уже не тот возраст, — возразил Бонд. — Ему, должно быть, уже 60. До сорока лет девушка мужчине ничего не стоит, а после сорока ты должен платить деньги или рассказывать интересные истории. — Он улыбнулся ей в глаза. — А мне нет еще и сорока.

— Не будь тщеславным, — сказала девушка. Она насмешливо посмотрела на него. — Говорят, что более пожилые мужчины — самые лучшие любовники. А ведь на самом деле, ты не скряга. А я прошу тебя об этом, потому что азартные игры запрещены на больших кораблях.

— В пределах трех миль, — сказал Бонд. — Но

даже и в этом случае стюард был чертовски осторожен. Послушай это. — Он взял оранжевую карточку, которая лежала на их столе. — «Аукцион-пари на ежедневное расстояние, покрываемое лайнером, — прочел он. — Компания считает себя обязанной заявить о том, что не желает, чтобы стюард данного помещения или кто-нибудь другой из персонала лайнера принимал активное участие в организации пари на ежедневно пройденное расстояние». — Бонд посмотрел на нее. — Вот видишь, — сказал он, — игра чрезвычайно близка к казне. И далее — «Компания предлагает, чтобы пассажиры сами избрали бы комиссию из среды пассажиров для наблюдения за ведением аукциона. Стюард курительной комнаты может, если его попросят и если позволят его служебные обязанности, оказать содействие в выполнении требований комиссии по аукциону номеров». Приятное отклонение от ответственности, — заметил Бонд. — Комиссия должна сдерживать негодование пассажиров, если возникнут недоразумения. А теперь слушай дальше. Вот где зарыта собака. — Он прочел: — «Компания обращает особое внимание на обеспечение финансовых законов Объединенного Королевства в отношении ограничений сделок и ввоза

стерлинговых банкнот в Объединенное Королевство». И так далее, — закончил он и улыбнулся Тиффани. — Итак, я куплю тебе номер, который продается, и ты выиграешь 2 000 фунтов. Это будет солидная пачка долларов, фунтовых банкнот и чеков. Единственная возможность использовать эти фунты стерлингов, даже если предположить, что чеки будут настоящими, что весьма сомнительно, это ввезти их контрабандой под поясом. И, таким образом, мы снова окажемся занятыми в том же старом предприятии, но теперь я уже буду на одной стороне с дьяволом.

На девушку эти слова не произвели впечатления. Среди гангстеров был один по имени Абадаба. Он был горбун, с головой в форме яйца, и он знал ответы на все вопросы: выработал свою систему, взвесив все шансы ставок на скачках, на цифровых пари. Он проделывал сам всю умственную работу. Его называли колдуном. Потом его убрали за ошибку после датчанина Шульца, рассказывала она.

— Я думаю, что ты просто второй Абадаба, судя по тому, как отказываешься истратить на девушку немного денег. Ну ладно! — Она пожала плечами.

— Может, ты хоть закажешь своей девушке еще

виски с содовой?

Бонд подал знак официанту. Когда тот отошел, девушка наклонилась к Бонду, так что ее волосы коснулись его лица, и сказала:

— На самом деле я не хочу виски. Выпей ты. Сегодня вечером я хочу остаться трезвой, как солнечным день. — Она выпрямилась. — Что теперь здесь происходит? — спросила она, — Я хочу послушать, что будет дальше.

— Сейчас опять начнется, — ответил Бонд.

Аукционист поднял голову, и в зале наступила тишина.

— А теперь, леди и джентльмены, — выразительно проговорил он, — вопрос ставится о 64 000 долларов. Кто собирается дать мне 100 фунтов за выбор высокого или низкого поля? Мы все знаем, что это означает. Можете выбрать высокое поле, которое сегодня вечером будет популярным (смех). Ввиду хорошей погоды. Итак, кто откроет аукцион со 100 фунтов за выбор высокого или низкого поля? Благодарю вас, сэр! А вот 110, 120, 130, благодарю вас, мадам!

— 150! — произнес мужской голос недалеко от их столика.

— 160! — на этот раз сказала женщина.

Мужской голос монотонно произнес: 170.

— 180! — сказал кто-то.

— 200 фунтов! — Что-то заставило Бонда обернуться и посмотреть на говорящего человека. Это был высокий мужчина. Его бледное лицо блестело от пота. Маленькие, холодные, темные глаза смотрели в сторону аукциониста через очки с двухфокусными стеклами. От пота его черные вьющиеся волосы слиплись, и, сняв очки, он вынул носовой платок и вытер пот круговым движением, которое начиналось с левой стороны лица и далее вокруг, к затылку, где он перехватил платок правой рукой и завершил круг на покрытом потом носу.

— 210,— сказал кто-то.

Громадный человек нагнулся и стал обтирать свой плотно сжатый рот. Что-то было в этом человеке, что заставило Бонда задуматься и попробовать вспомнить. Он смотрел на крупное лицо, перебирая в памяти, где он мог его встречать. Лицо? Голос? Англия? Америка?

Потом Бонд перевел свой взгляд на другого человека за столиком. И снова та же навязчивая мысль. Где он мог видеть этого человека? Необычно деликатные черты молодого лица под седеющими волосами. Мягкие карие глаза под длинными ресницами. Общее впечатление при-

ятного лица нарушал мясистый нос над большим ртом с тонкими губами, который теперь был открыт в широченной, пустой улыбке, как оскал почтового ящика.

— 250! — механически сказал рослый мужчина.

Бонд повернулся к Тиффани.

— Ты когда-нибудь раньше видела этих двоих? — И она отметила беспокойство в глубине его глаз.

— Нет, — решительно ответила она. — Никогда их не видела. Мне кажется, что они из Бруклина или Гарлема. А что? Они что-нибудь для тебя значат?

Бонд еще раз взглянул на них.

— Не-ет, — с сомнением ответил он.

В зале послышался взрыв аплодисментов. Аукционист постучал по столу.

— Леди и джентльмены, — с триумфом проговорил он, — все идет просто восхитительно. 300 фунтов дает очаровательная леди в прекрасном розовом вечернем платье. — Все головы повернулись в ее сторону, и все как бы безмолвно спрашивали: «Кто это?» — А теперь, сэр, — он повернул голову к плотному мужчине за сто ликом, — я могу сказать 350?

— 350,— сказал полный мужчина.

— 400,— произнесла женщина в розовом.

— 500,— голос прозвучал монотонно и безразлично.

Девушка в розовом сердито заговорила со своим спутником. Тот внезапно забеспокоился. Он посмотрел на аукциониста и покачал головой.

— 500 фунтов, кто больше? — спросил аукционист. Теперь он знал, что выжал все, что было можно в этом деле.

— 500 фунтов, раз! 500 фунтов, два! Гонг. Продано джентльмену за тем столиком, и я думаю, что он заслуживает аплодисментов. — Он захлопал в ладоши, и толпа последовала его примеру, хотя было видно, что она предпочла бы, чтобы выиграла девушка в розовом.

Полный мужчина приподнялся со стула на несколько дюймов и снова сел. На его лице не было благодарности за аплодисменты, и он продолжал пристально смотреть на аукциониста.

— А теперь мы должны выполнить формальности и спросить у джентльмена, какое поле он предпочитает? (Смех.) Сэр, вы выбираете верхнее или нижнее поле? — Голос аукциониста прозвучал иронически, и вопрос был пустой тратой времени.

— Нижнее поле! — В переполненном зале на мгновение наступила мертвая тишина, затем быстро стал нарастать гул неодобрения. Ни у кого не возникало вопроса: всем было ясно, что мужчина выберет верхнее поле. Погода была отличной. «Куин» делал по крайней мере 30 узлов в час. Может быть, он знал что-нибудь? Подкупил кого-нибудь на мостике? Не приближался ли шторм? Может быть, у кого-нибудь наступали роды?

Аукционист постучал по столу, призывая к тишине.

— В таком случае, леди и джентльмены, мы приступим к аукциону верхнего поля. Мадам, — он с поклоном повернулся к девушке в розовом, — не начнете ли вы аукцион?

Бонд повернулся к Тиффани.

— Это очень странный бизнес, — сказал он. — Это очень странно. Море спокойно, как стекло. Единственное объяснение всему этому — это то, что он что-то знает. Тем не менее, причина уже не имеет особенного интереса. Кто-то что-то им сообщил.

Он повернулся и небрежно взглянул на двух мужчин, затем спокойно отвел взгляд.

— Они очень интересуются нами.

Тиффани взглянула через его плечо.

— Сейчас они не смотрят на нас, — сказала она, — Мне кажется, что они пара наркоманов. Парень с седыми волосами выглядит глупым, а полный мужчина сосет свой большой палец. Они пьяны. Сомневаюсь в том, что они знают, что купили. Они просто решили вступить в перепалку.

— Сосет большой палец? — спросил Бонд. Он провел рукой по волосам: его рассеянная память раздражала его.

Вероятно, если бы девушка дала ему возможность проследить за ходом его мысли, он бы вспомнил, но она положила свою руку на его и наклонилась так, что ее волосы коснулись его лица.

— Забудь об этом, Джеймс, — сказала она. — И не думай об этих глупых мужчинах. — Внезапно ее глаза стали страстными и требовательными. — Мне здесь надоело. Прошу тебя, отведи меня куда-нибудь в другое место!

Не говоря больше ни слова, они поднялись из-за стола и вышли из шумного зала на лестницу. Когда они спустились по ней на нижнюю палубу, рука Бонда обняла талию девушки, а ее голова склонилась к нему на плечо.

Они подошли к двери каюты Тиффани, но она

толкнула его в сторону длинного коридора.

— Я хочу, чтобы все это произошло у тебя, Джеймс.

Бонд не произнес ни слова, пока они не дошли до двери его каюты и он не открыл ее. Заперев за собой дверь, они сплелись в объятиях и стояли так, прижавшись друг к другу, посредине чудесной маленькой комнаты. Затем он мягко проговорил:

— Моя дорогая! — И, запустив пальцы в ее волосы, откинул назад ее голову.

Некоторое время спустя его рука коснулась молнии на ее спине, и, не отодвигаясь от него, она шагнула из своего платья, часто дыша между поцелуями.

— Я хочу, чтобы было все, Джеймс, все, что ты когда-либо делал с девушками. Сейчас!

Бонд наклонился, обхватив ее рукой за бедра, приподнял и мягко положил на диван.

Глава 24
Смерть так неумолима

Последнее, что помнил Бонд до того, как зазвонил телефон, была Тиффани, наклонившаяся над ним и целующая его со словами:

«Ты не должен спать на том боку, где находится сердце, это вредно для здоровья. Повернись на другой бок!»

Он послушался ее и перевернулся на другой бок, и как только за ней захлопнулась дверь, он снова заснул, убаюканный вздохами Атлантики и мягким покачиванием корабля.

А потом в темной каюте раздался сердитый телефонный звонок, который звенел не переставая. Голос в трубке проговорил деловито:

— Простите за беспокойство, сэр, с вами говорит радист. Только что для вас получена радиограмма, и на ней открытым текстом помечено: «Сверхсрочно». Прочесть мне ее или послать вам?

— Пожалуйста, если можно, пошлите ее ко мне. Спасибо.

— Что, черт возьми, случилось? — Вся прелесть

отдыха и мечты страстно влюбленного были грубо кем-то попраны. Включив свет, он встал с кровати и, покачав головой, чтобы прогнать сон, направился в душ.

В течение целой минуты он лил на себя воду, затем вытерся, поднял с пола брюки и рубашку и надел их.

Послышался стук в дверь, и, получив радиограмму, Джеймс сел за стол и угрюмо принялся за работу. По мере того как группа цифр превращалась в слова, его глаза сужались, а кожа покрывалась мурашками.

Радиограмма была от начальника штаба, и в ней говорилось:

«Первоначальное тайное наблюдение за учреждением Сайса показало сигнал с «Куина», адресованный АВС и подписанный Винтером. Он сообщает о вашем пребывании с Кейс на борту, спрашивает инструкции тчк Ответ, адресованный Винтеру, подписанный АВС, содержит приказ устранить Кейс зпт цена двести тысяч долларов тчк Второе, мы считаем, что Руфус Б. Сайс является АВС, что частично эквивалентно его инициалам на французском, то есть Ан тире Бей тире Сайс тчк Третье, вероятно, встревоженный слежкой, Сайс вчера вылетел в Париж и

теперь, по сообщению Интерпола, находится в Дакаре тчк Это заставляет нас предположить, что «алмазная трубка» начинается на шахтах Сьерра-Леоне, откуда контрабандой алмазы переправляются за границу во Французскую Гвинею тчк Мы подозреваем члена интернационального зубоврачебного персонала в Сьерра, за которым следят тчк Четвертое, Рафф Кембере ждет вашего возвращения для безотлагательного полета завтра ночью в Сьерра-Леоне тчк Подписано КОС тчк».

Одно мгновенье Бонд сидел как примерзший к стулу. Внезапно в его голове промелькнула наиболее зловещая строчка из всего послания. Кейс угрожает опасность! Кто-то из шайки «Спенгл Моб» находится на борту корабля и путешествует вместе с ними. Кто? Где?

Он схватил телефонную трубку.

— Пожалуйста, мисс Кейс!

Он слышал, как телефон около ее кровати щелкнул и раздался первый звонок. Второй, третий. Еще один. Он бросил трубку и выбежал, направляясь к ее каюте. Никого. Пусто. Кровать нетронута. Свет включен. Но вечерняя сумочка лежала на ковре около двери, и ее содержимое было разбросано вокруг. Как это могло быть?

Она вошла. Мужчина стоял за дверью. Вероятно, последовал удар. А что дальше? Иллюминаторы были закрыты. Он взглянул в ванную. Ничего.

Бонд стоял посреди каюты, и его мозг четко работал. Что бы сделал он? Перед тем как убить, он допросил бы ее, выяснил, что она знала, что успела рассказать о них и кто этот человек — Бонд? Он бы приволок ее в свою каюту, где смог бы беспрепятственно выяснить все.

Если кто-нибудь встретил бы его, когда он переносил ее, то потребовалось бы только подмигнуть и слегка покачать головой: «Чуть больше нормы выпила шампанского. Нет, спасибо, я сам справлюсь!»

Но где та каюта? Далеко отсюда?

Бонд взглянул на часы и побежал обратно по коридору. Три часа. Она ушла из его каюты после двух. Следует ли ему позвонить на мостик? Поднять тревогу? Ужасная перспектива объяснений, подозрений, задержек. «Дорогой сэр, это почти невозможно!» Попытки успокоить его. «Конечно, сэр, мы предпримем все возможное». Вежливый взгляд сержанта, думающего о попойке и любовных утехах, и даже кто-то, пытающийся задержать корабль, чтобы выиграть нижнее поле в корабельном аукционе.

Нижнее поле! Человек за бортом! Лайнер задерживается!

Бонд распахнул дверь своей каюты и схватил список пассажиров. Конечно, Винтер. Вот он. А-49. Палуба, находящаяся ниже. А затем внезапно голова Бонда стала работать, как вычислительная машина. Винтер. Винт и Кидд. Два громилы. Он снова взглянул на список пассажиров. Киддеридж тоже в каюте А-49. Седой и полный мужчины в самолете ВОАС из Лондона. «Моя группа крови „F“. Секретный эскорт Тиффани. И описание Лейтера. «Он трус и не выносит путешествий. Когда-нибудь эта бородавка на большом пальце выдаст его». Красная бородавка на первой фаланге большого пальца, держащего спуск пистолета над Тингалингом Беллом. И снова слова Тиффани: «Они пьяны; полный мужчина сосет свой большой палец!» И двое в холле аукциона, преуспевающие в подготовке смерти. Женщина за бортом. Анонимно данная тревога в случае, если строгий страж упустит ее. Лайнер останавливается, разворачивается, и начинается поиск. И 3000 фунтов дополнительно убийцам.

Винт и Кидд. Громилы из Детройта.

Все эти беспорядочные картинки промелькнули в мозгу Бонда, в то время как он спешно

анализировал их, открывая портфель и извлекая из потайного кармана глушитель. Почти автоматическим движением он вынул «Беретту» из кармана пиджака, проверил магазин и прикрепил глушитель, все время взвешивая шансы и планируя свои действия.

Потом он отыскал план корабля, который получил вместе с билетами, и стал изучать его, одновременно надевая носки. А-49. Точно под ним. Была ли какая-нибудь возможность прострелить замок в двери и взять их раньше, чем они возьмут его? Практически нет. Они могли запереть дверь или забаррикадировать ее. Может быть, ему стоит взять кого-либо из команды, если бы он смог убедить его в существовании опасности? Опасности для Тиффани. Но пока будет идти пустая болтовня, они вышвырнут ее за борт из иллюминатора, а потом сделают вид, что все время читали книги или играли в карты, и спросят:

— Что означает вся эта суета?

Бонд засунул пистолет за ремень и открыл один из иллюминаторов. Он просунул в него плечи и, убедившись, что оставалось еще немного места, наклонился. Два тускло освещенных круга прямо под ним. На каком расстоянии? Около восьми футов?

Ночь была абсолютно спокойной, ни ветерка. Бонд находился на теневой стороне лайнера. Заметят ли его с мостика? Окажется ли открытым один из их иллюминаторов?

Бонд прыгнул на пол своей каюты и сдернул с кровати простыни. Связать их особым морским узлом, так будет надежнее всего. Но ему придется взять простыни из каюты А-49, чтобы возместить утрату своих, а если он все-таки проиграет, то уже ничто не будет иметь значения.

Бонд изо всех сил потянул за получившуюся веревку. Она должна выдержать. Привязав один конец к петлям иллюминатора, он взглянул на часы. С тех пор как была прочитана радиограмма, он потерял лишь двадцать минут. Не слишком ли много? Он сжал зубы, бросил веревку вниз и головой вперед выбрался из иллюминатора.

Не думать. Не смотреть вниз. Не обращать внимания на узлы. Медленно, четко перебирать веревку руками.

Ночной ветер мягко толкнул и качнул его, и далеко внизу он услышал гул и плеск моря. Откуда-то сверху донесся протяжный вой ветра в снастях, и намного выше звезды медленно закачались вокруг мачт.

Выдержат ли простыни? Смогут ли руки вы-

держать его вес? Не думать об этом. Не думать о громадном корабле, о холодном океане, о больших четырехлопастных винтах, готовых врезаться в его тело. Ты — мальчик, слезающий с яблони. Это так легко и так безопасно там, в саду, где можно мягко упасть на траву.

Бонд перестал думать и стал следить за своими руками. Он чувствовал, как кровь отхлынула от пальцев, и его ноги стали чувствительными, как антенны, когда внизу они стали шарить в поисках иллюминатора.

Вот. Пальцы правой ноги коснулись выступа иллюминатора. Он должен остановиться. Он должен быть спокойным и ногой исследовать дальше широкий распахнутый иллюминатор. Потом он почувствовал материю: занавески были задернуты. Теперь он мог начинать.

Еще два перехвата руками, и его лицо теперь было на уровне иллюминатора. Он смог взяться рукой за металлический выступ рамы, снять часть веса с туго натянутой белой простыни-веревки и дать одной руке блаженный отдых, потом другой, снимая нагрузку с напряженных мускулов и собирая силы для медленного подтягивания и окончательного прыжка в каюту с пистолетом в руке.

Он прислушался, глядя на круг медленно покачивающейся занавески, стараясь забыть о том, что он висит в воздухе, как птица, у борта «Куин Элизабет», не слушать там, внизу, шума океана и успокоить тяжелое дыхание и биение сердца.

Из каюты доносился приглушенный разговор. Несколько слов произнес мужчина, а затем раздался крик девушки: «Нет!»

На мгновенье там воцарилась тишина, потом послышался резкий удар. Он прозвучал как выстрел из пистолета и побудил Бонда прыгнуть через иллюминатор в каюту. Даже тогда, когда он каким-то образом совершенно беспрепятственно нырнул через трехфутовое круглое отверстие иллюминатора, ему все еще казалось, что он может повредить свою голову, и он прикрывал ее одной рукой, в то время как другой доставал пистолет.

Удачное падение на чемодан, стоящий под иллюминатором, и прыжок кувырком, от которого он очутился посредине каюты. Через мгновенье он был на ногах, быстро обернулся лицом к иллюминатору, и его пальцы на рукоятке пистолета побелели от напряжения, а вокруг сжатых губ образовалась тонкая белая линия. Сквозь узкие щелки ледяные серые глаза бегали из стороны в сторону.

Пистолет был направлен в центр между двумя мужчинами.

— Все в порядке, — проговорил Бонд, медленно выпрямляясь. Это было констатацией факта. Он контролировал ситуацию, и дуло его пистолета говорило об этом.

— Кто послал за вами? — спросил полный мужчина. Он произнес это сдержанно. Никакой паники. Не было даже большого удивления. — Вы пришли, чтобы быть четвертым в игре?

Он сидел в застегнутой рубашке с длинными рукавами недалеко от туалетного столика, и его маленькие глаза блестели на потном лице. Перед ним, на стуле, сидела Тиффани Кейс. На ней ничего не было надето, кроме маленьких трусиков телесного цвета. Не колени были зажаты коленями крупного мужчины, а. бледное лицо с красными пятнами было повернуто к Бонду. У нее были обезумевшие глаза загнанного животного, и рот от изумления был полуоткрыт.

Седой мужчина, расслабившись, лежал на одной из кроватей. Теперь он приподнялся на локте, а другой рукой тянулся к пиджаку за пистолетом. Он с безразличием смотрел на Бонда, и его рот был открыт в квадратной улыбке почтового ящика. Из середины губ, сквозь сжатые зубы, как

жало змеи, выступала вперед зубочистка.

Пистолет Бонда был направлен в нейтральную точку между двумя мужчинами. Когда он заговорил, его голос звучал низко и строго.

— Тиффани, — медленно и четко произнес он, — опустись на колени. Отодвинься подальше от этого человека. Держи голову опущенной. Потом выйди на середину комнаты.

Он не следил за ней. Его глаза продолжали переводить взгляд с мужчины, сидящего на стуле, на мужчину в кровати.

Теперь она была вне опасности.

— Я здесь, Джеймс. — В ее голосе звучали надежда и возбуждение.

— Встань и иди прямо в ванную. Запри дверь. Заберись в ванну и ляг там.

Его глаза скользнули в ее сторону, чтобы убедиться, что она выполнила его указание. Она встала и смотрела на него. Он заметил красное пятно от руки на белой коже ее тела. Она точно выполнила его приказание, и вскоре раздался щелчок, когда она закрыла за собой дверь ванной.

Теперь она была в безопасности. И она не увидит того, что должно было произойти.

Между двумя мужчинами было расстояние

в пять ярдов, и Бонд отметил, что если бы они сдвинулись, то могли бы схватить его. С такими людьми, как эти двое, нужно быть готовым ко всему. Даже в то мгновенье, когда он будет убивать одного, другой может вскочить и выстрелить. Пока его пистолет молчал, угроза была неопределенной, но при первой же пуле в одного угроза не удержит второго гангстера на месте.

— Сорок восемь. Шестьдесят пять. Восемьдесят шесть. — Сочетание одного из американских футбольных сигналов, одной из пятидесяти комбинаций, которую они, вероятно, уже использовали тысячу раз. Эти слова вырвались из уст полного мужчины. Одновременно он скатился на пол, и его рука метнулась к ремню.

Стремительным движением мужчина на кровати расставил ноги в стороны так, что его тело резко отодвинулось. Он быстро вытянул руку вперед.

Бум!!!

Пистолет Бонда глухо выстрелил. Под кипой седых волос образовалась дырка.

«Бум!» — ответил пистолет уже мертвого человека, выстреливший от последнего движения пальца, и пуля попала в кровать под трупом.

Полный мужчина, лежавший на полу, вскрик-

нул. Он смотрел вверх, в пустой и черный глаз, который не раздумывал о выборе и был только заинтересован в том, в какой сантиметр тела он попадет.

Пистолет полного мужчины находился на уровне колен Бонда и был бесполезно нацелен на белую крашеную металлическую дверь.

— Бросьте его!

Раздался шум, и пистолет упал на ковер.

— Встаньте!

Полный мужчина встал на йоги и стоял, глядя в глаза Бонду, как туберкулезник смотрит на свой платок, с ожиданием, полным страха: нет ли на нем крови.

— Садитесь.

Была ли вспышка надежды в этих глазах? Бонд не сбрасывал напряжения, как подкрадывающийся кот.

Полный мужчина медленно повернулся. Он поднял руки над головой, хотя Бонд и не говорил ему сделать это. Он сделал два шага обратно к стулу и медленно повернулся, как бы собираясь сесть.

Он стоял лицом к Бонду, и вполне естественно, что руки его опустились. И две расслабленные руки качнулись назад, правая рука больше, чем

левая. А затем внезапно правая рука сжалась и мгновенно рванулась вперед, и как белое пламя из кончиков пальцев вылетел нож.

Бум!!!

Бесшумная пуля и бесшумный нож пересеклись в воздухе, и глаза обоих мужчин одновременно дрогнули, когда нож и пуля ударили в цель.

Но взгляд полного мужчины померк, и глаза закатились, когда, схватившись за сердце, он упал на спину, в то время как глаза Бонда небрежно взглянули на расплывшееся алое пятно на его рубашке и на плоскую рукоятку ножа, свисающую с ее складок.

Раздался треск разваливающегося стула под полным мужчиной и затем удар грузного тела о пол.

Бонд мимоходом взглянул на него и повернулся к открытому иллюминатору.

Некоторое время он стоял спиной к каюте, глядя на мягко покачивающиеся занавески. Он глубоко вдохнул свежий воздух и прислушался к чарующим звукам моря, доносившимся из мира за стенами этой каюты, мира, который принадлежал ему и Тиффани, но не этим двоим. Очень медленно его тело и нервы расслабились.

Затем он вытащил нож из рубашки и, не взгля-

нув на него, потянулся, откинул занавеску в сторону и бросил его как можно дальше в темноту. Затем, все еще глядя в спокойную ночь, он поставил «Беретту» на предохранитель и рукой, которая вдруг показалась ему тяжелой, как свинец, медленно засунул пистолет за пояс брюк.

Почти неохотно он обернулся и взглянул на убитых, задумчиво оглядел каюту и бездумным жестом вытер руки о бедра, а затем осторожно прошел в ванную комнату и сказал устало и еле слышно:

— Это я, Тиффани.

Она не слышала его голоса. Она лежала лицом вниз в пустой ванне, зажав руками уши, и когда он, приподняв ее, взял на руки, она все еще не могла поверить в то, что произошло. Потом она прижалась к нему, медленно ощупала его лицо и грудь, чтобы окончательно убедиться, что он жив.

Девушка вздрогнула, когда ее рука дотронулась до его раненого ребра, и она отодвинулась от него, чтобы посмотреть на его лицо, а затем на кровь на своих пальцах и на пятно на рубашке.

— О боже, ты ранен! — с ужасом проговорила она, и ее ночные кошмары были забыты. Она сняла с него рубашку и промыла рану мыльной

водой, потом перевязала полотенцем, разрезанным на полосы лезвием ножа, взятого у одного из убитых.

Она все еще не задавала никаких вопросов, когда Бонд собрал ее одежду с пола каюты и, отдав ей, приказал вытереть каждый предмет, к которому они прикасались, чтобы не осталось следов пальцев.

Тиффани все еще стояла и смотрела на него, и глаза ее светились. И когда Бонд поцеловал ее в губы, она так ничего и не сказала.

Бонд многозначительно улыбнулся ей и вышел из ванной комнаты, заперев за собой дверь, после чего принялся за дело, работая с большой осмотрительностью, делая паузы перед каждым следующим движением для того, чтобы ясно представить себе ощущение сыщиков, которые войдут на борт корабля в Саутгемптоне.

Прежде всего он обвязал своей рубашкой с кровавым пятном поднос, чтобы придать ей вес, подошел к иллюминатору и выбросил его за борт. Смокинги обоих мужчин висели за дверью. Он вынул из нагрудных карманов носовые платки и, обвязав ими руки, стал искать в платяном шкафу, пока не нашел, вечернюю рубашку седовласого мужчины. Он надел ее и некоторое

мгновение стоял в центре каюты, раздумывая о дальнейшем.

Затем с большим трудом, стиснув зубы, он придал трупу полного мужчины вид сидящего человека. Потом снял с него рубашку, подошел к иллюминатору, вынул «Беретту», приставив ее к небольшому пулевому отверстию около сердца в рубашке, и выстрелил еще раз через дырку. Вокруг дырки образовалась закопченная область, что придало выстрелу характер самоубийства. Он снова надел рубашку на труп, тщательно обтер «Беретту», прижал пальцы правой руки мертвеца к пистолету и окончательно укрепил пистолет в руке мертвеца с указательным пальцем на спуске.

После очередной паузы посреди каюты он снял с вешалки смокинг Кидда и надел его на труп. Потом он протащил его по полу до иллюминатора и, обливаясь потом от напряжения, просунул труп в иллюминатор и вытолкнул его за борт.

Потом Джеймс обтер иллюминатор, чтобы уничтожить отпечатки пальцев и снова сделал паузу, восстанавливая дыхание и обозревая сцену действия. Затем, подойдя к карточному столику, на котором в беспорядке валялись карты, он опрокинул его на пол так, чтобы карты рассыпались

по полу. Немного подумав, он подошел к трупу, вынул из кармана его брюк пачку долларов и разбросал их среди карт.

Картина должна была произвести жуткое впечатление. Будет немного таинственной пуля, выпущенная в кровать умирающим Киддом, но это могло быть эпизодом борьбы. Из «Беретты» было сделано три выстрела, и три гильзы валялись на полу. Две пули могли быть в теле Кидда, который теперь находился в водах Атлантики. Еще оставались две простыни, которые ему придется стащить со второй кровати. Их пропажа останется необъяснимой. Возможно, они подумают, что Винтер завернул в них тело Кидда, как в саван, перед тем как выбросить его в море. Это будет вполне соответствовать угрызениям совести Винтера и самоубийству, последовавшему за дикой схваткой во время игры в карты.

Во всяком случае все останется так до тех пор, пока полиция не прибудет в порт, а Тиффани и Бонд к тому времени уже уйдут с борта лайнера. Единственным следом от них в каюте останется «Беретта» Бонда, но на ней, так же как и на всем другом оружии секретных агентов, не имелось номера.

Он вздохнул и пожал плечами. Теперь остава-

лось лишь взять простыни и доставить Тиффани в ее каюту так, чтобы никто их не заметил. Затем обрезать веревку, свисающую из его иллюминатора, выбросить ее в море вместе с запасными магазинами для «Беретты» и кобурой… А затем, наконец, настанет время, когда он сможет уснуть, прижав ее дорогое тело к своему и навсегда заключив ее в свои объятья.

Навсегда?

Когда он медленно шел по каюте в ванную комнату, он заметил пустые глаза трупа, лежащего почти на полу.

Глаза мужчины, группа крови которого была «F», как бы сказали ему:

— Мистер, ничто не вечно, неизбежна только смерть. Ничто не вечно, кроме того, что вы сделали со мной!

Глава 25
«Алмазная трубка» закрывается

Теперь уже не было скорпиона, который жил в корнях большого колючего кустарника, росшего на границе трех африканских государств. Контрабандисту из шахты нечем было занять свои мысли, кроме бесконечной колонны муравьев, ползущих между тонкими стеблями, между низкими стенами, которые солдаты построили по обеим сторонам трехдюймовой дороги.

Было жарко и душно, и мужчине, притаившемуся в кустарнике, не терпелось поскорее убраться отсюда. Это последнее свидание, на которое он пришел. Им придется подыскать кого-нибудь другого. Конечно же, он будет вежливо разговаривать с ними. И предупредит, что собирается оставить это дело. Объяснит причину: новый помощник зубного врача, недавно принятый в штат, не совсем разбирался в зубоврачебном деле. Этот человек определенно был шпионом. Пристальный взгляд, небольшие рыжеватые усики, чистые ногти. Не поймали ли одного из их парней? Может быть, кто-нибудь переметнулся

на службу к королеве?

Контрабандист переменил позу. Где же, черт возьми, самолет? Он схватил горсть пыли и швырнул ее в колонну муравьев. Они сначала остановились, а потом полезли на стенки своей дороги, в то время как спешащие сзади натыкались на передние ряды.

Мужчина снял сапог и поставил его так, чтобы он преграждал муравьям дорогу. Последовало еще одно краткое мгновение сумятицы, затем муравьи пожрали мертвые тела своих собратьев и освободили дорогу. И черная река потекла дальше.

Мужчина выругался на африканском наречии и надел сапог.

— Черные ублюдки, — проворчал он. Он покажет им. Ломая ветки и прикрываясь рукой от шипов кустарника, он шагнул через колонны муравьев и загородил лунный свет. Это заставит их задуматься. Но тут же забыл о ненависти, которую он питал ко всем черным существам, и повернул голову к северу.

— Боже, это он, — проворчал он и двинулся вокруг кустарника, чтобы взять факел, пакет с алмазами и коробки для инструментов.

На некотором расстоянии от кустарника боль-

шое металлическое око звукоуловителя уже прекратило поиск, и оператор тихо назвал полученные данные группе из трех человек, находившейся в армейском грузовике. Он сказал:

— Тридцать миль от нас, скорость сто двадцать, высота— девятьсот футов.

Бонд взглянул на часы.

— Кажется, время свидания назначено в полночь с полнолуние, а он опаздывает примерно на десять минут.

— Похоже на то, — согласился офицер из военного гарнизона Фри-Тауна, стоящий рядом с ним. Он повернулся к третьему мужчине. — Капрал, убедитесь, нет ли металлических отблесков через маскировочную сеть. Эта луна может все испортить.

Грузовик стоял под прикрытием живого кустарника на грязной дороге, пролегающей через пустыню к местечку Телебадау во Французской Гвинее.

В эту ночь, как только локатор обнаружил звук мотоцикла дантиста, они отъехали от холмов по параллельной дороге. Ехали без огней и остановились тогда, когда остановился мотоцикл, и больше не было возможности двигаться, чтобы шум двигателя не обнаружил их присутствия.

Они накрыли маскировочной сеткой грузовик и локатор и затем стали ждать, не зная точно, чем кончится это свидание с дантистом: будет ли это другой мотоцикл, или всадник на коне, или самолет? Теперь они услышали отдаленный гул в воздухе. Бонд тихо засмеялся.

— Вертолет, — сказал он. — Больше уж никто не станет принимать участия в таких путешествиях. Когда он появится, приготовьтесь снять сеть. Может быть, нам придется дать предупреждающий выстрел. Включен глушитель звука?

— Да, сэр, — ответил капрал, стоявший около локатора. — Вертолет быстро приближается. Через минуту его можно будет увидеть. Видите те огни, сэр, где-то здесь должна находиться посадочная площадка.

Бонд взглянул на четыре тонких столба света, а затем снова посмотрел на бескрайнее африканское небо.

Итак, приближается последний из гангстеров и, вместе с тем, первый человек, которого он увидел в Хеттон-Гардене. Первый из «Спенгл Моб». Гангстер, который так высоко ценится в Вашингтоне. Единственный, кроме безобидного, довольно милого Шеди Трика, кого Бонд не должен был убивать. Он подумал и о двух парнях из Детройта.

Не то чтобы ему хотелось убивать этих людей. Задание М. заключалось только в том, чтобы получить от них все необходимые сведения, но один за другим они сами пытались убить Бонда и его друзей. Насилие было их основным оружием. Насилие и жестокость. Двое мужчин в «шевроле» в Лас-Вегасе стреляли в него и ранили Эрни Курсо. Двое в «ягуаре», избившие дубинками Эрни Курсо, первыми обратились к оружию, когда дело дошло до схватки. Серафим Спенг, который распорядился, чтобы Бонда избили до полусмерти, а затем пытался застрелить их с Тиффани или задавить, когда они ехали на дрезине. Винтер и Кидд, которые пытались устранить Тингалинга Белла и опять же Бонда и Тиффани Кейс. Из семи он убил пятерых не потому, что кто-то должен был сделать это. Это выпало на его долю. И у него было также трое хороших друзей: Феликс, Эрни и Тиффани — все симпатичные люди, а плохие были мертвы.

И вот теперь сюда приближался последний, оставшийся в живых из шайки гангстеров, который приговорил его и Тиффани к смерти. Человек, который, по словам М., создал эту контрабандистскую корпорацию алмазов, организовал алмазный трубопровод и поддерживал его функ-

ционирование жестоко и безжалостно в течение многих лет.

Когда М. позвонил по телефону в Боскомбе-Тауе, он был краток. Он поймал Бонда в «Воздушном министерстве» за несколько минут до того, как «Канберра» должна была вылететь в направлении Фри-Тауна. Бонд говорил с ним из кабинета начальника аэропорта, уже слыша рев «Канберры», на которой проверялись двигатели.

— Рад, что вы благополучно возвратились.

— Благодарю, сэр.

— Что там такое в вечерних газетах о двойном убийстве на «Куин Элизабет»? — В голосе М. слышалось больше чем подозрение.

— Они были убийцами, посланными гангстерами. Путешествовали как Винтер и Киддеридж. Мой стюард сказал мне, что они, кажется, поссорились за картами.

— Вы считаете, что ваш стюард был прав?

— Звучит вполне правдоподобно, сэр.

Последовала пауза.

— А полиция тоже так думает?

— Я никого из них не видел, сэр.

— Я поговорю с Веленсом.

— Да, сэр, — сказал Бонд. Он знал стиль разговора М. и был уверен, что, зная, что Бонд убил этих

людей, М. сделает так, чтобы ни Бонд, ни Секретная служба не были упомянуты в этом деле.

— Но что бы там ни было, они — маленькие люди, а вот Джека Спенга, или Руфуса Б. Сайса, или АВС, или как он еще там себя называет, нужно брать. Насколько я могу предполагать, он снова направится к началу «алмазной трубки». Он закрывает ее. И там возможно убийство. «Кондом» «алмазной трубки» является дантист. Постарайтесь взять их обоих. Я послал № 2804 работать рядом с зубным врачом около недели тому назад, и люди во Фри-Тауне думают, что для них уже достаточно ясна местная ситуация. Я хочу прикрыть это дело потому, что надеюсь на вашу основную работу. Это было достаточно грязное дело, и с самого начала оно мне не нравилось. Больше надежды на удачу, чем на хорошую работу.

— Да, сэр, — сказал Бонд.

— А что по поводу этой девушки — Кейс? — спросил М. — Говорил о ней с Веленсом, и он не хочет ничего предпринимать, пока вы сами твердо не решите, что делать. — Не был ли голос М. слишком безразличным?

Бонд постарался говорить так, чтобы его ответ не выглядел слишком легкомысленным.

— Она мне очень помогла, — сказал он с кажущейся легкостью. — Может быть, мы сможем решить этот вопрос, когда я напишу свой окончательный отчет?

— А где она сейчас?

Черная телефонная трубка в руке Бонда стала скользкой.

— Она находится по дороге в Лондон в Даймлер-Хайл. Я направил ее в мою квартиру. Она будет жить в свободной комнате. Она очень хорошая хозяйка и сама позаботится о себе, пока я не вернусь. Я уверен, что с ней все будет в порядке. — Бонд снова вынул носовой платок и вытер с лица пот.

— Я уверен в этом, — ответил М. В голосе его не было иронии. — Тогда все в порядке. Ну ладно, желаю удачи! — Затем последовала пауза. — Позаботьтесь о себе. — И голос на другом конце трубки внезапно стал сердитым. — Не думайте, что я доволен тем, как до сих пор шли дела. Конечно, все шло нормально, но вы, кажется, слишком мягко обошлись с теми людьми. До свидания, Джеймс!

— До свидания, сэр.

Бонд взглянул на звездное небо и подумал о М. и о Тиффани. У него появилась надежда, что

это действительно будет концом, все произойдет быстро и легко и что скоро он будет уже дома.

Контрабандист с рудников стоял и ждал, держа четвертый факел в руке. Вот и он, летит со стороны луны, пересекая лунную дорожку. Как всегда, чертовски много шума. Это было еще одной опасностью, от которой он был рад избавиться.

Вертолет опускался и теперь уже повис в воздухе, в двадцати футах над головой. Высунулась рука и взмахом нарисовала букву А, а человек, стоявший на земле, в ответ просигналил В и С. Лопасти винта замерли, и большое металлическое насекомое мягко опустилось на землю.

Пыль улеглась. Контрабандист отнял руку от глаз и смотрел, как пилот спускался по маленькой лестнице на землю. На нем были надеты летный шлем и очки. Необычно. И он выглядел выше, чем тот немец. Кто это?

— Принес? — Глаза под прямыми черными бровями пристально смотрели на него из-под очков. Они исчезли, когда пилот повернул голову и лунный свет упал на стекла очков. Теперь на их месте были два блестящих черных круга в середине блестящего черного шлема.

— Да, — ответил человек, нервничая. — Но где немец?

— Он больше здесь не работает. Я — АВС. Я закрываю «алмазную трубку».

Этот голос с американским акцентом звучал жестко, решительно и окончательно.

— О!

Рука контрабандиста автоматически потянулась за пазуху. Он вынул влажный пакет и протянул его так, будто предлагал мир. Как и скорпион месяц назад, он почувствовал поднятый над собой камень.

— Подай мне шланг с газом.

Это был голос надзирателя, дающего приказания кули. Контрабандист быстро шагнул вперед, повинуясь.

Они работали молча. Потом, когда они закончили, то оба опустились на землю.

Мысли контрабандиста отчаянно метались. Он услышал голос сильного человека, который знал себе цену и управлял всеми. Он вглядывался в темное пятно там, где стоял этот человек, положив руку на лестницу.

— Я обдумал все, и я боюсь.

Затем голос прервался, и обнажились зубы в открытом рту. И он стал издавать звуки, нечто среднее между рычанием и криком. Пистолет в руке пилота выстрелил три раза. Контрабандист

произнес: «О!» и, упав на спину, в пыль, дернулся раз и затих.

— Не двигайтесь! — металлический голос прозвучал над пустыней, и ему вторило эхо усилителя. — Вы окружены! — Раздался звук запускаемого мотора.

Пилот не собирался раздумывать о происхождении этого голоса. Он метнулся к лестнице. Дверь кабины захлопнулась, и раздался шум запускаемого двигателя. Взревел мотор, и лопасти винта стали вращаться и медленно набирать скорость до тех пор, пока не превратились в два серебристых вихря. Вертолет дрогнул, поднялся в воздух и начал вертикально набирать высоту.

Внизу, около кустарника, дернувшись, остановился грузовик, и Бонд рванулся к железным поручням.

— Вверх, капрал! — крикнул он человеку у подъемника. Он наклонился и сосредоточил взгляд на координатной сетке, в то время как дуло пушки поднималось в направлении луны. Он взялся за ручку «огня» и переключил ее с предохранителя на одиночный огонь. — И десять градусов влево!

— Я буду подавать вам снаряды. — В руках офицера, стоявшего рядом с Бондом, было десять

снарядов.

Бонд поставил ногу на педаль пускового устройства, и теперь вертолет был в центре координатной сетки.

— Приготовились! — тихо сказал Бонд.

Блестящий трассирующий след рванулся в небо со скоростью звука.

— Ниже и левее!

Капрал осторожно покрутил две ручки.

Трассирующий след сделал дугу высоко над подымающейся машиной. Бонд наклонился вперед и установил рукоятку на «автоматический огонь». Движения его руки были также автоматическими. Теперь это определенно уже приведет к смертельному исходу.

Ему снова приходилось делать это.

В небе расплылся красный огонь, но вертолет все еще продолжал подниматься и поворачивал к северу.

Около хвостового винта показалась вспышка желтого цвета, и раздался отдаленный звук взрыва.

— Попали, — сказал офицер. Он взял ночной бинокль. — Хвостовой винт отсечен, — сказал он, а затем возбужденно воскликнул: — Черт возьми, кажется, вся кабина крутится с несущим

винтом! Пилот как одержимый хочет во что бы то ни стало уйти.

— Еще? — спросил Бонд, не отводя взгляда от крутящейся машины.

— Нет, сэр, — ответил офицер. — Хотелось бы взять его живым, если это удастся, но, кажется… он потерял управление. Стремительно падает вниз. Вероятно, что-то произошло с лопастями несущего винта. Вот он!

Бонд оторвал взгляд от координатной сетки и заслонил ладонью глаза от ярко светившей луны.

— Да. Вот он.

Теперь уже на высоте тысячи футов ревел двигатель, и большие лопасти винта бесполезно вращались, как клубок металла. Вертолет, раскачиваясь, падал.

Джек Спенг, человек, который приговорил Бонда к смерти. Который приговорил к смерти Тиффани. Чело век, которого Бонд видел всего лишь раз. Мистер Руфус Б. Сайс из «Алмазного дома». Вице-президент Европейского отделения. Человек, который играл в гольф в Сеннингдале и раз в месяц посещал Париж. «Образцовый гражданин» — как назвал его М. Мистер Спенг из шайки «Спенгл Моб», который только что убил

человека, последнего из скольких других?

Бонд мог представить себе сцену в узкой кабине: большой мужчина, держащий одной рукой рукоятку управления, другой уцепившийся за поручни и следящий, как стрелка высотомера быстро падает вниз. В глазах появляется ужас; пакет алмазов, стоимостью в 100 000 долларов, становится уже просто мертвым грузом; пистолет, которым он так часто пользовался, также становится бесполезным.

— Он падает прямо в куст! — закричал капрал, стараясь перекричать грохот в небе.

— Теперь он уже конченый человек, — сказал капитан самому себе.

Они увидели, как машина несколько раз дернулась, и у них перехватило дыхание, когда вертолет, дико раскачиваясь из стороны в сторону, в последний раз наклонился вперед, как будто куст был его врагом, сделал двадцатиярдовую кривую и врезался в колючий куст.

Не успело смолкнуть эхо падения, как из середины кустарника раздался хлопок, появился неровный шар пламени, который все рос, поднимаясь в воздух, и затмевал луну. Пустыня озарилась оранжевой вспышкой.

Первым заговорил капитан.

— Ух! — с чувством произнес он. Он медленно опустил ночной бинокль и повернулся к Бонду. — Ну, сэр, — как бы снимая с себя ответственность, проговорил он, — кажется, это все. Боюсь, что придется подождать до утра, когда мы сможем поближе подобраться к этому месту. И, вероятно, пройдет еще несколько часов, прежде чем мы сможем начать осмотр останков. А к этому времени подойдет французский пограничный патруль. К счастью, у нас с ними хорошие отношения, но губернатор еще долго, вероятно, будет спорить с Дакаром. — Офицер видел впереди развертывающуюся перспективу бумажной работы. Это угнетало его больше, чем обычно.

— Вы не возражаете, если мы немного поспим, сэр?

— Валяйте! — ответил Бонд. Он взглянул на часы. — Лучше заберитесь под грузовик. Солнце взойдет примерно через четыре часа. Я не устал, Я буду на всякий случай следить, чтобы огонь не распространялся дальше.

Офицер с любопытством смотрел на этого тихого загадочного человека, который внезапно появился в протекторате. Если бы когда-нибудь этому человеку захотелось бы спать… но все это не имеет никакого отношения к Фри-Тауну. Лон-

донский штат.

— Благодарю вас, сэр, — сказал он и спрыгнул с грузовика.

Бонд медленно убрал ноги с педали пускового устройства и сел, откинувшись на металлическое сиденье. Автоматическим жестом, не отводя взгляда от все еще скачущих языков пламени, он достал из кармана рубашки зажигалку и сигареты, закурил и снова положил все обратно в карман.

Итак, это был конец «алмазной трубки». И последняя страница в деле. Он глубоко затянулся и выпустил дым длинным тихим вздохом. Шесть трупов во имя Любви. Игра — и конец.

Итак, это большое красное зарево означало полный конец шайки «Спенгл Моб» и конец их легендарной контрабандной перевозки алмазов. Но не конец алмазов, которые горели в самом центре пламени. Они выживут и снова поедут через мир, немного потерявшие свой цвет, но не разрушенные, такие же вечные, как и смерть.

Бонд внезапно вспомнил глаза трупа, у которого когда-то была группа крови «F». Они были не правы. Смерть вечна. Но вечны и алмазы. Бонд спрыгнул с грузовика и медленно пошел по направлению к пляшущему пламени. Он неве-

село улыбнулся про себя. Все это дело, связанное с бриллиантами и со смертью, было слишком мрачным. Для Бонда это был конец еще одного рискованного предприятия, эпиграфом ему могла бы служить фраза, сказанная Тиффани Кейс. И он представил ее чувственный рот, с иронической усмешкой произносящий слова:

— Легче сказать, чем сделать!